

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2008

Содержание

1. МИФЫ ВЗРОСЛЫХ О ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ
2. РОССИЯ, ПОЛЬША, СОЧУВСТВИЕ
3. СДАЛА ЛИ ПОЛЬША ГРУЗИНСКИЙ ЭКЗАМЕН?
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. МАРИАН ЗДЗЕХОВСКИЙ И РУССКИЕ БОГОИСКАТЕЛИ
6. ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им.
СТЕФАНА БАТОРИЯ
7. ГУМАНИЗМ И КУЛЬТУРА В НАШЕМ С ВАМИ ПОНИМАНИИ
8. ЗДЗЕХОВСКИЙ — ФИЛОСОФОВУ
9. МЕНТАЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ
10. * * *
11. ДЕТИ НА УРАЛЕ
12. ШАГАЯ БЕЗ УСТАЛИ ВПЕРЕД, Я ПОЗНАЛ КОРОТКИЕ
МГНОВЕНИЯ ПРЕКРАСНОГО
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
15. КТО НЕ ХОЧЕТ ДИАЛОГА?

МИФЫ ВЗРОСЛЫХ О ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

— Для взрослых и для молодежи семья — это основа. Такой вывод можно сделать на основе ваших последних исследований. Не преподнесут ли нам молодые люди какой-нибудь сюрприз?

Б.Ф.: Такими мнениями нас буквально убаюкивают! Нельзя верить тому, что это так и есть, потому что похоже. Конечно, есть точки соприкосновения. Скажем, что в жизни каждого самое важное? Семья, но в понимании взрослых — это традиционная семья. А вот для молодежи это могут быть также союзы, не освященные Церковью, свободные связи, даже гомосексуальные. Здесь можно говорить о гораздо большем числе таких различий. Возьмем отношение к спорту: для взрослых это проверенный способ занять так называемое свободное время молодых людей, молодежь же считает спорт одним из важных элементов заботы о теле, ну и здорового образа жизни.

— И что из этого следует?

Б.Ф.: Надо тщательнее обдумывать смысл того, что скрывается за конкретными терминами, иначе они превратятся в пустышки, внутри которых ничего нет. Язык общения между поколениями создает сегодня огромное поле для возникновения непонимания. Если мы, взрослые, считаем, что думаем так же, как молодежь, — а это вовсе не так, — то мы друг друга не поймем. И такой тип непонимания хуже, чем явная разница во мнениях.

— Вы сравнивали то, как думает варшавская молодежь, с мнениями экспертов. А кто они, эти эксперты?

П.З.: Это директора школ, учителя, педагоги, полицейские, работники культурно-просветительных учреждений, сотрудники всевозможных консультаций, соцработники, члены органов самоуправления, журналисты, священники и представители неправительственных организаций. Одним словом, те, кто ежедневно работает с молодежью и принимает решения, касающиеся ее проблем. Мы изучили вопрос о том, кто такие «эксперты по делам молодежи», которые призваны глубоко разбираться в ее нуждах. Нам было важно выяснить, откуда они черпают свои знания.

— Но ведь это ясно — профессиональный опыт.

Б.Ф.: Относительно этого у нас были сомнения. Мы провели опрос, поставив вопрос так: участвовал ли кто-нибудь в течение последних трех лет в программе для молодежи. 72% взрослых ответили положительно. А 90% молодых — отрицательно. Эти результаты нас немало удивили. Может быть, молодые люди и не запомнили проводившихся с ними бесед о безопасности движения, поскольку для них, к сожалению, это вопрос второстепенный. А для взрослых это способ покорить стихию, которая внушает им опасения. Отсюда бесчисленные программы, затрагивающие темы насилия, попадания в алкогольную, нарко- и прочую зависимость, здорового образа жизни и т.д. Взрослые учатся в массовом порядке.

— И что в этом плохого?

П.З.: Тогда мы попросили ответить на вопрос: какие черты взрослого человека больше всего нравятся варшавской молодежи? По мнению экспертов, это коммуникабельность и открытость. Откуда они об этом знают? Из занятий, где им подсказывают такую линию поведения. А среди молодежи ответ этот был менее популярен, разница составила целых 30%. Во взрослом им нравятся прежде всего интеллигентность, знания, ум. На занятиях используется упрощенный вариант психологии, что вредит взаимоотношениям. Приводит к неправильным обобщениям. Служит принципу «разделяй и властвуй»: эти люди такие, а эти — не такие. В результате в программе массовых курсов чаще доминирует идеология, нежели знания. Вырабатывается некий особый язык терапии, лишенный юмора и сдержанности.

— Но открытость, как представляется, никому вреда не причинила.

Б.Ф.: Если она настоящая. Мы спрашивали экспертов, что им помогает, а что мешает в контактах с молодежью. Ответы строятся по одной и той же шизофренической схеме. Помогает «моя открытость, коммуникабельность», мешает их «невоспитанность». Помогает «моя доброжелательность, заботливость», мешает их «неприязнь к взрослым, бунт». Помогают «мои знания и опыт», мешает «барьер возраста и опыта». Экспертам кажется, что перед ними опасная, хамская, взбунтовавшаяся масса. Тогда как же они могут воспитывать, как могут передавать систему ценностей? Где эта открытость и коммуникабельность?

П.З.: Но есть надежда. Каждый десятый эксперт отмечал, что в общении с молодежью ему помогают ее положительные черты. Это значит, что он увидел партнера. Столько же молодых людей констатировало, что в общении со взрослыми им ничто не мешает.

— А это много?

П.З.: Чересчур мало, чтобы воспроизвести модель мира взрослых.

— По каким вопросам между поколениями возникает пропасть?

П.З.: Мы посмотрели, каковы авторитеты. По мнению взрослых, авторитетами для молодежи служат священнослужители высокого ранга — предполагается, что это Иоанн Павел II и Бенедикт XVI. Но на них указали лишь 3,5% школьников и 5% студентов. Впрочем, довольно сильная тенденция к секуляризации проявляется в обоих поколениях. Бог и религия важны для 16% взрослых, 8% студентов и 3,5% школьников. И опять — «молодежь должна». Это очередной пример лицемерия. Следующим номером в списке образцов, которым, по мнению взрослых, должно следовать молодое поколение, предлагаются люди, известные из СМИ, хотя среди самой молодежи ими восхищаются лишь 2%.

— Тогда кто же служит авторитетом?

Б.Ф.: 42% школьников и 64% студентов ответили: «Я такой личности не знаю». Это значит, что в данный момент молодежи вовсе не требуются авторитеты. Однако такую возможность предполагают лишь 1,8% взрослых. Как можно достичь взаимопонимания с человеком, который считает, что ты просто обязан иметь авторитеты? Он будет тебя всячески доставать хотя бы ради того, чтобы их у тебя найти. А там оказывается нечего искать.

— Старшие всегда достают молодых, тут нет ничего нового.

Б.Ф.: Вот уже не один десяток лет мы знаем, что мы имеем дело с формирующимся новым миром. Он требует иного типа межчеловеческих взаимоотношений, без анахроничного верховенства старших. На уровне дискуссий это банальность. Но на практике в обществе мы продолжаем обнаруживать узурпаторов, которые думают, что они в состоянии управлять взаимоотношениями. Они ошибаются. Их власть превращается в явное принуждение и совершенно иллюзорна, ибо жизнь происходит в другом месте.

— Где?

Б.Ф.: Например, в польских семьях. Мать не может без конца стрелять из идеологической пушки, чтобы заставить дочь вынести мусор. Поколениям приходится совершать чудеса, чтобы договориться. И ежедневно сотни мелочей работают на изменение обоих поколений. Хуже дело обстоит в сфере ментальности. Тут мы строго следуем прежним иерархиям, напаяливаем на молодежь форму и заставляем ее становиться по стойке смирно. Но при этом поощряем выпускные балы с обязательным щипанием девочек в красных подвязках.

— *Так что, отказываться от принципов? Тогда молодежь потянет нас в неизвестность.*

Б.Ф.: Да мы уже по уши сидим в ней и неплохо справляемся. Хотя не обходится без конфронтации, даже в вузовской среде. Например, Интернет: есть те, кто выступает за свободный оборот информации, свободное программирование, широкий доступ к интеллектуальным источникам. Но есть и те, кто считает, что это недопустимо. И сопротивляется. СМИ, эксперты и политики тоже упрямо держатся за старый, анахроничный мир.

П.З.: Взаимоотношения поколений не остаются статичными, но и здесь трудно предложить образцы, которым надо следовать. А может, их и нет вовсе? Мы все, пожалуй, просто забываем о собственной молодости или толкуем ее как легенду поколения. Это просто наше бегство от обычного биологического слабоумия.

— *За последние годы я насчитала три дискуссии по проблемам молодежи. Когда ученики надели на голову учителю корзину для мусора, когда Аня из Гданьска совершила самоубийство после того, как не вынесла издевательств своих одноклассников, и когда 14-летняя Агата забеременела. Не маловато ли и не бессмысленно ли?*

Б.Ф.: Ибо настоящий публичный разговор о молодежи вовсе не ведется. Мы не говорим открыто не только об образовании и воспитании, об изменении цивилизации, результаты чего мы все испытываем на себе, но и об отношении к традициям или о проблемах нации. Кто решает, какие проблемы мы будем публично обсуждать? СМИ.

— *Дежурный мальчик для битья.*

Б.Ф.: И правильно, ибо они действуют по схеме: сеять моральную панику, что впервые описано Стэнли Козном в 70-е годы. Сначала журналисты подхватывают сенсационно звучащую информацию. Потом эта информация лавинообразно повторяется, дополняется мнениями экспертов, тревожной статистикой и т.д., лишь бы подольше эта новость оставалась в поле зрения. Наконец появляется попытка справиться с этим явлением: государственные учреждения или органы самоуправления начинают реагировать. Но тогда происходит резкий поворот, СМИ уже ищут следующую «кровавую» информацию.

А тем временем у потребителей неуклонно растет ощущение опасности. Язык, которым пользуются сегодняшние СМИ, говоря о молодежи, к сожалению, схож с так называемым языком ненависти.

П.З.: Еще и потому, что, как бы парадоксально это ни звучало, СМИ исповедуют в отношении молодежи позицию «дети и рыбы безгласны». Слушают только то, что сами хотели бы услышать. Они завладели языком коммуникации и понимают его как средство форматирования мозгов, а не как интегральную часть определенного посыла.

— *Выходит, нам не надо говорить о наркотиках и насилии?*

П.З.: Все зависит от того, каким образом это делается. Мы хотели проверить, кто и как формирует образ молодых варшавян. С помощью компьютерной программы, специально спроектированной для нужд этого исследования Альбертом Хупой, мы просмотрели архивы прессы. Оказалось, что чаще всего о молодежи высказываются сами журналисты и эксперты, а реже всего учителя, родители, ну и сама молодежь.

Б.Ф.: Журналистам случается рисовать образ молодежи прямо-таки героический. По их мнению, молодежь — это «дремлющий великан» или «самое ответственное поколение с интеллигентными взглядами». Что за графомания! Но самые яркие краски используются для описания «плохой» молодежи. Это «преступники, головорезы, малолетние проститутки и девчонки, одевающиеся как шлюхи», они «агрессивны, испорчены, развращены, коварны, строптивы, бунтуют, создают школам одни проблемы». От головорезов до неудачников! По мнению журналистов, для молодежи «не существует никаких ценностей, ее волнуют вопросы анорексии, нежелательной беременности, и она наркотизируется афродизиаками»!

— Откуда журналисты это знают?

П.З.: Понятия не имею. Но они подробно информируют, что молодежь либо «праздно шатается по торговым центрам, пьет, курит, совершает дерзкие кражи, пополняет бандитские шайки в трущобах», либо «загнивает в семейных норах» — это о молодежи из техникумов! — и «смотрит полные разврата видеофильмы». В вопросах общественной жизни «спит», ее воображением завладели «образы обнаженных, сексуально вызывающих звездочек».

Б.Ф.: На самом деле лишь 3% молодых варшавян проводит время в торговых центрах. Таблоиды читают лишь 16% школьников и 19% студентов. Мы также знаем, что последние выборы они не проспали.

— Эксперты, приглашенные комментировать положение, корректируют искаженную картину.

Б.Ф.: «Непослушные дочери, легкодоступные маленькие шалавы и оторвы. Флиртуют, ищут возможности секса и помешаны на сексе, они пользуются плодами движения за освобождение женщин, их привлекает пенис, и они буквально лезут на колени». Такое мнение, сложившееся у социологов и психологов о девочках, показывает, сколь трагическую окраску приобретает у нас разговор о молодом поколении. А эксперты? Они делят молодых людей на два разряда: тех, «у кого дома есть всё», и тех, кого они называют «патологической молодежью, легко впадающей в зависимость, детьми тех родителей, которые не ходят на родительские собрания». Если ты беден — значит, плохой! Неожиданное следствие трансформации. Если использовать такой язык, можно ли требовать от молодежи уважения к себе? Мы не умеем правильно общаться, поэтому наши миры отдаляются друг от друга. СМИ должны помогать в налаживании диалога, а вместо этого они представляют молодежь враждебно и недостойно.

— Неужели никто в прессе не защищает молодежь?

Б.Ф.: Работники органов самоуправления, социальные работники и полицейские не пытаются эпатировать общество, они сосредоточены на решении проблем. Прагматично, как правило без оскорблений и унижения достоинства, высказываются и учителя. Для священников плоха та молодежь, которая не ходит в церковь, но они относятся к ней с сочувствием. Пытаются достучаться до «заблудших» — устроить для них ток-шоу, приобщить к евангельским истинам через телевидение или Интернет.

— Как можно поддержать молодежь, которая отвергает предлагаемые образцы?

Б.Ф.: Есть люди (а имя им легион), для которых общение между поколениями невозможно без существования авторитетов. И они пытаются их гальванизировать, как мертвую лягушку током. Зачем? Настоящий авторитет заключается в том, что чьи-то достоинства признаются добровольно. Фальшивый авторитет возникает там, где есть хотя бы тень принуждения. Принцип «ты должен меня уважать, ибо я старше» — это тоже принуждение. Впрочем, всё менее эффективное. Молодежь сегодня нуждается прежде всего в разумных вожаках, например этаких в стиле Баумана интерпретаторах принципов, управляющих взаимоотношениями в обществе. Однако это требует от взрослых желания участвовать в будущем, а не руководствоваться только прошлым. Именно этого и не хватает. Молодым людям необходимо создать для себя свой собственный социум, но они не видят той опоры, на которой можно строить, ибо взрослые втискивают им нормы, в которые сами не верят или их не соблюдают.

— Взрослым трудно справляться с технологией.

П.З.: Взрослые видят в молодых лишь киборгов, хакеров, впавших в зависимость от компьютерных игр. А себя взрослые выставляют технологически безграмотными. Поэтому они, по идеологическим причинам, не высказываются о собственном опыте. 73% молодежи заявляют, что ищут в Интернете материалы для учебы и работы. Так же поступают целых 87% опрошенных нами взрослых. Но они считают, что молодежь делает это чаще. Такие переоценки возникали в отношении всех вопросов, связанных с компьютерами. С одним исключением!

— Каким же?

П.З.: По мнению взрослых, лишь 18% молодых людей читают прессу в Интернете. Хотя делают это более 30%. Зато, по мнению взрослых, молодежь читает компьютерную или гляцевую прессу. Неправда. Почти каждый второй варшавский студент регулярно читает общественно-политическую прессу, причем чаще всего «Газету выборчу». Они не ожидают от СМИ ничего дополнительного, никаких подарков, только честности и компетенции.

— Превосходно.

П.З.: Это зависит от того, с какой стороны посмотреть. У взрослых в голове мифы. Они считают, что молодежь праздно шатается по торговым центрам, а на самом деле туда ходят лишь 3% школьников и студентов. Они думают, например, что молодежь в массовом порядке питается в фаст-фудах, сидит на диете, чтобы похудеть, употребляет энергетические напитки. Например, взрослым кажется, что целых 77% молодых людей питается в «Макдональдах». А это делают лишь 17%. Зато половина молодых варшавян с энтузиазмом занимается спортом. Они ежедневно тренируются, бегают, ездят на велосипедах. Они ожидают, что город им обеспечит бесплатные стадионы, скэйт-парки, а главное — велосипедные дорожки. Взрослые этого не замечают, в их списке потребностей молодежи эти дорожки занимают последнее место. Теперь другой аспект: по их мнению, молодежи докучает анонимность, одиночество и отсутствие признания. На самом же деле главную проблему представляют собой агрессия и алкоголь. Гимназисты сами видят, что пьют слишком много. Своей величайшей проблемой школьники считают наркотики, но только 6% взрослых это замечают — несмотря на массовое обучение на специальных курсах. Если не изменить ресурсы знаний взрослых, поколениям никак не удастся договориться!

— *Можно ли обобщать такие данные? Варшава — исключение.*

П.З.: В 2005 г. мы проводили исследования в Кемпне, Белом Дунайце, Тухоле, а также в других малых и больших городах. Нас невероятно воодушевлял весьма заметный среди молодых людей импульс к модернизации. При этом взрослые были погружены в мир своих сиюминутных интересов и мечтали, чтобы никто им в этом не мешал. Они передавали детям образ жизни, где непременно идет борьба с препятствиями, где есть телевидение по вечерам, чтобы отвлечься от повседневных проблем. Означает ли это, что можно предполагать, будто молодые люди станут жертвовать жизнью, чтобы «Польша становилась сильнее»? Конечно же, нет! Если какой-то местный сатрап будет им слишком докучать, они просто уедут.

Б.Ф.: Некоторые исследователи утверждают, что великие перемены в современной культуре происходят на обочинах общественной жизни, где-то среди чудаков. Но мейнстрим всегда остается «здоровым», то есть анахроничным. Однако он «болен», ибо молодежь, в том числе и варшавская, определяет новые тенденции цивилизации.

— *Что еще стало для вас неожиданным в ваших исследованиях?*

П.З.: Опять приведем результаты. Мы задавали вопрос: зачем молодежь учиться? В Варшаве 31% студентов и 29% школьников ответили: «Чтобы развиваться на протяжении всей жизни». Много лет подряд по результатам социологических опросов ученье не было ценностью самой по себе, а служило достижению других целей. На сей раз мы получили иной ответ. Сенсация! Но взрослые в такую возможность не верят. Им бы надо создавать равные шансы и ликвидировать барьеры в образовании, а они напоминают профессора Пимку. Девять из десяти взрослых утверждают, что не всем необходимо получать высшее образование. Ограничение доступа к образованию они объясняют отсутствием способностей у молодежи.

— А молодежь?

П.З.: Ее отношение к образованию более эгалитарно, и сама она хочет учиться. Об этом заявляют почти 90% школьников.

— Если возрождается смысл образования, то, видимо, с традиционной культурой не все так плохо.

П.З.: Подобный вывод — это и есть как раз искореняемая нами «идеология», поэтому не будем спешить. Изучая образ жизни варшавской молодежи, мы обнаружили тот путь, по которому может идти воссоздание модели польского интеллигента. Этот путь ведет сегодня через гимназию, лицей и учебу в государственном вузе. Однако приверженцы интеллигентской этики делают это уже по-своему. Они увлекаются высокой культурой, но не следуют прежним традициям. Они слушают джаз, классическую музыку, музыку кино, но еще их интересует «рок» и «тяжелый рок», которые неожиданно стали удовлетворять интеллигентским вкусам. К так называемой массовой культуре они подходят выборочно, не потребляют все подряд. И уж совершенно точно они не будут повторять образцы прошлого.

Б.Ф.: И жаловаться тут нечего. Ведь кто создавал поп-культуру? Кто ее сформировал? Кто уничтожил телевидение, ввел таблоиды? Молодежь прекрасно от этого защищается. Если при таком темпе перемен она все же ценит профессионализм, перфекционизм и проявляет стремление к знаниям, то, безусловно, ей хочется лучшего мира.

— Какой это мир?

Б.Ф.: Я обладаю чем-то таким, чего у молодого человека нет и чего он добьется только тогда, когда достигнет моего уровня. Я знаю, как жить в обществе. Знаю, как управляться с

эмоциональной сферой, знаю, что такое любовь, дружба, ненависть и враждебность. Я могу многое предложить, поделиться с молодым человеком опытом. Взамен он научит меня, как пользоваться мобильным телефоном, которого я побаиваюсь. Или — если я учитель — расскажет мне, какую музыку слушают школьники, что она для них значит, почему так важны компьютерные игры. Он поможет расширить сферу моей компетентности. Разве такие взаимоотношения требуют иерархических условностей и жесткой определенности? Нет. Здесь может появиться авторитет — в качестве дополнительного приложения, но не обязательно. Возможно ли правильное функционирование мира, если в нем существуют такие взаимоотношения? Думаю, что весьма и весьма. Старшинством, которое предполагает сегодня привилегии, можно распорядиться иначе. Достаточно не заикливаться на принуждении и авторитаризме, а выбрать обмен ресурсами и сотрудничество.

— *Обмен, то есть что-то в обмен на что-то?*

Б.Ф.: Материалистов и нацеленных на карьеру сукиных детей в этой популяции не больше, чем в любой другой. Обычно взрослые считают, что если молодые люди собираются в анклавы, то они эгоисты. Неправда, у них имеются сотни возможностей выхода из своей группы на все стороны. Тогда взрослые пробуют применить другой стереотип: раз участвовали в благотворительном сборе денег вместе с Оркестром большой праздничной помощи и ходили на выборы, значит, они солидарны и вместе будут строить стеклянные дома. А ведь такое поведение означает нечто совершенно иное.

— *Что именно?*

П.З.: Коллективизм и индивидуализм сплетаются здесь в одно целое. Молодые люди проявляют стремление быть общественно полезными в своей среде, но эту свою среду они выстраивают иначе, чем мы привыкли судить. Для них, например, не существует понятия «виртуальный мир». В порталах они встречаются с людьми, столь же реальными, как те, с кем у них происходят встречи в кафе. Благодаря инструментам, сжимающим время и пространство, они могут конструировать близость более совершенным образом, чем поколение родителей. Мы с помощью электронной почты решаем свои неотложные дела, а они благодаря ей умеют с кем-то общаться. Я играю в компьютерную игру с парнем из Германии. Я делюсь с ним своими заботами и могу многим ради него пожертвовать.

— *А ради соседа?*

П.З.: Сосед — он из космоса. Новое соседство не знает границ. Свой мир молодежь возведет на руинах.

— *Чего?*

П.З.: Регионов, городских сообществ, прежнего самоотождествления.

Из этих руин она, возможно, использует парочку кирпичиков, так как черпать знания она будет из разных мест. Может и остервозиться. Но поиск собственных путей не обязательно грозит кризисом и катастрофой. Возможно, что она станет даже «пушистой».

— *Что это означает для премьера Туска?*

Б.Ф.: Мы задавали взрослым вопрос: кто нравится молодежи? И слышали от них высокую оценку политиков. Откуда это взялось? Потому что именно благодаря молодежи произошли политические перемены. Было объявлено (не пропущу — в СМИ), что коль скоро они мобилизовались, то значит настроены либерально и по-граждански. На самом деле это было объединение на короткое время, типа флеш-моба. Провели акцию, изменили неприемлемое для них положение вещей и пошли дальше.

П.З.: Они хотят, чтобы государство оставило их в покое. Оно должно функционировать должным образом и создавать велосипедные дорожки, а не заниматься их одиночеством. Здоровый прагматизм! Пару лет назад говорили, что молодежь поворачивает в сторону консерватизма. Теперь — что она воссоздаст левые партии. Это смешно. Для них идеология не очень-то важна. Политик существует для конкретных вещей. Если он обещает во время предвыборной кампании, что сделает то-то и то-то, тогда они за него проголосуют. А если не выполнит обещанного, то пусть убирается.

— *Где же тут место для партий?*

П.З.: Молодые люди отличаются коллективизмом в своих группах. Умение распознавать эти группы — важное условие для проведения разумной политики. Впрочем, они ею весьма и весьма интересуются, но не принимают в ней участия. К ровесникам, которые в нее вовлекаются, они относятся с презрением. Модель политики XVII века они совершенно не приемлют, возможно, они ее в будущем переформулируют. Пока что мы не знаем даже, сконструируют ли они модели

общества без сильных вождей и не превратят ли общество в общность. А когда границы между общностями станут трудно преодолимыми, не начнут ли они борьбу за доминирование. Это может привести даже к фашизму. В данной беседе мы обвиняем взрослых, но у молодежи тоже нет иммунитета к глупости и злу.

— *Можно ли им как-то помочь?*

Б.Ф.: Взрослые проявляют ничтожно мало желания узнавать на самом деле, что там происходит внутри с этой молодежью. Они пренебрегают собственным реальным опытом, не верят, что смогут достучаться до этих киборгов и не пытаются стать их партнерами. Когда мы публично озвучиваем результаты своих исследований, то иногда слышим недоверие, даже возмущение. Но ведь за тем, что происходит с молодежью, надо наблюдать — это поможет нам разобраться в том, каково положение в обществе и со всеми нами. Немцы ежегодно создают солидную фотографию своего молодого поколения, Польше тоже следовало бы этим заняться. Нам нужен добросовестный мониторинг.

— *Что возмущает ваших слушателей?*

Б.Ф.: По сути всё, о чем мы говорили на протяжении всей нашей беседы. Что в этом — отсутствие схемы, нечто новое, возможно, радость? Ведь результаты, по нашему мнению, невероятно оптимистичны. Разве это не здорово, что уже уходит в прошлое мир вертикальных отношений, авторитетных и авторитарных? Можно наконец сбросить с себя горб и радостно открывать новые возможности. Однако часто оказывается, что людям предпочтительнее вернуться в свою тюрьму.

Беседу вела Лидия Осталовская

РОССИЯ, ПОЛЬША, СОЧУВСТВИЕ

— Вы воспитывались в традициях, согласно которым от России не следовало ожидать ничего хорошего.

— И даже наоборот — следовало ожидать плохого. Вся моя семья пострадала от русских. Принадлежавшее нашей семье имение Великие Кривичи было конфисковано в 1863 году. Оба моих деда принимали участие в восстании и были сосланы в Сибирь. И ссылка эта была бессрочной. Вернулся лишь один из них, через десять с лишним лет, уже старым и больным человеком. Таких воспоминаний и рассказов людей старшего поколения было достаточно много, чтобы мы не доверяли России как государству. Однако у нас дома всегда говорилось, что многие русские — люди добрые и открытые, но только в том случае, если им позволялось такими быть. Всегда подчеркивалась разница между государством и человеком. Я тоже хочу это подчеркнуть. Иногда говорилось, что «русский» — это хороший, порядочный человек.

— Каким было ваше представление о России до 1939 года? Можно ли сказать, что вы росли с убеждением в культурном превосходстве Польши над Россией?

— Нет. Конечно, было осознание культурных различий, но категориями превосходства и неполноценности в моей среде не пользовались. Ведь были Лев Толстой, Чехов, Пушкин, Блок, Лермонтов, Есенин, Достоевский. То есть, во-первых, литература, а во-вторых — музыка: Чайковский, Прокофьев, Шостакович. Это была страна, в которой рождались гении. Тогда я знала такую Россию, а не советскую. Впрочем, тогда Россия как государство со своей историей меня не особенно занимала. Я только маркиза де Кюстина читала, и то потому, что в доме была его книга на французском языке.

Я была слишком юной, чтобы интересоваться советской политикой. Однако когда после 1934 г. начались громкие сталинские процессы, я тоже стала за ними следить. Невозможно было понять, почему эти люди, еще не осужденные, всего лишь обвиняемые, брали на себя всю вину. Невозможно было понять, почему они признавали всевозможные обвинения, почему не отрицали их. Почему адвокат выступал в роли чуть ли не обвинителя. Об этом писала вся мировая пресса. Я читала дома французские газеты и знала, что весь мир был потрясен этими процессами. Напрашивался

вопрос: что с этими людьми сделали? пытки применялись или еще что-то? Ответ я узнала гораздо позже, в лагерях.

— *Запомнилось ли вам, как воспринималась польско-советская война 1920 года?*

— Как большой успех, большая победа маршала Пилсудского.

— *Были ли вы знакомы с кем-то из русских до войны?*

— Только с несколькими эмигрантами, которые поддерживали отношения с виленским обществом. Это были белые русские, настроенные куда более антисоветски, чем поляки.

— *Когда вы впервые непосредственно соприкоснулись с советской Россией?*

— Когда танки въезжали в Вильно. Я видела солдат, которые стояли на машинах, они что-то говорили, агитировали на каждом углу. Одеты они были в рваные шинели, часто подпоясанные веревкой, многие были без сапог — скорее в лаптях, — если только не обзавелись уже «трофейной» обувью. Плачевно выглядели эти красноармейцы. Было такое впечатление, что это не армия, а какой-то странный сброд. Это были вроде бы русские, но в нашем представлении — советские. Однако поначалу никаких контактов у меня с ними не было. Мы с ними не разговаривали.

— *В книге «После освобождения», воспоминаниях о 1944–1956 гг., проведенных в ГУЛАГе, вы пишете о презрении, с которым польки относились к русским. Это было «ощущение больших культурных различий», ощущение превосходства перед лицом «проявлений варварства». Вы также пишете, что польки ощущали себя представительницами «свободы, культуры и высших европейских идеалов».*

— Так оно и было, хотя, возможно, «презрение» слишком сильно сказано. В лагере с поляками встретились простые русские люди. Наши партизаны тоже чаще всего были деревенскими жителями. И дело здесь было вовсе не в том, что с одной стороны оказалась польская интеллигенция, а с другой — простые русские люди. Но даже эти простые поляки производили впечатление людей, которые обладали более высокой культурой. Почему? В книге я задаюсь вопросом, не случилось ли это потому, что сама встреча именно в таких условиях, а не при иных обстоятельствах, именно в условиях несвободы, побуждала поляков выбрать для себя столь гордую позицию, вроде как деревенский парень стал неожиданно

шляхтичем. До войны он мог состоять в социалистической партии, бороться с социальным неравенством, но в лагере просто менялся перед лицом врага. Он стремился сохранить свое лицо, не сдаваться. Русские, исходя из старой традиции, кстати, также и литературной, считали поляков «панамии». Так они к нам относились: вы ведь паны. Это звучало как обвинение, но с некоторой примесью смирения.

— *В ваших воспоминаниях многократно звучит мысль о конфликте между европейской культурой и азиатским варварством. Вы пишете о тех случаях, когда семьи арестованных прекращали с ними любые контакты, и добавляете: «Для нас, европейцев, это было выше всякого понимания, это было нечто, противоречившее фундаментальным ценностям высшего порядка».*

— Вопрос здесь был не в каком-то специфическом национальном характере русских, скорее речь шла о поведении, оказавшемся следствием системы, которая господствовала в СССР. Это свидетельствовало о советском терроре. Ведь не раз достаточно было одной неподходящей фразы, произнесенной вслух, чтобы оказаться в тюрьме. Там царил страх, люди боялись, не хотели рисковать потерей работы, жизни, свободы — в частности и ради своих дочерей или сыновей. Это, разумеется, противоречило той этической системе, которую знаем мы, но и преследований таких мы не знали.

— *Однако вы пишете о разрыве в русских семьях любых контактов и при этом сообщаете, что всего один или два раза встретились с подобным «в украинских семьях, происходивших откуда-то из-под Харькова». Получается, что кроме этих исключительных случаев, даже украинцы, всегда жившие на территориях, где господствовали русские, вели себя иначе.*

— Нельзя обобщать какие бы то ни было черты. Украинцы испытывали давление террора на протяжении более короткого периода. И, возможно, здесь также сказался казацкий менталитет. Свое чувство независимости казаки не раз проявляли весьма опасным образом, но в подобных ситуациях оказывалось, что украинцы отличались от русских. Это были разные позиции, разные навыки мышления.

— *Верите ли вы в существование русской души?*

— Нет. Разве существует украинская или польская душа? Есть определенные формы поведения, которые, налагаясь друг на друга, создают традиции, образцы. Это находит отражение в поведении, вот и все.

— *«Среди бандиток больше всего русских» — это опять цитата из вашей книги.*

— Так оно и было. Это были несчастные девушки, воспитывавшиеся в детдомах, родом из семей, в которых всех посадили. Им не на что было жить, и они становились проститутками. Для них это был единственный способ выжить. Но опять же это была вина системы, а не национальности. Это был такой государственный строй, который уничтожал людей, независимо от их происхождения.

— *«Ибо обычно украинцы с востока были людьми с совершенно иным менталитетом, чем наши украинцы из-под Станислава или Львова. Я не думаю, что они с меньшей силой ненавидели поляков, но они наверняка отличались гораздо бóльшим комплексом неполноценности по отношению к русским». Вы описываете украинскую националистку, ненавидевшую русских и одновременно готовую отдать за кусок хлеба и ставшую лагерной «стукачкой». Это был уже советский менталитет?*

— Нельзя забывать, что пережили украинцы. Нам сложно понять, чем был голод на Украине. Я знала людей оттуда и слышала о случаях поедания собственных детей. Это ужасно. Этот вечный голод развил в них страх, что снова не будет еды. Это было нечто большее, чем скупость. Украинец из-под Станислава мог кому угодно отдать полбуханки хлеба из чувства симпатии, а украинец из-под Харькова так легко бы этого не сделал.

— *Свой путь возвращения в Польшу вы вспоминаете следующим образом: «На Урале мы миновали столб с надписью: Европа-Азия. Правда, жалкая это была Европа, простиравшаяся перед нами еще далеко вперед, но хорошо, что мы покинули Азию». Опять противопоставление Европа — Азия. Вы считаете, что в Европейской части России, в этой «жалкой Европе», тоже преобладает азиатский элемент?*

— Я думаю, что он силен. Столетия зависимости от монголов должны были оказать влияние на население России и оставить отпечаток на его образе мышления. Отсюда это подчинение силе — а значит, именно азиатский, а не европейский менталитет. Нам, полякам, не приходится постоянно думать о насилии. Мы не живем так, словно над нами непрерывно тяготеет какая-то сила, не позволяющая думать или поступать свободно. Даже когда мы находились под русским господством, у нас не было готовности подчиняться власти. Мы думали и писали свободно, противостояли этой силе.

— *Существует также азиатская хитрость, ловкость.*

— Тут уж вы прибегаете к старым, банальным характеристикам, не всегда справедливым. Я так не писала. Иное дело, что русскому, как правило, важен результат его деятельности, а когда ему надо выдать этот результат, все принципы отбрасываются в сторону. Но для меня поразительным было то, что у русских отсутствует уважение к личности. Личность не имеет значения. Того, кто думает не так, как вся деревня, отвергают. Оригинальным быть нельзя, надо думать как все. Так было и до октябрьской революции. Лишь очень тонкая прослойка русских интеллектуалов вырывалась из-под давления. Толстой, Чехов сами это наблюдали и об этом писали. В романе «Война и мир» князь Болконский — это человек, поднимающийся над заурядностью, он индивидуалист, и поэтому другие к нему относятся с недоверием.

Татаро-монгольское иго, царизм, коммунизм — всего этого достаточно, чтобы русские стали такими, какими они стали. Поляки власть не любят, едва ее терпят, а русские могут даже раболепствовать перед ней. Они были такими и в отношении царя Ивана Грозного и в отношении Сталина. Это не плохая и не хорошая черта, она просто европейцам чужда. Русские привыкли власть уважать и ей подчиняться. Слишком много было над ними этих властей с сильными кулаками. Теперь, при Путине — это я читаю в прессе и в книгах — тоже нет полной свободы. По-прежнему надо быть осторожным — что говоришь и где говоришь. Критика не приветствуется. Даже не форма критики, а критика как таковая. Не знаю, существует ли это еще и сегодня, но, когда я там была, в русских глубоко сидел страх. Время от времени они были способны совершить рывок к свободе, были способны на протест: на смуту или бунт Пугачева, участники которого хотели сбросить ярмо крепостной зависимости. Но это было одномоментно, заканчивалось трагически и не могло излечить от страха.

Однако еще раз хотелось бы подчеркнуть: то, что случилось с русскими после 1917 г., наверняка наложило очень сильный отпечаток. Поэтому я не могу сказать, что всё, что я наблюдала в лагерях, было для русских характерным. В Советском Союзе русские были задавлены системой. Меня поражала также их бездеятельность, которая была, очевидно, следствием страха перед ответственностью. В лагерях я сталкивалась с этим ежедневно. Если на каждом шагу за любое решение грозят репрессии, ибо вдруг кто-то скажет, что это решение было плохим и в связи с этим возникнут сложности, то никто ни за

что отвечать не хочет. Никто не работает с уверенностью в том, что он правильно делает и его труд нужен, поэтому никто не прилагает особых усилий. Из страха люди предпочитают полагаться на ход вещей. Поэтому в Советском Союзе всё делалось кое-как.

— Можно ли всё объяснять страхом и во всем обвинять безликую систему? Этот строй не мог бы функционировать, если бы ему не служили конкретные люди.

— Вы молоды и, к счастью, не понимаете, что могут сделать с человеком насилие и страх. А диктаторские системы, опирающиеся на силу, как учит история, довольно легко становились господствующими. Ибо человек очень любит власть, и когда он ее завоевал, то старается, чтобы этой власти у него было как можно больше. И всегда находятся те, кто ради получения даже небольших привилегий будет эту власть поддерживать, ибо оппонентов обычно уничтожают.

— В каких сферах Россия ближе всего к Европе?

— Не знаю. Может быть, эту дистанцию сокращает прежде всего великое искусство — литература, музыка, — способное прекрасно использовать народные мотивы, которые, безусловно, принадлежат европейской культуре. Не забудем о науке. Русские — прекрасные математики, а математика — это теория, нечто относящееся к европейскому духу. Азиаты теорий не создавали, только инструменты, необходимые, чтобы действовать.

— Теперь, когда вы наблюдаете, как народы, жившие когда-то в Советском Союзе, строят свою независимость, появляется ли у вас уверенность, что те времена, времена лагерей и репрессий, безвозвратно уходят в прошлое?

— Хорошо, что белорусы, грузины, литовцы, украинцы и другие народы имеют собственные государства и как-то пытаются строить независимость и новую действительность. Было бы хорошо, чтобы и русские начали это делать. К сожалению, там, как говорят, дело обстоит хуже. По словам тех, кто бывает в России, там сохранилось слишком много привычек советских времен. Да и в нас эти привычки постоянно дают о себе знать, хотя мы относительно недолго жили при коммунизме. В России же в течение семидесяти лет каждое поколение подвергалось давлению, формировался особый менталитет человека. Очень трудно его так скоро изменить. Может быть, когда-нибудь это и произойдет — когда в России исчезнет всякое принуждение. Однако пока еще ощущается, что в России

не пробудилась — так сильно, как должно — жажда свободы. Впрочем, пожалуй, полной свободы они никогда не вкусили, так что им особенно не о чем тосковать; кроме, может быть, интеллигенции, которая немного познала Европу. Но ситуация меняется, и, возможно, они тоже изменятся и почувствуют, что такое настоящая свобода. Сейчас они больше ездят по миру и, наверное, начнут ощущать ее вкус. Однако вместе с тем они привязаны к идее великодержавности. Россия — действительно огромное пространство. Достаточно взглянуть на карту, чтобы сравнить, что такое Европа и что такое Россия, даже оставшаяся без Казахстана, Украины и других республик.

Величие усиливает гордость, даже заключенные говорили: «Мы из великой страны, страны великих возможностей и великих идей». К сожалению, у русских отсутствует экономическое мышление. Что толку в великих идеях, если в повседневной жизни отсутствует конкретное дело?

— В вашей книге есть такая фраза: «С русскими всегда так. Если на них надавить сверху, то они смягчаются. Хуже всего, если проявишь перед ними свой страх». Сегодня, уже по иным поводам, в Польше часто звучат такие слова.

— Русские сами о себе так говорят. И даже над этим посмеиваются — что с ними легче договориться с помощью палки и кулака, чем с помощью аргументов. Я не думаю, что это в самом деле так, а ведь я узнала эту страну и с изнанки. В политике аргумент силы неразумен. В том числе и с русскими лучшие результаты дают переговоры, а не язык силы. Впрочем, у Польши нет никакой силы, чтобы погромохивать в сторону России.

— Но как разговаривать с ними, если доверять им нельзя?

— Надо действовать осторожно. Они нарушали соглашения, это факт. Однако Россия тоже меняется, и если кто-то считает, что это не так, то он никогда не сможет с Россией договориться. А к договоренностям надо стремиться всегда.

— Случалось ли вам испытывать ненависть к русским? После допросов, в тюрьме, в лагере или когда вы слушали рассказы о том, что под каждой шпалой железнодорожной ветки Вологда — Воркута лежит труп польского офицера?

— Я никогда не испытывала ненависти к русским. Иногда я над ними посмеивалась, иронизировала, но чаще всего я им сочувствовала. Зачем мне было их ненавидеть? Ненависть — это чувство, направленное в сторону какой-то личности, а

ненавидеть целую массу людей невозможно. Во-вторых, я видела, сколько они выстрадали. Я встречала тех, кто пережил тридцатые годы в Советском Союзе. Мы через это не проходили. Репрессии хуже войны. Война ужасна, но воюющий действует. Это я тоже знаю. Война, которую мы испытали, какой бы она ни была кровавой и жестокой, имеет в себе, кроме трупов, нечто от мальчишеской игры — желание рисковать, получать удовлетворение даже от совсем небольшой победы. Сложно ее сравнивать со сталинскими репрессиями, перед лицом которых любой становится объектом, а не субъектом. Русским можно только посочувствовать.

— Поляков трудно склонить к сочувствию, а русские ведут себя так, словно вообще не желают нам в этом помочь. Хотя бы в вопросе Катыни.

— Россия признание сделала. Борис Ельцин привез документы, из которых всё ясно. В Катыни есть мемориал, туда можно ездить, можно возлагать цветы. Что еще можно сделать большего? Этих людей уже не воскресишь. Реабилитировать их? Но как можно реабилитировать невиновных? Ведь польские офицеры не совершили никаких преступлений. Ничего больше в вопросе Катыни не сделать. Не надо больше искать споров с сегодняшней Россией. Хватит!

И никакого примирения тоже не нужно. Достаточно соглашений: экономических и визовых. Это можно решить на дипломатическом уровне. А что касается политики, то есть Евросоюз и наше место в нем, там нам и следует добиваться своих прав.

— Вы не усматриваете в России никакой угрозы Польше? В этой новой имперской риторике, в этой ностальгии по советским временам?

— Что это значит: представляет ли Россия опасность? Зная историю, можно с тем же успехом говорить, что опасна Германия. В данный момент Россия не опасна. В данный момент — ибо мы не знаем, что будет в будущем. Вы говорите: риторика. А что следует за этой риторикой? Ничего. Пусть себе в России ставят памятники Сталину, это их дело. Они больше пострадали от Сталина, чем мы. Зачем в это вмешиваться? Если и в нас живы советские привычки, которые дают о себе знать на каждом шагу, то что же говорить о русских? Это менталитет, он как зараза, которая сидит где-то внутри и от которой никак не вылечиться. Нужно проявлять понимание в отношении людей, которые столько лет страдали, и пытаться договориться с ними.

Там, где Россия может диктовать какие-то условия, то есть в вопросе газа, надо договариваться и думать, как стать независимыми от России. Но такое мышление требует труда и приложения усилий. А культивировать антироссийские настроения, надувать щеки и размахивать сабелькой — все это несерьезно. Гарант нашей безопасности Евросоюз, так что нечего нам самостоятельно вести споры с Россией. Она гораздо мощнее нас. К сожалению.

Беседу вел Анджей Бжезекский

СДАЛА ЛИ ПОЛЬША ГРУЗИНСКИЙ ЭКЗАМЕН?

Уже много лет я принадлежу к сообществу польских антисоветских русофилов, а после моих поездок в Грузию стал еще и решительным грузинофилом. По этой причине последний конфликт на Кавказе имеет для меня трагический оттенок, ибо я желаю всего самого лучшего и демократической России, и демократической Грузии. На сей раз дело дошло до конфликта, в котором на весьма необдуманные, рискованные и лихие действия президента Грузии Кремль ответил имперской агрессией. Вне всякого сомнения, ключ к пониманию этого конфликта следует искать в том политическом процессе, который шел в России на протяжении многих лет и увенчался событиями в Грузии.

Новое мышление о России обозначилось перестройкой Михаила Горбачева, которая стала разрывом, во-первых, с тоталитарной внутренней политикой, во-вторых, с доктриной Брежнева и, в-третьих, с философией ненависти к западному миру. От многих из нас, воспитанных на мышлении, которое исходило из преемственности между традициями царского самодержавия и большевистской диктатуры, новый взгляд на Россию требовал интеллектуальной смелости и политического воображения.

Я был одним из тех, кто со времен перестройки разделял мнение, что Россия движется в сторону Европы, ее ценностей. Таким же было и ощущение русской либеральной интеллигенции.

И хотя потом я видел, что в России происходят нехорошие явления (новая централизация власти, обстрел парламента в 1993 г., первая чеченская война), я все-таки продолжал придерживаться мыслительной схемы, сложившейся в эпоху перестройки. Теперь с этим покончено.

Трудно найти конкретное событие, которое можно назвать началом указанного негативного процесса. В течение длительного времени можно было надеяться, что все это — заминки оступившихся на верном пути. Разогнанный Ельциным парламент был по существу сталинско-черносотенным. Первую чеченскую войну можно было с грехом

пополам рассматривать как войну с сепаратизмом, и это был отнюдь не единственный такой случай в современном мире. Чеченская сторона явно не была представительницей либеральной или парламентской демократии. Разумеется, это не оправдывало войну, но позволяло питать надежду, что тут имеет место лишь «несчастный случай на производстве».

Однако перечисленные дурные события трансформировались в процесс, который закончился практической ликвидацией оппозиции, подавлением независимых СМИ, фактическим упразднением свободного рынка.

Мы наблюдали полный отход от попыток создать независимое правосудие, наступление на возникающее гражданское общество, последовательное возрождение антизападной (особенно антиамериканской) истерии и разжигание напряженности на всем постсоветском пространстве. Вслед за этим пришли фальсификации истории. Всё это одна непрерывная цепь явлений, логика которой лучше видна с перспективы времени.

В западне имперской политики

Сегодня невозможно не прийти к выводу, что отдельные негативные явления превратились в процесс, когда президентом России стал Владимир Путин.

Возьмем его удар по олигархам. Если рассматривать их по отдельности, то можно даже отнестись к этому шагу благосклонно. Березовский или Гусинский претендовали на такую власть, что российское государство могло их бояться. Путин, однако, сделал атаку на олигархов одним из элементов процесса, направленного на демонтаж демократии в России. Многие из моих российских друзей предупреждали меня об этом, я же на первых порах считал, что такой человек, как Путин, нужен, чтобы государство не распалось, чтобы предотвратить смуту.

Поворотным пунктом в моем мышлении о России Путина было дело нефтяного магната Ходорковского, когда принадлежащий ему концерн ЮКОС уничтожили, а его самого засадили на 9 лет в тюрьму за мнимые налоговые нарушения. Я не хочу оценивать Ходорковского, но если проследить за его процессом, то видно, что подготовка к нему велась в стиле латиноамериканских диктатур, а не демократического правового государства.

Не вызывает ни малейших сомнений, что это отнюдь не была интрига какого-то окружения Путина, — решения принимались в самом Кремле.

Если говорить о внешней политике, то каплей, переполнившей чашу, стала война в Грузии. Решающим фактором была, конечно же, бомбардировка грузинских городов. Если бы Россия ограничилась вытеснением грузин из Южной Осетии и Абхазии, можно было бы дискутировать, кто в этом конфликте прав. Но ограбления, акты насилия и произвола, убийства, атака на Поти и Гори заслуживают недвусмысленного осуждения. Это крупное поражение российской демократии.

Впрочем, я не думаю, что это поражение окончательно. Ошибочен нередко звучащий в Польше тезис, что Россия как бы генетически обречена на деспотизм. Ложность этого тезиса в полной мере показала перестройка. Ценности, связанные со свободолюбием, играют важную роль в российских традициях — это известно каждому, кто ближе знаком с русскими.

Проблема сегодняшней России состоит в том, что она сама влезла в западную имперскую политику. Нужно большое мужество, чтобы публично выступить против этой волны. Но даже сегодня в России есть люди, которые это делают, — комментаторы, правозащитники, оппозиционные политики, независимые журналисты, издатели, публикующиеся хотя бы в Интернете. Мы многократно печатали их высказывания на страницах «Газеты».

В изменившейся ситуации эти зачатки гражданского общества могут сыграть колоссальную роль.

Необходим новый «план Маршалла»

Люди, думающие о будущем, просто обязаны выработать новое мышление о России. Конечно, можно принять капитулянтскую философию «новой Ялты» (иными словами, согласиться с разделом мира на зоны влияния), подкрепленную убеждением, что в России у нас имеются важные интересы. Можно также принять философию новой «холодной войны», предполагающую разрыв с Россией, бойкот, санкции.

Первый из этих типов философии, быть может, реалистичен, второй — благороден в своих намерениях и, возможно, логичен на бумаге, но совершенно нереален.

Поэтому нужно придумать нечто новое. Этим «нечто» может стать расширение и развертывание проекта восточного

партнерства ЕС, предложенного несколько месяцев назад Польшей и Швецией. Можно попытаться видоизменить его в крупный идеологический замысел, в новый «план Маршалла» для Грузии, Украины, Молдавии, Армении и Азербайджана.

Кремль не рассуждает на языке непрестанных военных аннексий. Даже в Грузии он воздержался от вооруженного захвата всей страны.

Кремль хочет фактического подчинения своих соседей с сохранением их государственности, символики, культуры, самостоятельных властей. Москва охотно видела бы сегодня во главе Грузии послушного себе политика и согласилась бы на ее «финляндизацию».

Об этом свидетельствует недавний визит в Кремль президента Молдавии Владимира Воронина, которого принимали прямо во время войны на Кавказе. Ему ясно дали понять, что он может рассчитывать на помощь в объединении страны, если сохранит лояльность по отношению к Москве. Молдавия разделена на две части. Вторая из них — сепаратистское Приднестровье, поддерживаемое Россией точно так же, как Южная Осетия или Абхазия.

Кремль четко говорит, что Молдавия может объединиться, но при соблюдении определенных условий — при согласии на нейтралитет, инфильтрацию, при готовности поддаваться нажиму.

Это не что иное, как продолжение политики Советского Союза по отношению к Германии. В первый половине 1950-х Кремль предлагал Аденауэру согласие на объединение обеих частей Германии в обмен на полную нейтрализацию и демилитаризацию. Тогда это означало то же самое, что и сегодня: вы можете быть объединенными, но покорными Москве.

Вполне вероятно, что похожее предложение получит вскоре и Украина. То, что Кремль хочет захватить Крым или Донецк, — неправда. Кремль хочет контролировать всю Украину посредством водворения послушных себе властей в Киеве.

Россия и ее марионетки

Россия хочет, чтобы вблизи ее границ существовали буферные государства, ведущие такую политику, которая соответствовала бы линии Москвы. Можно определить такие государства как марионеточные, можно также, употребляя

язык российской дипломатии, присвоить им звание «лояльных союзников».

Грузинская операция в этом отношении представляет собой весьма выразительный и ясный сигнал для всего того постсоветского пространства, которое не вошло в НАТО и ЕС.

Почему президент Грузии принял рискованное решение занять Южную Осетию? Не думаю, чтобы он верил, что выиграет эту войну чисто военным путем. Скорее он был убежден, что Россия окажется политически не в состоянии отреагировать таким образом, как она отреагировала. Впрочем, мало кто в мире верил, что Россия будет способна на такую реакцию.

Первоначально я полагал, что война в Грузии означает для России огромное поражение в смысле имиджа, потерю лица. Сегодня мне так не кажется. Россия хотела показать миру именно такое лицо, какое показала в случае Грузии. В этом смысле это ее успех.

Сегодня Россия говорит миру: если вы хотите с нами разговаривать, то исключительно на наших условиях. Каковы их условия, мы увидели за последние недели. Западный мир не нашел никакого ответа на этот вызов.

Евросоюз пытается занять более активную позицию по отношению к Грузии, Украине и Молдавии, меняет свою политику в отношении Белоруссии. Это правильный путь. Но неизвестно, захотят ли эти страны и будут ли они в состоянии воспользоваться европейским предложением. То, что мы наблюдаем сегодня на Украине, внушает сильное беспокойство на сей счет. А Украина — это ключ ко всему постсоветскому пространству.

Я не до конца понимаю логику украинского конфликта, но она приводит в ужас. Украинские верхи сами себе стреляют в ногу. Открытая политическая война в оранжевом лагере порождает громадную обеспокоенность.

Человеком, целиком и полностью проигравшим последнюю войну, стал грузинский президент Михаил Саакашвили. Он пытался разрядить внутреннее напряжение, переводя его в напряжение внешнее. Ненадолго ему это удалось. Сегодня он чрезвычайно популярен. Но из этого ничего не следует, так как через полгода окажется, что его политика — это тупик. С таким геополитическим положением, с такими соседями Грузия не может позволить себе политику открытой конфронтации.

Что из этого вытекает для Польши?

Политика Варшавы по отношению к Грузии сдала экзамен на пятерку, если исключить круги, близкие к Союзу демократических левых сил (СДЛС), которые себя полностью скомпрометировали. Сегодня мне ясно, что партия господина Наперальского — это никакая не пророссийская партия, но группировка сервилизма, раболепия и страха. Это не СДЛС Квасневского, Цимошевича или даже Лешека Миллера. СДЛС Наперальского становится неспособной представлять польские государственные интересы.

Зато необычайно высоко я оцениваю путешествие в Тбилиси президента Леха Качинского. Я в первый раз почувствовал себя гордящимся тем, что президент моего государства выразил всё таким достойным образом и вместе с тем его слова столь соответствовали польскому и моему личному представлению о нравственных императивах свободы, чести, исторической традиции и политического разума.

Качинский сделал максимум того, что мог в тот момент сделать. То была чрезвычайная ситуация, потому что грузинские города подвергались бомбардировке. В такой ситуации надо искать чрезвычайный ответ. И Качинский его нашел.

Но я также очень высоко оцениваю сдержанную позицию, которую заняло польское правительство. В том числе и его вывод, сделанный после войны в Грузии, — согласиться на американский противоракетный щит. В России могут говорить об успехе, так как они принудили поляков к этому решению.

Польским ответом на войну в Грузии наверняка не должна быть русофобия, хотя ее можно опасаться. В среде партии «Право и справедливость» (ПиС) и в рядах широко понимаемых правых сил русофобия — это нечто частое. По-моему мнению, речь президента Качинского в Тбилиси не была русофобской. Он просто напомнил кое-какие вещи. Слово «бороться» следует понимать символически. Уже сам факт его приезда в Грузию был элементом протеста против имперской политики Кремля.

Вместе с тем меня не беспокоит политика правительства, которое несколько отстраняется от слов президента. «Мазурку Домбровского» [польский государственный гимн] можно играть на самых разных инструментах — музыка останется прежней. Не особо вникая в намерения друг друга, президент и правительство во время войны с Грузией совместно исполнили «Мазурку Домбровского».

ПиС не понимает Россию

Досадно, что этому сопутствовали жалкие инциденты. Досадно, что президент всё еще не подписал Лиссабонский договор. Если Польша хочет оказывать влияние на политику Европы в отношении России, она не может всем своим поведением давать понять, что из Брюсселя нас интересуют исключительно деньги, а Евросоюз должен становиться навязкой перед каждым капризом польских верхов. Это понимает премьер-министр Туск. Зато я не уверен, понимают ли это в президентском дворце.

Окружение президента и ПиС Россию не знают, не понимают, и она им неинтересна. Им вполне хватает исторического стереотипа: «Как свет стоит, поляк москалю братом не будет».

В случае Грузии этот стереотип сработал правильно, но он не должен быть компасом нашего политического мышления в будущем. Политика, основанная на невежестве и русофобии, не может окончиться для Польши хорошо.

Нельзя ставить крест на российской демократии, хотя она очень слаба. Связывать с ней надежды могут сегодня только такие антисоветские русофилы, как я. Но когда-то — при Горбачеве или тем более при Андропове — российская демократия была еще слабее. Вера в нее была конструкцией рассудка, ищущего надежду. Сегодня задачей польских верхов и общества должно быть стремление повышать знания о России, а не поворачиваться к ней задом.

Никогда еще польско-российский диалог на всех уровнях не был столь необходим, как сегодня. Но вместе с тем нельзя отворачиваться от Грузии — маленького, но замечательного народа с большими свершениями и трагической историей, о которой мы мало что знаем.

Шанс Польши — ее депровинциализация. И не только на американском или западноевропейском направлениях. Чем больше знаний о России, Грузии, Украине, Беларуси, Молдавии, тем лучше для польской политики.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Варшава, 20 августа 2008 года. Приближается полдень. Госсекретарь США Кондолиза Райс и министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский подписывают договор о размещении в Польше элементов американской ПРО (...) Согласно договору, строительство десяти пусковых ракетных установок в Радзикове близ Слупска начнется уже в будущем году (...) База должна быть готова через четыре года (...) Под Варшавой американцы установят батарею ракет „Пэтриот” для защиты столицы. В течение 10 лет Польша сможет докупить полтора десятка таких систем, охватывая ими всю страну. Согласно договору, в случае обнаружения американскими радаром летящей в сторону Польши вражеской ракеты Пентагон должен принять все меры по ее уничтожению (...) На протяжении всех переговоров американцы отказывались размещать в Польше свои системы ПВО на неограниченный срок (...) Они изменили мнение неделю назад, после нападения России на Грузию». («Дзенник», 21 авг.)

• По мнению генерала Славомира Петелицкого, создателя Группы оперативно-маневренного реагирования (ГРОМ), «важно не столько подписание договора по ПРО, сколько двустороннее соглашение о военном сотрудничестве, которое США заключили, в частности, с Великобританией, Египтом, Турцией и Израилем». («Дзенник», 21 авг.)

• Заместитель начальника российского Генерального штаба Анатолий Наговицын: «Размещая у себя элементы ПРО, Польша сама делает себя целью ядерных боеголовок». («Жечпосполита», 16–17 авг.)

• Министр иностранных дел Радослав Сикорский: «Мы хотим предоставить России возможность инспектировать будущую базу и даже проводить там технический мониторинг. Это будет наглядным подтверждением, что данная система не направлена против нее». («Газета wyborcza», 16–17 авг.)

• «В интервью арабскому телеканалу „Аль-Джазира” президент России Дмитрий Медведев пригрозил, что реакция России на размещение элементов американской ПРО в Чехии и Польше

будет носить „военный” характер». («Жечпосполита», 27 августа)

- «Вчера на специальной пресс-конференции посол Владимир Гринин заверил, что Россия „не будет угрожать Польше” в связи со строительством американского противоракетного комплекса. По его мнению, она ограничится „здоровой, естественной реакцией на угрозу национальной безопасности”». («Дзенник», 28 авг.)

- «Президент Лех Качинский высказался относительно соглашения между Польшей и США: „Установка элементов ПРО — это не только усиление нашей позиции в мире (...) но и очевидное доказательство укрепления нашего союза с сильнейшим государством мира — Соединенными Штатами Америки (...) По этому вопросу Польша принимает суверенное решение. Она имеет на это право как независимая страна, которая сама определяет свою политику. Никто не может диктовать Польше, что́ она должна делать. Те времена прошли (...) Наша отчизна уже никому не позволит себя подчинять и запугивать». («Жечпосполита», 20 авг.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», 77% поляков положительно оценили обращение президента. Противоположного мнения придерживаются 23%. («Жечпосполита», 20 авг.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», почти 60% поляков поддерживают решение об установке у нас элементов американской ПРО. Только 37% оценивают это решение негативно (...) По мнению социолога из Варшавского университета проф. Иренеуша Кшеминского, решающую роль в изменении настроений поляков сыграл конфликт в Грузии. Опрошенные не сомневаются: американские ракеты ухудшат наши отношения с Россией (77%), но усилят международную позицию Польши и укрепят безопасность (43 и 45%)». («Жечпосполита», 18 авг.)

- «Вчера председатель Союза демократических левых сил (СДЛС) Гжегож Наперальский подписал соглашение о сотрудничестве с лидером чешских социал-демократов Иржи Пароубеком. Они будут противодействовать строительству элементов ПРО в обеих странах». («Газета выбора», 3 сент.)

- Из совместного заявления президентов Литвы, Латвии, Эстонии и Польши: «Мы, лидеры некогда поработанных народов Восточной Европы, глубоко обеспокоены действиями Российской Федерации в Грузии. Мы решительно осуждаем действия российских вооруженных сил, направленные против

суверенного и независимого грузинского государства (...)
Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, президент Латвии Валдис Затлерс, президент Литвы Валдас Адамкус, президент Польши Лех Качинский». («Газета wyborcza», 11 авг.)

• «Российский посол в Литве предостерег Польшу и прибалтийские страны от критики России (...) „Можно допустить серьезные ошибки, за которые придется долго расплачиваться”, — заявил посол Александр Вешняков». («Жечпосполита», 12 авг.)

• Согласно опросу ГфК «Полония», 57% поляков считают, что Польша должна поддерживать Грузию в конфликте с Россией. 35% придерживаются противоположного мнения. («Жечпосполита», 12 авг.)

• «Утром президенты Польши Лех Качинский, Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес и Литвы Валдас Адамкус, а также премьер-министр Латвии Иварс Годманис отправились в Крым. Там к ним присоединился президент Украины Виктор Ющенко, и они вместе полетели на Кавказ (...) Лех Качинский в Тбилиси: „Впервые за долгое время наши восточные соседи показали лицо, которое нам знакомо уже сотни лет. Эти соседи считают, что народы вокруг них должны им подчиняться (...) И мы прекрасно знаем, что сегодня Грузия, завтра Украина, послезавтра — прибалтийские страны, а потом, может, дойдет и до нашей страны, Польши”». («Жечпосполита», 13 августа)

• Из опроса ГфК «Полония» следует, что действия Леха Качинского положительно оценивают 55% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 29% респондентов». («Жечпосполита», 13 авг.)

• «Бывший президент Лех Валенса раскритиковал визит Леха Качинского в Тбилиси. „Что это: бессмысленная антироссийская выходка или просто эмоции мальчишки с рогаткой в кармане, залезшего в чужую песочницу? И что из всего этого следует? (...) Думаю, что если бы я поступал так, как оба эти господина (Качинский и президент Грузии Саакашвили — ред. «Жечпосполитой»), руководствовался бы нездоровыми эмоциями, глупостью, размахивал бы сабелькой, то советские войска стояли бы у нас еще долгие годы, а НАТО нам бы даже не снилось”, — написал Валенса на портале „Виртуальная Польша”». («Жечпосполита», 14-15 авг.)

• «Своим критикам Качинский ответил в интервью 1 й программе Польского ТВ: „Нам бы хотелось иметь хорошие отношения с Россией. Будем надеяться, что она когда-нибудь

изменится. Но сегодня не лучший момент, чтобы рассматривать этот вопрос”». («Газета выборча», 14-15 авг.)

- Из интервью с Лехом Качинским: «То, что происходит в Грузии, имеет прямые последствия для Польши, ее интересов, ее планов, связанных с энергетической диверсификацией. Поскольку эти наши интересы нарушаются, я решил отреагировать (...) Россия может начать приводить в действие свои угрозы, озвученные — тогда еще президентом — Путиным в Бухаресте». («Жечпосполита», 4 сент.)

- «В четверг, накануне матча „Легия” (Варшава) — ФК „Москва”, охранники польского клуба не позволили внести на стадион транспаранты, выражающие поддержку Грузии. Несмотря на все меры охранников (...) на 15 й минуте матча, когда болельщики ФК „Москва” стали кричать „Москва!”, весь стадион отвечал им, скандируя: „Грузия!”» («Газета выборча», 16-17 авг.)

- «Президенты Польши и Литвы Лех Качинский и Валдас Адамкус (...) призвали к скорейшему присоединению Грузии и Украины к ПДЧ НАТО (МАР). „Мы видим в получении ПДЧ этими странами единственный путь к стабилизации в регионе, способный обеспечить безопасность простых людей”, — говорится в заявлении президентов». («Газета выборча», 19 авг.)

- «Российское вторжение в Грузию воскресило забытые империалистические категории: „ближнее зарубежье”, „сфера влияния”, „игра великих держав” (...) Только сейчас ясно видна ошибка, которую совершил ЕС, форсируя независимость Косова». (Марек Островский, «Политика», 23 авг.)

- «Сейм солидарен с Грузией (...) Декларацию солидарности с грузинским народом депутаты приняли единогласно (...) Окончательный вариант декларации, которую все депутаты приняли стоя, совпадает с позицией правительства и президента». («Дзенник», 3 сент.)

- «Опрос „Газеты выборчей” показывает огромный, по сравнению с предыдущим опросом, рост страха перед Россией. Его ощущают 65% поляков, в то время как террористических государств опасаются лишь 20% респондентов, Китая — 16, а Германии — 15%». («Газета выборча», 20 авг.)

- «Многолетние опросы ЦИОМа показывают, что отрицательные оценки кремлевской политики стали преобладать в нашем сознании во время украинской

„оранжевой революции”. Согласно опросу ГфК „Полония”, проведенному 22–24 августа, сегодня 59% поляков считают, что Россия настроена по отношению к Польше враждебно. Противоположного мнения придерживаются всего 8% опрошенных. По мнению 65% поляков, политика России по отношению к соседям так же агрессивна, как политика СССР. С этим не согласны лишь 24% респондентов. За такую же или более решительную, чем сейчас, политику по отношению к России высказались 83% поляков, за более мягкую — лишь 10%». («Жечпосполита», 29 авг.)

• «По оценкам государственного Геологического института, в прошлом году мы купили 1967 млн. тонн российской нефти, в то время как Норвегия, второй по значению поставщик, продала нам немногим более 500 тыс. тонн». («Ньюсуик-Польша», 31 авг.)

• «При уровне добычи порядка миллиона тонн в год имеющихся в Польше запасов нефти хватит стране приблизительно на 20 лет. Это лишь несколько процентов от необходимого объема. Природного газа у нас больше: мы можем в течение 40 лет удовлетворять треть имеющегося сейчас спроса, причем наш потенциал значительно выше». («Ньюсуик-Польша», 24 авг.)

• Бартош Тихоцкий, в 2007–2008 г. аналитик Бюро национальной безопасности: «Когда выяснилось, что Россия не отказалась от идеи Северного газопровода, что невозможно решить даже такие элементарные технические вопросы, как российская недвижимость в Польше или судоходство по Пулавскому проливу, правительство Туска стало пересматривать свою восточную политику. Как обычно, весьма эффективным фактором расшатывания пророссийских тенденций в политике польских властей оказалась сама Россия. Таких действий Москвы, как нарушение суверенитета соседних государств, не поддержит ни одна польская партия (...) Одна реплика президента Путина на апрельском саммите НАТО в Бухаресте, о том, что Украина — искусственное и временное образование, заставила бить в набат членов „Гражданской платформы” (ГП) (...) Я работал в Бюро национальной безопасности и помню, сколько усилий мы тогда приложили, чтобы доказать, что Польша стремится к хорошим отношениям с Россией. Однако российское эмбарго на мясо и растительные продукты отменить так и не удалось». («Жечпосполита», 1 сент.)

• Премьер-министр Дональд Туск: «Если какая-нибудь страна Евросоюза кровно заинтересована в сохранении хороших

отношений ЕС с Россией, то это Польша». («Ньюсуик-Польша», 7 сент.)

- «Перед запланированным на понедельник саммитом ЕС по вопросу Грузии президент Лех Качинский полетел в Таллин на встречу с президентами Латвии и Эстонии, а также представителями президента Литвы (...) По просьбе прибалтийских государств Качинский будет представлять в Брюсселе также их позицию». («Дзенник», 29 авг.)

- «Пока главы 27 государств ЕС съезжались вчера на посвященный Грузии чрезвычайный саммит, Польша боролась за то, чтобы Евросоюз позаботился о диверсификации источников энергии и о развитии отношений с Украиной. Это было записано в итоговом документе саммита. „Нам удалось достичь единой, сдержанной и решительной позиции“, — радовался премьер-министр Туск (...) ЕС подключится к польско-шведской инициативе „Восточное партнерство“, способствующей более тесному сотрудничеству с Украиной, Грузией и Азербайджаном. «Партнерство» оказалось пророческим проектом», — сказал министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский». («Газета wyborча», 2 сент.)

- Эва Томпсон, профессор Университета Райс: «Над ним смеялись за пламенное обращение к грузинам в Тбилиси 12 августа. Его критиковали за то, что он привез в Тбилиси еще четырех президентов из Восточной Европы. Но политический инстинкт Леха Качинского на этот раз не подвел. Если бы не этот, на первый взгляд, мальчишеский жест, Европа не заметила бы российских разборок с Грузией. 1 сентября не было бы брюссельского саммита. Европейские политики не были бы вынуждены публично осудить российскую агрессию. Не будем обманываться — ЕС не занялся бы Грузией добровольно (...) Для поляков саммит в Брюсселе — повод для осторожного оптимизма (этот саммит прошел во многом благодаря польским усилиям). Встреча в Брюсселе напомнила россиянам о том, что теперь новую и старую Европу связывает военный, экономический и политический союз. Брюссельский саммит — это не Ялтинская конференция». («Впрост», 14 сент.)

- Проф. Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: «Картина мира, на которую опирается Совет Европы: права человека, качество жизни, демократия и благосостояние, — распадается, как карточный домик, с каждым днем грузино-российской войны (...) Это иллюзия, что можно обеспечить себе спокойствие, замыкаясь в безопасных границах ЕС или Шенгенской зоны. В течение последних 20 лет Европа (...) не смогла противодействовать происходившему в

Боснии (...) Не смогла предотвратить полное уничтожение Сараево (...) На глазах у всей Европы Россия сравняла с землей столицу Чечни и уничтожила тысячи жителей этой непокорной республики». («Ньюсуик-Польша», 24 авг.)

- «Замдиректора Института метеорологии и водного хозяйства (ИМВХ) Роман Скомпский признал, что, к сожалению, мы еще не умеем предсказать приближающиеся смерчи. Что же делать? „Нужно научиться с ними жить”, — заявил замдиректора ИМВХ». («Пшеглэнд», 31 авг.)

- «Визит Лаврова (...) Министры иностранных дел Польши и России начали переговоры с 15 минутной встречи за закрытыми дверями. Сергей Лавров и Радослав Сикорский, не вдаваясь в дипломатические игры, должны были представить свои позиции по Кавказу. Потом, на совместной пресс-конференции, они не обмолвились о Грузии ни словом, а по другим вопросам осторожно подбирали слова (...) Посланник премьера Путина дал понять, что Россия видит в Польше партнера и хочет разговаривать. Кремль готов решить вопросы судоходства по Пулавскому проливу и договора о малом пограничном движении. Лавров заявил, что Польша всегда играла роль духовного проводника России, которая чувствует свою связь с Западом». («Жечпосполита», 12 сент.)

- «Под Осовом, где в 1920 г. шли бои, археологи обнаружили красноармейскую могилу. Откопанные кости вернутся в землю, а на могиле будет установлен памятник (...) За речкой Черная Струга виден небольшой холм (...) В гмине существует легенда, что там похоронены красноармейцы, погибшие в 1920 году. Хотя эта информация до сих пор не проверена, местные жители приносят туда цветы и свечи (...) „Местные предания полностью подтвердились (...)”, — сообщает руководитель раскопок археолог Якуб Вжосек (...) По словам полковника Марка Татчинского, находки на 99% подтверждают, что в могиле лежат красноармейцы (...) Есть план (...) установить на их могиле памятник. „Солдаты заслуживают того, чтобы чтить их память, — несмотря на то, что они были нашими врагами”, — подчеркивает Анджей Пташинский из Воломинской городской управы. (...) Памятник должен быть воздвигнут в будущем году. Эту инициативу поддерживает маршал Сейма Бронислав Коморовский (...) „Уважение к солдатам — часть польской традиции (...) Приведение в порядок могил на Поляковой горке было бы прекрасным жестом в польско-российских отношениях, — утверждает Коморовский. — Я уже разговаривал на эту тему с послом Российской Федерации. На

открытие памятника я хочу пригласить председателя Думы”». («Газета выбора», 12 сент.)

• «Представители бывшей демократической оппозиции участвовали в „круглом столе диссидентов”, организованном центром „Карта” в рамках XVIII Экономического форума в Кринице. По приглашению издателя „Словаря диссидентов” приехали, в частности, Сергей Ковалев из России, Людвиг Мельхорн из Германии и Альгирдас Патацкас из Литвы (...) „Как помочь российским демократам?” — спрашивал Збигнев Глюза из центра „Карта”, а Ковалев (...) отвечал: „Помогать надо не нам, а себе, потому что антидемократическая Россия угрожает всей Европе”. В своем заявлении диссиденты предостерегли от российской экспансии и „финляндизации Европы” (...) „Российский империализм и европейский конформизм — это опасная смесь”, — не скрывая своих опасений, подытожил Патацкас». («Газета выбора», 12 сент.)

• Людвик Стомма, профессор Сорбонны: «Я был под Познанью на курсах, организованных Университетом им. Адама Мицкевича. Там, в познанских лесах, польская и российская молодежь вместе развлекалась, ела, беседовала и обсуждала все трудные польско-российские вопросы. Это была прекрасная органическая работа. Съезд организовал профессор — *poen oten* — Леопольд Москва. Огромный оптимизм внушала молодежь, которая уже не прислушивается ко всей этой антироссийской пропаганде и ищет свой собственный модус вивенди. В этом мне видится надежда (...) Молодые люди из Иркутска и Познани смотрят на всё иначе, и это первый шаг к новому взгляду на наши отношения». («Пшеглэнд», 17 авг.)

• Ксения Старосельская, переводчица польской прозы, драматургии и эссеистики, автор рецензий и монографий о польской литературе, награждена кавалерским крестом ордена Заслуги Республики Польша: «Когда-то я сказала директору Польского института в Москве Мареку Зелинскому, что стоило бы организовать семинар для переводчиков. Он подхватил эту идею и предоставил мне свободу действий. Мы начали работать в 2001 году (...) Результаты уже есть: издатели сами обращаются к нам с предложениями переводить польские книги. Несколько книг в переводе участников нашего семинара уже опубликованы». («Нове ксёнжки», июль)

• «„Новая Польша” — единственный в Польше журнал, издаваемый по-русски (...) Его читатели получают продукт высшего качества. Истинное украшение каждого номера — „Хроника (некоторых) текущих событий”. Более сжатой и исчерпывающей информации о Польше не найдешь (...) Еще

одна сильная сторона журнала — возможность познакомиться с творчеством выдающихся поляков (...) Хорошо свидетельствуют о „Новой Польше” и умело подбираемые перепечатки из польских газет (...) Несмотря на общее доброжелательное отношение, журнал отнюдь не уверяет россиян в некритичной любви к России (...) Как парижская „Культура” годами была эталоном и задавала тон в вопросе примирения и добрососедских отношений между Польшей и народами за Бугом, так и „Новая Польша” старается сохранить ту же линию по отношению к России и другим странам бывшего СССР». (Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 10 сент.)

• «В тени празднования годовщин героических сражений и переломных для поляков событий польские православные переживают 70 ю годовщину разрушения церквей. Летом 1938 г., в рамках организованной государством т.н. операции по реполонизации и возврату имущества, в Люблинском регионе было уничтожено более 100 православных храмов. Помимо религиозных торжеств и конференций в память о тех событиях, появилась идея, чтобы польские парламентарии официально выразили о них сожаление. Инициатива принятия резолюции, подготовленной по случаю годовщины депутатом Евгением Чиквином из фракции левых, вызвала, однако, острые разногласия среди депутатов». («Политика», 13 сент.)

• «В Александрове-Куявском воздвигнут монумент, увековечивающий память немцев, убитых польскими соседями (...) после II Мировой войны (...). Одни историки утверждают, что речь идет о 60–70 жертвах, другие говорят о почти ста. Выжившие рассказывали, что людей забивали палками, прикладами автоматов (...) Александров — не первое такое место. Подобные памятные монументы уже имеются там, где действовали лагеря для немцев, в том числе в Потулицах, Нешаве, Ламбиновицах». («Жечпосполита», 3 сент.)

• «86-летняя Янина Рожецкая получила вчера (...) почетное гражданство Израиля (...) Во время II Мировой войны она спасала еврейских детей. Рожецкая — ветеран Армии Крайовой, участница Варшавского восстания. Ранее она уже удостоилась [высшей польской награды] ордена Белого Орла и медали „Праведник среди народов мира”». («Жечпосполита», 2 сент.)

• «В центре для иностранцев живут 50 семей, в каждой — как минимум двое детей. Всего 286 человек (...) Центр втиснут между улицей и блочным домом, двора нет. За детскую площадку должны сойти песочница, перекладина и помойка (...) Чеченцы из Заленжа не ходят по одному. „Пьяные мужчины

нас оскорбляют, женщины плюют нам под ноги. Нас травят собаками. Дважды в наши окна летели камни”, — говорят они, не желая представляться. Директор центра Мирослав Кондзёлка просил настоятеля местной церкви, чтобы тот произнес проповедь на тему терпимости». (Малгожата Гослинская, «Газета wyborcza», 26 авг.)

• Согласно опросу ЦИОМа, наибольшую симпатию у поляков вызывают: Далай-лама — 46%, Ангела Меркель — 44%, Юлия Тимошенко — 42%. Наименьшей симпатией пользуются: Александр Лукашенко — 56%, Владимир Путин — 50%, Джордж Буш — 32%. («Газета wyborcza», 26 авг.)

• «Накануне закрытия олимпиады перед посольством Китайской Народной Республики в Варшаве зажгли свечи в поддержку Тибета (...) Из 300 с лишним лампадок была выложена надпись „Свободный Тибет”. Были флаги, транспаранты и оранжевые ленточки, приколотые в знак солидарности с тибетцами». («Газета wyborcza», 25 авг.)

• «В Гультовицах под Вроцлавом настоятель прихода Эда Яворский на время олимпиады закрылся в костеле. Взял с собой Библию, розарий, хлеб и воду. Там он и спит. Таким образом он выражает протест против олимпиады в Китае и угнетения Тибета». (Эльжбета Исакевич, «Тыгодник powszechny», 17 авг.)

• Проф. Тадеуш Гадач (Collegium Civitas), бывший председатель Комитета философских наук ПАН: «Олимпиада в Пекине напоминает олимпиаду 1936 г. в гитлеровской Германии. В Берлине речь шла о том, чтобы показать миру мощь Третьего Рейха и превосходство немецкого народа. В Пекине — чтобы показать мощь Китая. В обоих случаях дело было не в спорте, а в политике и деньгах. Ради них в жертву были принесены не только ценности, но и люди. После олимпиады в Берлине человечество пережило опыт нацизма, и память о ценностях возродилась. Может, поэтому демократический мир бойкотировал олимпиаду в Москве в 1980 году. Но игры в Пекине говорят о том, что мы снова утрачиваем память и совесть. На их место приходит политический расчет, бизнес (...) То, что готовится в 2014 г., то есть зимняя олимпиада в России, станет не меньшим моральным поражением, чем Китай». («Газета wyborcza», 25 авг.)

• «Шесть медалей завоевал польский полицейский на чемпионате мира среди полицейских, пожарных и представителей других оперативных служб. В соревнованиях во Флориде (США) участвовали несколько тысяч сотрудников этих служб со всего мира. Среди них был старший сержант Януш

Круликовский из Варшавы (...) Медали он завоевал в пяти состязаниях (три золотых, одну серебряную и одну бронзовую), но домой вернулся с шестью. Организаторы признали его лучшим спортсменом чемпионата и вручили дополнительную золотую медаль». («Жечпосполита», 1 сент.)

• «За заслуги перед литовским государством бывший президент Лех Валенса удостоился вчера „Звезды тысячелетия Литвы“ (...) Поздравляя Валенсу, посол Литвы Эгидиус Мейлунас сказал, что Валенса, будучи лидером „Солидарности“, а затем президентом, „зложил фундамент добрососедских отношений между Литвой и Польшей“. Министр иностранных дел Литвы Пятрас Вайтекунас благодарил Валенсу за его позицию в 1991 г., когда после подписания Литвой Декларации независимости Советский Союз вывел на улицы Вильнюса танки». («Газета выборча», 5 сент.)

• «Над дворцом Рудольфинум, где расположена чешская Национальная филармония, развевался вчера польский флаг. Это дань Польше по случаю концерта „Музыка для Праги 1968. Памяти Рышарда Сивеца“ — музыкального воспоминания о поляке, который 8 сентября 1968 г. совершил самоожжение в знак протеста против вторжения в Чехословакию. Почетным гостем концерта был сын героя Вит Сивец, который специально по этому случаю приехал из Канады». («Жечпосполита», 8 сент.)

• «В течение двух недель тральщик „Чайка“ будет уничтожать у берегов Латвии неразорвавшиеся мины времен I и II Мировых войн (...) Операция начнется 1 сентября». («Дзенник», 27 авг.)

• «Иорданский принц Зейд Раад Зейд аль-Хусейн специально приехал в Варшаву, чтобы выяснить, почему Польша до сих пор хранит почти миллион противопехотных мин. Принц пытается убедить представителей Минобороны и МИДа в том, что Польша должна, наконец, ратифицировать Оттавскую конвенцию ООН, которую она подписала в 1997 году. Наша страна — единственная, кроме Маршалловых островов, участница конвенции, которая до сих пор этого не сделала. Конвенцию подписали 156 стран, которые уже уничтожили миллионы своих мин». («Жечпосполита», 27 авг.)

• «Вчера в Афганистане в результате взрыва дистанционного взрывного устройства погибли трое польских солдат, четвертый тяжело ранен (...) Смерть унесла старшего капрала Вальдемара Суйдека (28 лет), а также старших рядовых Павла Шведа (27 лет) и Павла Бродзиковского (25 лет)». («Жечпосполита», 21 авг.)

• «После встречи в четверг вечером с министром национальной обороны Богданом Клихом Дональд Туск отправился в незапланированную поездку (...) Накануне в Афганистане погибли трое наших солдат (...) Премьер решил ознакомиться с положением на месте (...) „Я увидел здесь настоящих мужчин, — сказал Туск после встречи на базе Шаран, — но снаряжение у них — хуже не придумаешь, а процедуры — еще хуже. Эти процедуры нужно быстро менять”. Польские солдаты просили прежде всего бронетранспортеры „Росомаха” (...) До сих пор не пострадал ни один солдат из экипажей „Росомах”, наехавших на мины-ловушки, в то время как от взрывов под колесами „Хаммеров” погибли восемь человек (...) Самое главное, что услышал премьер: солдаты боятся стрелять. Командиры давно бьют тревогу, что в польском контингенте в Афганистане имеет место „синдром Нангар-Хеля” [по названию афганской деревни, которую 16 августа обстреляли польские военнослужащие; в результате погибло шестеро мирных жителей, а против участников операции было возбуждено уголовное дело]. „Люди возвращаются с операции, в ходе которой им пришлось ответить на обстрел противника, и трясутся, что с ними сделает прокурор. Они так и ждут, что жандармерия возьмет их в оборот, — признаётся один из польских командиров. — Так сегодня воевать нельзя”».

(Мартин Гурка, «Газета wyborcza», 25 авг.)

• «Президент Лех Качинский пригласил 55 глав государств на прием по случаю 90 летия обретения Польшей независимости (...) Быстро пришли ответы из прибалтийских стран: Литвы, Эстонии и Латвии, а также из Грузии и Азербайджана (...) В Россию приглашение было отправлено еще до конфликта в Грузии, но президент не отменил его (...) Торжества будут состоять из трех частей. Как всегда, на площади Пилсудского будет произведена торжественная смена караула у Могилы неизвестного солдата. Потом в Королевском замке президент откроет выставку, посвященную 90 летию независимости. В замке же гости съедят обед. Большой бал президентов запланирован вечером в Большом театре». («Дзенник», 5 сент.)

• «Бал президентов в 90-ю годовщину независимости? Я — „за”. Это способ удешевить государство. Вместо того чтобы праздновать с каждым отдельно (...) загрузят всю компанию в Оперу, покажут ей наш „страшный двор”, один оркестр, один кейтеринг, один полонез и „au Renoir”, как говорят выпускники интенсивных курсов французского. Экономия видна невооруженным глазом». (Даниэль Пассент, «Политика», 13 сент.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», на президентских выборах 58% поляков проголосовали бы за Дональда Туска (в июне — 63%), а 22% — за Леха Качинского (в июне 25%). («Жечпосполита», 19 авг.)

- «У нас нет потребности в вожде. Поляки его не ждут. Сегодня поляки отдают предпочтение гражданскому, а не вождистскому государству. Поляки научились справляться со своими проблемами самостоятельно и, следовательно, ожидают, что власти не будут морочить им голову, вовлекать их в свои заварушки (...) Отсюда и одобрение правительства Туска, который не навязывается со своей вездесущностью, и рейтинговые проблемы Качинского, который не делает того, чего от него ждут, — не посредничает и не успокаивает». (Ежи Доманский и Роберт Возняк, «Пшеглэнд», 7 сент.)

- «Политики „Права и справедливости” (ПиС) и ГП признают, что споры партийных лидеров распространились на электораты партий Туска и Качинского (...) „Большевизация мышления”, „стыд и боль”, „особенно бесчестно” — так проф. Владислав Бартошевский говорил вчера об освистании [маршала Сената] Богдана Борусевича, одного из главных авторов августовских соглашений [которые в 1980 г. привели к созданию «Солидарности»]; Борусевич был освистан толпой во время празднования годовщины их подписания]. 1 августа на торжествах по случаю 64-й годовщины Варшавского восстания на военном кладбище в Повонзках были освистаны премьер-министр Дональд Туск, вице-маршал Сейма Стефан Несёловский, а также сам Бартошевский [участник этого восстания и узник Освенцима]. „Партийные разборки велись на католическом кладбище над могилами повстанцев”, — не скрывает своей горечи Бартошевский». (Богумил Лозинский, «Дзенник», 2 сент.)

- «В Польше возрождается почти уничтоженная популяция волков. Хищники, которые жили только в лесах на востоке страны, перешли через Вислу и впервые за многие годы показали в западной Польше (...) В самые тяжелые для них 70-е годы прошлого века в наших лесах оставалось в живых не более 70 особей (...) Исчезающий вид начал охраняться на территории всей страны лишь в 1998 году (...) В прошлом году в польских лесах жило около 400–600 волков, теперь их около 700, и они постоянно отвоевывают новые территории (...) Учитывая численность популяции оленей и косуль, волков у нас должно быть в два раза больше, чем сейчас». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 2 сент.)

• Согласно опросу ГфК «Полония», ГП поддерживают 47% поляков (что обеспечило бы ей 309 мест в Сейме), ПиС — 18% (117 мест), СДЛС — 5% (32 места), крестьянскую партию ПСЛ — 3%. Избирательный порог составляет 5%. В будущих выборах намерены принять участие 63% поляков. («Жечпосполита», 12 сент.)

• «Боевые ряды выровнялись и сплотились. ГП и ПСЛ составляют большинство и блокируют ПиС, президент из ПиС блокирует правящее большинство, а ключ к контрольному пакету находится в руках СДЛС. Штабы партий изучают опросы и размышляют, чего им не следует делать (...) Партийные деятели не стремятся к успехам в реальной жизни государства и общества, пусть хотя бы в своем округе, а заискивают перед теми, кто составляет списки кандидатов в Сейм. Учитывая избирательную инертность голосующих, первое место в списке стоит больше, чем все конкретные достижения, на которых, к тому же, можно и поскользнуться (...) Партии действуют, как успешные фирмы, располагающие деньгами и автомобилями, но действуй фирма так, как в последнее время государство, она давно бы разорилась. Политическая элита замкнулась в собственном герметическом круговороте мест в Сейме, опросов и бюджетных денег (...) Не случайно два самых реформаторских правительства — Мазовецкого и Бузека — пришлось на период, когда (...) премьер-министры в сущности были беспартийными. Как только премьерами начали становиться сильные лидеры партий-победительниц, т.е. начиная с Миллера в 2001 г., правление воспринимается как игра политических амбиций (...) Уже несколько лет преобладают чисто реактивные действия. Пока нет катастрофы, голода, эвакуации больниц или какого-нибудь нажима со стороны Евросоюза, ничего не происходит (...) Даже если возникают рахитичные основы здоровых структур, таких как Корпус гражданской службы, то по политическим соображениям их давят на корню (...) Всё может стать политической добычей, потому что воспринимается как морально амортизированное имущество, оставшееся от предыдущих властей, которое можно и нужно разделить». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 16 авг.)

• «Мы наблюдаем за столкновением двух политических лагерей, расходящихся во всём: и в том, как они видят место Польши в мире, внутренний порядок, и в стиле ведения политики, и в политической культуре. Представители этих двух лагерей должны сойтись в борьбе за президентское кресло. Уже известно, что одним из них будет Лех Качинский, а вторым — вероятно, Дональд Туск. Знаем мы и то, что компания

должна быть длинной, поскольку одному из кандидатов нужно многое наверстать, второй же — действующий премьер-министр, что снижает его шансы, особенно ввиду отсутствия профсоюзной, церковной и радиомарийной базы. Так что в ближайшие годы не следует ожидать от них сотрудничества, не следует даже ждать, что будут установлены какие-то приоритеты, по отношению к которым они выработают общую или близкую позицию. Ожидать следует постоянных стычек. Для Пис президентская должность Леха Качинского — последняя линия защиты после поражения [на парламентских выборах] 2007 года. Для ГП отстранение Качинского — необходимое условие осуществления планов правительства. Ставка выше, чем просто президентское кресло. Здесь сегодня проходит главная линия фронта». (Янина Парадовская, «Политика», 6 сент.)

• Иренеуш Кшеминский, профессор Института социологии Варшавского университета: «Главная проблема Польши заключается, во-первых, в принципиальном разломе между национально-католическими и либерально-европейскими силами, во-вторых — в полном отсутствии чувства общности, на что накладывается неспособность каждого следующего правительства заложить фундамент такой общности (...) На местном уровне тоже не хватает созвучия с общегосударственными или общесоциальными принципами (...) Отсутствие чувства общности усугубляется чувством недовольства и фрустрацией, вызванными завистью. Похоже, мы имеем дело с неослабевающим скрытым конфликтом, вытекающим из того, что люди постоянно сравнивают занимаемые друг другом позиции и места (...) Речь идет о ненависти к соседу, которому почему-то повезло, и к хозяину фирмы, у которого „я“ должен работать, но который еще недавно был обычным чиновником и т.д.». («Дзенник», 30-31 авг.)

• Куба Выгнанский, социолог, один из создателей Общества поддержки Форума неправительственных инициатив, а также Банка данных неправительственных организаций «Клён/Явор»: «В этом году из неправительственных организаций ушло около 2 млн. волонтеров, а всего их было 6 миллионов. Это первый такой год за последнее десятилетие (...) В Польше число волонтеров росло начиная с 2005 г. (хотя и тогда оно было значительно меньше, чем в европейских странах). Потом рост остановился, а теперь начался спад (...) Из исследований, в т.ч. из „Общественного диагноза“ 2007 г., следует, что люди не слишком интересуются общим благом». («Газета wyborcza», 10 сент.)

- «В этом году в духовные семинарии подали документы чуть более 600 желающих. А еще три года назад их было почти в два раза больше». («Польша», 3 сент.)

- «Опасаясь гнева церковной иерархии, польские власти уже не один год идут на нарушение закона. Не важно, правит ли страной СДЛС, ПиС или ГП, никому не хватает смелости обуздать Имущественную комиссию, приписанную к министерству внутренних дел и администрации. Она уже 18 лет занимается выделением компенсаций за собственность Церкви, присвоенную коммунистическими властями (...) Церковно-правительственное детище из двенадцати человек поднаторело в принятии решений на закрытых заседаниях, на основании имущественных оценок, которые имеют мало общего с действительностью (...) В это трудно поверить, но небольшая комиссия принимает решения относительно собственности, цена которой не один миллион — в обход всех институтов польского государства». (Марек Кенскравец, «Ньюсуик-Польша», 17 авг.)

- «Национальный фонд охраны окружающей среды выплатит дотацию о. Тадеушу Рыдзыку (...) Отец Рыдзык обвинил правительство Туска в сознательных действиях „в ущерб радио „Мария“ и всем его начинаниям” (...) Реакция правления фонда была молниеносной (...) В соответствии с его решением, деньги для вуза о. Рыдзыка будут выплачены (...) В период правления ПиС директору радио „Мария” были выделены многомиллионные дотации на осуществляемые им проекты». («Дзенник», 29 авг.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, радио „Мария” слушают 8% поляков. Среди слушателей торунской радиостанции преобладают женщины, пожилые и овдовевшие люди. Многие из них живут в деревне, основная масса — это практикующие верующие (...) 85% опрошенных никогда не слушают передачи этой радиостанции. Телеканал „Трвам” смотрят не менее трех раз в неделю 3% опрошенных». («Жечпосполита», 27 авг.)

- «В течение одного года (с июля 2007 по июль 2008) было создано 70 тыс. новых фирм, из них около 42 тысяч зарегистрированы физическими лицами. По количеству предприятий Польша занимает шестое место в ЕС. В пересчете на тысячу жителей мы на девятой позиции». («Жечпосполита», 1 сент.)

- «Экономический форум в Кринице проходит уже 18-й раз (...) Западные СМИ пишут о „Восточном Давосе”: „Это одно из важнейших экономико-политических событий в регионе” (...)

Количество представленных на XVIII Форуме стран — 60 (...)
Количество гостей — 2000». («Жечпосполита», 10 сент.)

• «Согласно рейтингу Всемирного банка „Doing Business 2009”, создание фирмы в Польше по-прежнему занимает в среднем 31 день — столько же, сколько в Белоруссии (...) Образцом может служить Новая Зеландия (...) Регистрация фирмы занимает здесь только один день. Разрешения на строительство в Польше надо ждать в среднем 308 дней (...) а в Южной Корее, лидирующей в этой категории, — только 31 день. В рейтинге Всемирного банка на 2009 г. сравнивается — с точки зрения простоты ведения предпринимательской деятельности — 181 страна. Польша оказалась на 76-м месте». («Жечпосполита», 10 сент.)

• «Зарплаты поляков постепенно догоняют немецкие. За год мы стали на несколько десятков евро ближе к нашим западным соседям. В первом квартале этого года средняя зарплата на берегах Рейна составляла около 3 тыс. евро, а в Польше около 900. Сегодня в фирмах она достигает почти тысячи». («Жечпосполита», 26 авг.)

• «По данным европейского агентства „Еврофонд”, мы проводим на работе меньше времени, чем жители 11 стран ЕС (...) Средний поляк, работающий на полную ставку, проводил на рабочем месте 40 часов 24 минуты в неделю, на 42 минуты меньше, чем в 2006 году. За год Польша опустилась с 5-го на 12-е место в ЕС. Долше работают не только более бедные, чем мы, болгары и румыны, но и более богатые британцы, немцы, австрийцы (...) В прошлом году зарплаты в Польше выросли в среднем более чем на 8% (...) Быстрое экономическое развитие и трудовая эмиграция привели к тому, что работодатели искали новых работников, боясь потерять уже имеющихся. Поэтому они смягчали свои требования к принятым на работу». (Александра Фандреевская, Анна Слосевская, «Жечпосполита», 5 сент.)

• «Целых 22% поляков признаются, что они тратят больше, чем зарабатывают. Это означает, что они пользуются кредитами без покрытия. 55% заявляют, что у них нет проблем с выплатой кредитов. Экономисты предостерегают, что если эта тенденция удержится, вся экономика может оказаться в трудной ситуации. За последний квартал доля живущих не по средствам увеличилась на одну пятую (...) За последний год на целых 44% возрос объем не покрытых в срок кредитных платежей, квартплаты, счетов за электроэнергию и коммунальные услуги, а также лизинговой платы. Кредитных платежей и счетов регулярно не оплачивают 1,2 млн. человек, а за три последних

месяца число недобросовестных должников увеличилась на 6,2 тысячи». («Дзенник», 26 авг.)

- «Сумма денег, положенных домашними хозяйствами на банковские счета, растет в головокружительном темпе (...) Уже в июне рост объема депозитов был весьма высоким и составил 4,5 млн. злотых. В июле на текущих счетах и вкладах прибавилось почти 6,5 млрд. злотых (...) Это прежде всего следствие изъятия денег из инвестиционных фондов и перевод их в безопасные банковские вклады». («Дзенник», 16–17 авг.)

- «По прогнозам министерства финансов, инфляция выросла с 4,8% в июле до 5% в августе (...) Если прогноз подтвердится, это будет самый высокий скачок цен начиная с 2001 года». («Дзенник», 2 сент.)

- «Растет торговый дефицит. Главное статистическое управление (ГСУ) сообщило, что в первом полугодии 2008 г. экспорт составил 201,6 млрд. злотых (вырос на 6,9% по сравнению с аналогичным периодом в 2007 г.), а импорт достиг 240,1 млрд. зл. (вырос на 8,8%). Это означает, что за шесть месяцев дефицит составил почти 38,5 млрд. злотых, т.е. по сравнению с прошлым годом вырос на целых 6,3 миллиарда (...) Это во многом следствие быстрого экономического развития. Наша экономика должна увеличивать импорт, чтобы удовлетворять потребность в инвестиционных товарах». («Дзенник», 16–17 авг.)

- «Уменьшающийся экспорт приведет к значительному росту дефицита текущего счета. Все меньшее потребление в Европе и по-прежнему сильный злотый ведут к тому, что (...) продажа за границу перестает окупаться». («Жечпосполита», 5 сент.)

- «По данным ГСУ, во втором квартале этого года ВВП Польши вырос на 5,8%. Столь высокого темпа экономического роста никто не ожидал (...) ГСУ сообщает, что нашу экономику толкают вперед индивидуальное потребление и инвестиции». («Дзенник», 30–31 авг.)

- «Согласно восьмому выпуску „European Trusted Brands“, со времени последнего опроса показатель оптимизма среди поляков вырос с 53 до 77%. 68% из нас уверены, что в стране все идет в нужном направлении». («Политика, 13 сент.)

- Число рождений в Польше (в тысячах): 2003 г. — 351,1; 2004 — 356,1; 2005 — 364,4; 2006 — 374,2; 2007 — 387,9. Прогноз на 2008 г. — 420 тысяч». («Впрост», 31 авг.)

• «А тем временем ситуация всё хуже, наверное, хуже всего в Европе (...) ежегодно в Польше гибнет более пяти тысяч человек (...) Если бы упал самолет с сотней поляков на борту, объявили бы национальный траур, а ведь число погибших во время некоторых продленных выходных приближается к сотне (...) Поляки погибают на дорогах чаще, чем другие жители Европы (...) В основном — потому что быстро ездят, производят неправильные маневры и не соблюдают правила преимущественного проезда». (Пшемислав Вильчинский, «Тыгодник повсехный», 14 сент.)

МАРИАН ЗДЗЕХОВСКИЙ И РУССКИЕ БОГОИСКАТЕЛИ

5 октября исполняется 70 лет со дня кончины Мариана Здзеховского. Выдающийся ученый, родившийся в 1861 г., был прежде всего, если применять современную терминологию, историком идей. В нем соединялись традиции Восточной и Западной Европы. Истину он искал в неортодоксальном христианстве: в романтической литературе, у проклятых Ватиканом католических модернистов, у русских мыслителей. Глубоко веровавший, а на мир смотревший пессимистически, он в конце жизни неожиданно стал вдохновителем молодого поколения поэтов-катастрофистов, о чем неоднократно писал Чеслав Милош.

«Новая Польша» посвящает памяти Мариана Здзеховского публикацию статьи-некролога из русской эмигрантской газеты «Меч», его переписку с Дмитрием Философовым, а главное — его юбилейную речь, произнесенную в Виленском университете им. Стефана Батория. Ее напечатал тогда студенческий журнал «Влученга» («Бродяга», 1933, №6), орган Студенческого клуба виленских бродяг. Об этом клубе не раз упоминал Милош, особенно часто — в «Родной Европе». Напомним, что это была студенческая аполитичная организация, лучше сказать — туристский клуб, главной целью которого были походы — пешие, велосипедные байдарочные. Рекордсменом клуба был Вацлав Корабевич, который доплыл на байдарке до Индии. И вот почтенный профессор согласился, чтобы его речь была напечатана в органе этого клуба.

П.М.

*

* *

«В течение большей части своей жизни — писал проф. Ледницкий в сборнике, посвященном 50-летнему юбилею деятельности проф. Здзеховского — он поддавался соблазну России и в то же время боролся с ним... Его подкупала честная человечность Толстого, но пугал «бес» Достоевского».

Окончив минскую гимназию, а затем посещая Петербургский и Юрьевский университеты, Здзеховский близко столкнулся с русской жизнью, с русской культурой. В наших романтиках, славянофилах, религиозных мыслителях поляк Здзеховский открыл общее со своими романтиками-мессианистами.

Первым сильным влиянием, под знаком которого прошла юность Здзеховского, был Лермонтов. Русским поэтом-мыслителем был навеян первый капитальный труд «Байрон и его эпоха», создавший Здзеховскому известность.

Выросший среди материалистически настроенного общества, Здзеховский один из первых пошел самостоятельной дорогой на поиски утерянной благодати духа. Попутчиками ему были русские идеалисты — Толстой, Вл. Соловьев, Е. Трубецкой, Мережковский. Анализ и генеалогию доктрин Л. Толстого и Вл. Соловьева он дал в труде «Пессимизм, романтизм и основы христианства», рядом с другими портретами великих немецких, английских и французских писателей и философов. Тут, углубляя анализ романтизма, Здзеховский открыл в нем творческое религиозное начало. Романтизм для его проницательного взгляда превратился из литературного исторического эпизода в мост, переброшенный из средних веков к новому возвращению духа. Материалом для исследований Здзеховскому служили мессианство польских романтиков и русские литературные и философские течения, связанные со славянофильством. Ими он пытался объяснить эпоху романтизма, соединившего пристрастие к средневековому мистицизму с увлечением духом Востока.

Но был тут у Здзеховского и свой жизненный опыт.

В последней книге «Пред лицом конца», которую он называет своим завещанием, Здзеховский рассказывает об одной пасхальной ночи, проведенной им в Петербурге. Ночь эта объяснила ему многое в самой сокровенной сущности русского духа.

«Однажды я провел в Петербурге пасху, — рассказывает Здзеховский. — Пасхальное богослужение совершается там, как и везде в России, во всех церквях одновременно, поздно вечером. Вместе с боем часов в полночь все колокола всех церквей объявляют людям радостную весть; радость входит во все сердца — и, со словами „Христос Воскресе“, соединяются в братском поцелуе все, даже те, кого разделяют условия жизни: господа со слугами, начальник с подчиненным, богатые с нищими. И хоть длится это коротко, но красота минуты оставляет след в каждой душе, которой доступно прекрасное. Не

забуду впечатления, которое на фоне ночи, звучащей восходящими к небу голосами колоколов, освещенной разложенными на улицах и площадях кострами, охватило меня тогда счастьем и чувством торжества жизни над противостоящими силами тьмы и смерти. Теперь я понимаю, что в такие минуты чудное видение воскресшего и преображенного человечества сходило на тех благороднейших сыновей России, ее мыслителей и поэтов, в творчестве которых отразилась мысль христианского Востока».

«Источником всего богатства России есть религия, — делает отсюда вывод Здзеховский, — сущность этой религии — радость воскресения, которая звучит во всей жизни Церкви, в ее чаяниях и надеждах, в ее молитвах и песнопениях... Христос Воскресе! — слова эти кратко выражают дух православия».

Идя по этому пути, Здзеховский пришел к той же идее, на которой строилось творчество Д.С. Мережковского, — к жажде преображения жизни человеческого общества религией. Политика, общественная и личная жизнь должны быть освящены, проникнуты, преображены христианством.

Все, близко знавшие Здзеховского, преклонялись пред его рыцарством, духовным горением, незнанием компромиссов с совестью, бесстрашием, когда дело шло о справедливости или защите угнетенных. Горение его заражало окружающих, создавая личное обаяние Здзеховского. Его считали народной совестью, человеком необычайной воли и возвышенного духа. Возьмем некрологи и статьи, в необычном количестве появившиеся в польских газетах самых различных направлений. В них, безо всякого ложного пафоса, Здзеховского называют «последним крестовым рыцарем», «апостолом справедливости и правды», «великим умершим», «народною совестью». А.Гжимала-Седлецкий в «Курьере Варшавском» пишет: «в этом слабом теле, как бы высохшем в огне энтузиазма, жила природа рыцаря. Даже академические по существу труды Здзеховского полны чувством и жаждою борьбы. Не было его книги, не было его статьи, не было такого в его речи слова, которое бы не боролось страстно за правду... До возмущения, до страдания, до гневного взрыва его доводили беззаконье, несправедливость, насилие над кем-нибудь... Тогда силы его выступлений не останавливали никакие соображения о личной невыгоде, а бури его убеждений не останавливал никакой самый могущественный противник».

«Мариан Здзеховский — пишет В. Харькевич в «Слове» — занимал в польском народе положение исключительное, особое, предназначенное только ему одному. Это был не только

ученый, не только прекрасный писатель, мастер слова; не только передовой представитель польской культуры, не только человек безукоризненной честности, справедливости и благородства, это был человек, воплощавший в себе *народную совесть*».

Все эти определения можно заменить и объяснить одним: Здзеховский был человеком духовным. Это его свойство толкнуло его на путь религиозных исканий, осветило перед ним новым светом историю романтизма, возродило в нем идеалы польских романтиков-мессианистов, открыло его глазам и тайники русского духа.

Война, а за нею русская революция и новая послевоенная Европа болезненно переживались Здзеховским. Многие приводило его в негодование. С особою болью он принял к сердцу то, что происходило в России. Для него не было сомнения в антихристовой природе большевизма, и он не мог понять, как христианские народы Европы могут находиться в дружественных отношениях с правительством, заклеянным печатью Дьявола; как в самой подсоветской России могут безропотно рабски подчиняться ему свободные в духе наука и искусство. Все, что было в его силе и возможностях, Здзеховский делал для того, чтобы открыть Западу глаза на истинную бесовскую природу большевизма. Но с годами он чувствовал себя все более одиноким в новом мире. То, что происходило вокруг, казалось ему, воспитанному на идее прогресса, поворотом назад, в варварские века. Он начинал предаваться печальным, апокалиптическим размышлениям о будущем Европы.

Но и тут руководящей силой для него была религия.

В одной из первых своих книг «Пессимизм, романтизм и основы христианства» Здзеховский останавливал внимание на «дыхании Индии», индийской религиозной философии, которую он воспринимал через Шопенгауэра, как «глубочайший пессимизм». Это пессимистическое начало он считал полезным для христианства: углубляющим и укрепляющим религиозное мировоззрение. Мир лежит во зле, но через горечь познания зла человек получает силу, необходимую для борьбы с ним, и силу любви и познания Бога. Теория эта дала Здзеховскому имя «великого пессимиста».

Интересно проследить ее углубление по последним книгам Здзеховского. В очерках о послевоенной Европе — «Европа, Россия, Азия», писанных в 1922 г., он находит выход из окружающей тьмы в божественном начале личности. Утопии, в

которые еще 30 лет тому назад верило человечество — о золотом веке и земле обетованной — потерпели крушение. Что же, тем лучше. Точку опоры мы должны перенести с мечтаний о будущем земном рае «на настоящее, на душу, на ее абсолютное, божественное начало».

Так Здзеховский приходит к старой христианской мысли, которую с такой последовательностью исповедовал Толстой.

Последним словом Здзеховского, произнесенным им между забвением и беспомощностью агонии, было: «счастье».

С этим словом умер «великий пессимист», польский богоискатель, нашедший и претворивший в своей жизни — Бога.

«Меч», 1938, №41

Лев (Леон) Гомолицкий родился в Санкт-Петербурге в 1903 году. До 1939 г. был русским поэтом и критиком. Тесно сотрудничал с Дмитрием Философовым. Был редактором выходившего в Варшаве еженедельника «Меч», секретарем Союза русских писателей и журналистов в Польше и клуба «Домик в Коломне», основателем поэтического издательства «Священная лира». После войны занимался периодом пребывания Мицкевича в России. Стал ценным польским прозаиком, автор 23 романов, часто автобиографического характера. Умер в Лодзи в 1988 году.

ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. СТЕФАНА БАТОРИЯ

В феврале с.г. [1933] Вильно праздновало юбилей — пятидесятилетие литературной и научной деятельности одного из самых заслуженных людей, которых вырастила почва нашего края, — бывшего ректора Виленского университета Мариана Здзеховского.

Мариан Здзеховский — не столько великий ученый, сколько великий и влиятельный мыслитель. Его знаменитые научные труды — всего лишь канва, по которой автор тклет узор своих мыслей и забот.

Среди гвалта и борьбы повседневной жизни, в период крупных политических игр, в эпоху захватывающих ум вопросов экономики и техники Здзеховский постоянно и упорно обращает мысль своих читателей к тому, что в жизни человека всего существеннее, что важнее всяких политических и социальных целей, — к великому, мучительному, трагическому вопросу о сути бытия. Здзеховский — один из крупнейших славянских религиозных мыслителей.

Чуткий ко всему, что происходит в окружающей жизни, Здзеховский не чужд и политики, да только его способ восприятия ее вопросов совершенно своеобразен, дышит ментальностью не нашей эпохи. Политически мыслящий современный человек обычно мыслит в категориях конкретных интересов. Здзеховский мыслит в категориях нравственных понятий.

Здзеховский испытывает отвращение к политике, которая подчинена лишь стремлению к осуществлению определенных интересов. Книгу о Наполеоне III современный политик никогда не поймет. Здзеховский стремится в ней прославить человека, который, будучи вынесен волной случайностей на одно из важнейших в мире мест, не сумел там проявить ни политического гения, ни величия характера.

В Наполеоне III Здзеховского привлекло то, что в какие-то моменты тот сумел подчинить интересы своей страны идеям более общего порядка. Книга о Наполеоне III — выражение горячего протеста автора против современных методов политического

мышления. Рецензенты не умели уловить в ней то, что существеннее всего: почему Наполеон III стал этим случайным фоном, благородной ведущей мыслью автора.

Здзеховский никогда не был политиком в строгом смысле слова. Но некоторые его выступления, некоторые слова и поступки нередко оказывали влияние на состояние умов. Все мы помним его страстное противодействие Рижскому договору — тому политическому поражению, которым закончилась военная победа. В 1923 г., когда маршал Пилсудский, находившийся тогда в оппозиции, приезжал в Вильно, на вокзале его постоянно встречали и провожали два представителя преподавательского состава воскресенного им университета — Мариан Здзеховский и доцент Витольд Свяневич. 19 марта 1926 г. Здзеховский в качестве ректора организовал в университете торжественное празднование именин Юзефа Пилсудского, во время которого произнес речь, ставшую призывом к совершению того, что произошло несколькими месяцами позже .

Когда в период правления, наступившего после мая 1926 го, произошли известные события , которые противоречили взглядам Здзеховского на методы политической деятельности, Здзеховский выразил протест. С тех пор эндеки [национал-демократы, противники Пилсудского] стараются сделать из него своего человека, носят с его именем, как с чашей Святых даров, однако за всем этим нередко таится политическая деятельность людей, которых мало волнует то, что составляет исключительное побуждение всех выступлений Здзеховского. Тем не менее Здзеховский сумел противостоять этим попыткам втянуть его в водоворот политических интриг и остался тем, кем всегда был, — человеком, который превыше всего в жизни стремится сохранить верность своим религиозным и нравственным убеждениям. Публикуемая ниже речь Здзеховского, произнесенная в Колонной аудитории 15 февраля с.г., противоречит всей эндецкой ментальности, враждебна эндецким методам пропаганды.

Здзеховский считает себя консерватором. Консерватизм — это метод политической деятельности, для которого характерен принцип: когда перед тобой стоит сила, располагающая аппаратом власти, ты, как правило, не организуешь борьбу с этой силой, но ищешь сближения. Здзеховский представляет собой антитезу этому тактическому принципу. Как во внешней, так и во внутренней политике он всегда остается другом тех, кто слаб, унижен, побежден. Даже тогда, когда эти побежденные того не заслуживают.

Здзеховский — человек с рыцарским сердцем. В этом худом, спортивном старике, что ни день во тьме зимних сумерек бодро

восходящем на крутые откосы лесистых Антокольских холмов, есть нечто от воинов былых времен. Только нервность движений выдает, что всю жизнь он сражался не саблей, а пером.

Полный текст нижеследующей речи не был напечатан ни в одном польском журнале. Тем более мы горды, что это делает наш журнал.

Ред. [«Влученги»]

* * *

Сердечно благодаря за почести, которые обрушились на меня по милости гуманитарного факультета, Сената [университета] и вашей, господин ректор, я вынужден, однако, признаться, что чувствую себя смущенным, оробевшим. Ибо та высочайшая награда, какой располагает университет и какой отмечаются 50 лет научно-литературной деятельности, связана с празднованием моего 50 летия и стала кульминационной точкой этого празднования. А юбилейные торжества, особенно в последние годы, после войны, стали у нас модой и тем самым банализировались.

Я не хотел быть жертвой моды, защищался, тому есть множество свидетелей — в первую очередь вы, господин ректор.

Но — свершилось. Свершившийся факт вынуждает подвести итог целой жизни.

Кого не озарил луч благодати, кто не принадлежит к числу счастливых избранников, святых и героев, тот одно лишь может о себе сказать: что его жизнь была нагромождением беззаконий, ибо, как сказано, «беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне» («*Supergressae sunt caput meum*» [Пс 37,5]): перед лицом Господа не оправдается ни один человек; «*taedet animam meam vitae meae*» [«Опротивела душе моей жизнь моя», Иов 10,1].

В некоторой мере всё то, в чем человек себя обвиняет, смягчается сознанием, что хоть он заблуждался и грешил, но это было слабостью, а не злой волей и предательством — помыслы же его были чисты. С этой точки зрения я в согласии со своей совестью; служить **добру**, по своему разумению, я старался искренне, всегда. Не доставало сил, не служил так, как того хотел и как должен был, однако не помню случая, чтобы в своих сочинениях или с кафедры хоть когда-то сказал то, чего потом стыдился бы или о чем сожалел. Я чувствовал свою

ответственность за каждое свое слово, испытывал никогда меня не оставлявшее, живое сознание долга пробуждать добрые чувства в сердцах как учеников, так и читателей.

Если бы меня спросили, в какой из моих работ это сознание отразилось особенно живо, я, возможно, не сумел бы дать решительного ответа — во всяком случае, назвал бы — как то, чему придаю особую важность, — речи, которые произносил с этой кафедры, будучи ректором. Они были исповеданием веры, и эту мою веру я хотел внушить моим слушателям; я издал их в сборнике «Борьба за душу человека», ибо вопль о душе был той нитью, что связывала их в единое целое; они были мольбой к молодежи, чтобы она разожгла в своих сердцах свет, который излучает имя короля-основателя этого университета, излучают имена тех великих, величайших, что стали его гордостью: Петр Скарга, Снядецкие, Мицкевич, Словацкий. Принесли ли мои слова плоды, могли ли принести их в ту эпоху, в которую мы вступили после войны?

Памятью я обращаюсь в глубь веков, почти до восстания 1863 года, и могу свидетельствовать, что несравненно прекраснее была Польша угнетенная, страдающая, воинствующая, но не падающая духом, озаренная сиянием великой мечты и великой надежды, нежели Польша, которая вместе с обретением независимости стала добычей демагогии всех родов и оттенков. «Сжальтесь над отечеством», — призывал я в первой моей речи, *сжальтесь*, то есть умеете противостоять темным силам разрушения и смерти.

Сегодня, когда я просматриваю эту речь, она кажется мне отголоском далеких лучших времен — так быстро за эти несколько лет пошел мир, пошла Польша вспять, к варварству. Я тогда предостерегал от надвигающейся с востока красной чумы, самой страшной, какую видывал мир: она убивает в человеке его нравственную личность, выпалывает из души ее метафизический элемент, озверяет его, лишает чувства собственного достоинства и чувства свободы, превращает в автомат без воли, без полета и без мысли. Правильно сказано, что те не люди, у кого отсутствует чувство свободы, — это существа, лишь внешне подобные людям, какие-то антропоиды. Этих антропоидов создает большевизм — и перед их нашествием мы стоим. Сегодня же я констатирую, что микробы этой чумы глубоко въелись в организм нашего народа. Ошеломленные странным и отвратительным парадоксом, в котором заключена суть большевизма: что неволя, что крепостничество, что попираание достоинства человека суть прогресс, а свобода есть буржуазный предрассудок, — мы уже

готовы принять это как догму. Одним словом, большевизация мысли по всему фронту, исчезновение нравственного чувства, а точнее чутья. То, что есть распад и гниль, писал я в последней, недавно изданной своей книге («Шатобриан и Наполеон», Вильно, 1932), представляется ароматом, и даже среди молодежи — а ведь с образом молодости мы привыкли связывать восприимчивость к великим и прекрасным лозунгам — мы встречаем таких, что в оной гнили барахтаются, отыскивая в ней какое-то идеальное содержание, и играют в большевизм, красуются большевизмом своим, не видя или не желая видеть, что составляет ценность человека.

Я клеймил также то вырождение любви к отечеству, которое мы называем национализмом. Я призывал молодежь заниматься единственной политикой, которая должна царить в стенах университета, — политикой взаимной доброжелательности и терпимости: *пусть польская молодежь поступает так, чтобы слово «Польша» не отталкивало, но привлекательным было для всех национальностей, входящих в состав государства, привлечь же к себе, к Польше «можно лишь величием, никогда — малостью души»* (Ф.В. Ферстер). Мог ли я тогда ожидать, что университет имени Стефана Батория станет сценой гнусных антисемитских эксцессов? Здесь не место затрагивать еврейский вопрос — вопрос политический, тяжким бременем лежащий на Польше. Я говорю во имя тех принципов товарищеского такта и нравственных приличий, которые обязывают любого порядочного человека, говорю с позиции того наиболее благородного гуманизма, который восславляли великие немецкие мужи: Гердер и Лессинг, Гёте и Шиллер — как *die reine Menschlichkeit* [чистейшую человечность]. Я не хочу продолжать разговор об этом, чтобы не краснеть от стыда.

Великий швейцарский мыслитель Шарль Секретан, сочинения которого я хотел бы видеть в руках у каждого мыслящего юноши, констатируя, что мир идет к демократии, предвидел, что в силу железного закона логической последовательности, который правит историей, демократическая идея будет доведена до абсурда, до кровавого абсурда и этот абсурд станет если не концом света, то концом цивилизации. Это предсказание, произнесенное в последние годы прошлого века, уже исполнилось: абсурд воцарился в России, а Европа, которую Мережковский так верно сравнил со старой блудницей, влюбленной в дерзкого и молодого распутника, — Европа всё позволяет, всё ему прощает. Какое-то *moral insanity* [нравственное безумие] овладело всем миром. «В летописях истории, — говорит замечательный критик и дипломат,

бывший французский посол в России времен войны Морис Палеолог, — до сих пор не было записано такого бездумья и ослепления, как то, что характеризует сегодняшних политических лидеров Европы и Америки».

Что же мы, немногие, весьма немногие, те, что не ослепли и видят, те, у кого осталась совесть, — что можем мы этому противопоставить? «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением, — говорит великий Кант, — звездное небо надо мной и нравственный закон во мне». А значит, стоять на абсолюте нравственного закона — иной опоры нет.

В трилогии Шалома Аша «Петербург — Варшава — Москва», недавно переведенной с идиша на польский, я нашел глубокие слова, вложенные автором в уста молодого еврея, который искренне принял лозунги большевизма, принял активное и немалое участие в революции, принесшей победу большевикам, и был включен в число ее героев. Но у этого юноши сохранилась совесть, и победа, последствия победы открыли ему глаза. Триумф того, в чем он видел идею и цель своей жизни, переполнил его отвращением к триумфаторам. «Моя ошибка — жалуется он — состояла в том, что вместо того, чтобы верить в людей, я верил в систему; а система ведет расчет, не считаясь с теми, кто будет ее применять; она не знает и не хочет знать человека, потом перерастает человека и становится мертвой догмой, которая вместо свободы несет пытки угнетения и подавления, вместо утешения и веры — скрежет зубовой и боль».

Не от системы зависит добро или, скорее, та капелька добра, которая возможна в брэнном мире, но от личностей, от людей, которые верят в долг, в нравственный закон, а верить в долг — это верить в свободу и Бога, ибо без свободы и Бога долг превращается в звук без содержания. Вот урок, вытекающий из опыта и страданий всего исторического прошлого, вот вопль истории, и звучит он так громко, что, как меланхолически прибавлял Секретан, «plusieurs ont l'air de l'entendre» [многие его как будто бы слышат].

Я схожу с этой кафедры, а вскоре и со сцены университетской жизни в момент, для наших университетов безмерно тяжелый, но схожу укрепленный теми проявлениями симпатии моих коллег, доказательство которому — этот ценный для меня диплом, и утешая себя тем, что — перефразируя слова великого мыслителя — «plusieurs n'ont entendu» «немногие услышали», то есть слова мои приняли,

может, несколько человек, может, десятка полтора, может, даже больше, и с пользой для себя.

ГУМАНИЗМ И КУЛЬТУРА В НАШЕМ С ВАМИ ПОНИМАНИИ

Польского слависта, мыслителя и публициста Мариана Здзеховского отличал особый интерес к русским религиозно-философским исканиям. Постоянной темой его работ было сопоставление духовных основ западноевропейской и русской культур, католической и православной религиозной мысли. Этим было обусловлено его внимание к трудам Л.Н.Толстого, Владимира Соловьева, Б.Н.Чичерина, других русских мыслителей. Задолго до I Мировой войны начали выходить книги Здзеховского на русском языке, а его статьи стали появляться в русской периодической печати. Он подолгу бывал в Москве и Петербурге, был лично знаком и состоял в переписке с Н.А.Бердяевым, Е.Н.Трубецким, Д.С.Мережковским и другими русскими учеными, писателями, общественными и политическими деятелями. Среди тех, с кем Здзеховский поддерживал дружеские отношения, был Дмитрий Философов.

В 1925 г. русский критик и публицист в одной из своих статей в варшавской газете «За Свободу!» вспоминал, что с «минским помещиком» он познакомился в 1907 г. в Петербурге. Знакомство возобновилось в возрожденной Польше: бежав вместе с Мережковским и Гиппиус из Петрограда, Философов в 1920 г. оказался в Вильно. Здесь беглецов встретил Здзеховский, занявший в Виленском университете им. Стефана Батория кафедру всемирной литературы (позднее кафедра сравнительных литератур). Он проявил «столько братского внимания» и «такое богатство своей славянской души», что пребывание беглецов в Вильно «окрасилось особым цветом морального удовлетворения»; им представлялось, что они «попали к своим людям, к братьям по духу».

Философов остался в Варшаве после того, как Мережковский и Гиппиус уехали в Париж. Он принимал участие в деятельности русских организаций, участвовал в руководстве газетами «Свобода» (1920–1921), «За Свободу!» (1921–1932), «Молва» (1932–1934), журналом и газетой «Меч» (1934–1939), изредка выступал в польской печати. Общение со Здзеховским, большей частью заочное, продолжилось; в Отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета сохранилось шесть писем Философова^[1]. Они отражают общие интересы

корреспондентов и — особенно письма межвоенной поры — обнаруживают немаловажную для исследователей подоплеку как публикаций Здзеховского, так и выступлений «За Свободу!». Варшавский публицист ценил глубокое понимание виленским профессором непростой ситуации русских и проблем православной Церкви в Польше, неприятие большевизма и убежденность в том, что христианским основам европейской культуры и, следовательно, самому существованию человечества угрожают национализм и коммунизм. По-своему сближали их растущие одиночество и несовпадение с настроениями публики. Тем ценнее становился диалог граждан духовной «республики аристократов», которых, как не без горечи писал Философов, «толпа никогда не понимала».

Письма публикуются по автографам; текст бланков, на которых написаны первое и последнее письмо, опущен; орфография и пунктуация писем приведена в соответствие с нынешними нормами, с сохранением ряда характерных особенностей; раскрытые сокращения не отмечаются.

1.

6 — 19 — I — 912.

Многоуважаемый Профессор,

несколько замедлил ответом на Ваше любезное письмо, чтобы сразу дать Вам все нужные справки. К сожалению, до сих пор не нашел имеющейся у меня статьи униатского священника Н.Толстого, статьи, помещенной в «Русском Слове» весной 1911 г. Статью эту я разыщу, и пришлю ее Вам непременно, если не в подлиннике, то в копии. Она очень существенна, обошла все газеты и вызвала много статей, особенно в «Нов. Времени» и в «Русск. Слове» (в том числе мою)^[2]. Священник Н.Толстой — человек безусловно честный и подлинность его сообщения никто не опровергал. Сам Ник. Толстой перешел в католичество в 1894 г., о чем 19 декабря 1894 г. состоялось постановление Синода. В этот же день митрополит Антоний^[3] писал К.П.Победоносцеву^[4]:

«По поводу настоящего дела я высказался в том смысле, что этому движению, представителем которого явился о. Толстой, удобную пищу может давать постепенно усиливающееся стремление обер-прокурорской власти к совершенному абсолютизму. Я не один раз слышал от многих лиц, и даже от одной высокой особы, что лучше папа, чем обер-прокурор.

Конечно, если мыслить о главенстве церкви и выбрать главою или папу, или обер-прокурора, то, конечно всякий благомыслящий человек всегда скажет: лучше папа. Помилуй Бог, если история поставит такую альтернативу когда-нибудь православному русскому человеку»

Приведенный отрывок из письма покойного митрополита приведен в «Русск. Слове» от 6.XI.912, в статье А.Никонова: «На фоне безвременья». Статья эта посвящена памяти покойного. Под псевдонимом Никонова скрывается один ученый историк церкви.

Статьи проф. Московской Духовной Академии И.В.Попова^[5], на которые я ссылался, следующие: 1. «Религиозный идеал Св. Афанасия Александрийского» Св. Троицкая Сергиева Лавра. 1904. ц. 40 коп. 2. «Мистическое оправдания аскетизма». Там же, 1905 (ц. 50 к.) и 3. «Элементы греко-римской культуры в истории древнего христианства». М. 1909 (последняя статья была напечатана в «Вопросах философии и психологии»^[6]).

Это все отдельные главы его большой работы. Достать все статьи можно в книжн. магазине Тузова^[7].

Книжка М.В.Лодыженского называется: «Свет незримый». СПб. 1912.^[8] ц. 2 р. Склад в редакции «Сельского Вестника» Мойка 32. Лодыженский был долгое время консулом в Черновцах, а теперь, кажется, при Министерстве Иностранных Дел^[9].

Вот, кажется, и все, что Вас интересовало. Душевное спасибо за статью.

Искренно уважающий Вас

Д.Филосовов.

2.

21.II

6.III. 914

Многоуважаемый

Мариан Эдмундович.

Конечно, Масарик неправ.^[10]

Тареев^[11] и Несмелов^[12], действительно, единственные культурные апологеты, питающиеся крохами от Вл. Соловьева. О Светлове^[13] же и епископе Сергии^[14] не стоит и говорить. Этого мало для религиозной «революции».

Тареев занимает теперь в Москве (Дух. Ак.) кафедру православного богословия, в программу которого входит опровержение социализма, и он добросовестно его теперь опровергает, вооружившись Каутским и Мерингом.^[15]

Светлов сотрудничает в «Колоколе»^[16]. Вообще в смысле философском у них ничего оригинального нет. Просто их ценят за то, что они говорят мало-мальски культурным языком. Бердяев одно время увлекался и Тареевым и Несмеловым, а покойный Победоносцев очень поощрял Несмелова.

Преданный Вам

Д.Философов.

P. S. Деньги я жду в Париже.

Адрес: 11 bis, Avenue Mercedes.

Paris XVIe

3.

18.X.25

Sienna 28 m. 21

Warszawa

Глубокоуважаемый профессор,

искренне благодарю Вас за память и за посылку Вашей статьи в «Słowo»^[17]. Мы получаем «Слово», и я Вашу статью прочел раньше, чем Вы мне ее прислали. Она даже была переведена, но в последнюю минуту у меня возникли сомнения, не поведет ли ее напечатание, без всяких комментариев, к недоразумениям? т. е. не увеличит ли это авторитета Чичерина, как человека идейного, и даже «патриота»?^[18] Поэтому я передал ее М.П.Арцыбашеву, который, вероятно, напишет по поводу нее статью, или по крайней мере, использует ее^[19].

Я лично считаю, что перелом, происшедший благодаря Локарно^[20], очень затрудняет положение советского

правительства, которому Европа нужна более, чем когда-либо, и главным образом ее товары, т.к. русский крестьянин не продает больших запасов зерна, не имея что купить на полученные проданные деньги. Поэтому в России опять, на время, взяли верх хозяйственники (Троцкий, Красин^[21], Чичерин), или эволюционисты, а активисты Зиновьев, Фрунзе etc. в опале^[22]. Этот момент, как мне кажется, Европа должна была бы использовать, и действовать по отношению к России солидарно, не в смысле политическом, а экономическом, т. е. использовать нужду Сов. России в Европе, в целях закрепления эволюционного процесса в России.

Потому я лично интригам Чичерина не приписываю большого значения, и если благодаря его визиту в Варшаву полякам удастся хоть что-нибудь сбыть из своих товаров в Россию — слава Богу. У русского крестьянина хоть будет плуг или ситец, а у поляков меньше банкротов^[23]. За пять лет моего пребывания в Польше, я в первый раз с такой тревогой смотрю на ее положение. Я боюсь, что настоящий экономический кризис заставит безработных выйти на улицу. Кризис же — никакими хирургическими операциями не вылечишь, тут должно быть длительное лечение. Если и можно говорить об «операции», то только в смысле сближения с Германией. Но на эту операцию поляки не согласятся, т.к. естественно, это будет не вскрытие нарыва, а может быть — ампутация...

Радуюсь, что Виленский Университет имеет такого выдающегося и благородного ректора^[24].

Искренно Вас уважающий

Д.Философов.

Извините великодушно за задержку в ответе. Но я лишь по воскресеньям имею возможность отвечать на срочные письма.

Д.Ф.

4.

Sienna 28 m. 21 Tel. 256-26

20.XI.[1926?]

Многоуважаемый профессор.

Сердечное Вам спасибо за Ваше искреннее и интересное письмо.

Позвольте мне Вам так же искренне ответить. У вас в Польше два «обоза»^[25]. Одни говорят: есть украинцы и белорусы, русских нет. Для украинцев и белорусов мы готовы многое сделать. Однако — ничего не делается. Другие говорят: есть только русские. Но для русских ничего не делается. Оба обоза ссылаются друг на друга, что, мол, другой мешает.

Да, Тугутт искренно хотел сделать для украинцев и белорусов. Но ему пришлось уйти, с делом стоп. Грабский^[26].

Да, вы и Ваши единомышленники много хотите сделать для русских, но делает орден иезуитов. Католический съезд в Вильне реальность. Желания о.о. иезуитов во главе с д'Ербиньи работать в России, переговоры с большевиками^[27] — это факт. С точки русско-польских отношений — это прямо ужас. Чем больше иезуиты работают в России, тем больше будет ненависть России не к католикам, а к полякам.

Вы говорите, что поляки не обратили внимания на Лжекобр. Напрасно. Он читал свои лекции в Вильне, Лиде, Молодечно, Сморгони, и везде дискредитировал не только православие, но и митрополита^[28]. Если он действовал *ad maiorem dei gloriam*^[29], то реально он возбуждал среди православного населения ненависть к полякам.

В данную минуту мы имеем правительство, представляющее собою блок между старым Бельведером^[30] и консервой^[31]. Т.е. оба течения относительно меньшинств объединились в правительстве. Предполагаю, что Мейштович и Незабитовский стоят на вашей точке зрения, Пилсудский и Бартель^[32] на старо-бельведерской. Но + на — дает ноль. Получится мертвая точка. Ни русские, ни белорусы с украинцами ничего не получают, с выгодой большевики. Весь смысл острого припадка национализма был в том, что он спас Европу от большевизма, спас в том числе и Польшу. Если бы даже П.П.С.^[33] не были так национальны, коммунизм вас бы заел. Но так как вы, да и все поляки, ничего не сделали для национализма меньшинств — этим воспользовались большевики. Они избрали национализм тогой, для своей пропаганды, и национализм превратился во *fléau*^[34], как вы говорите. Можно посмотреть на положение вещей и *à vol d'oiseau*^[35], и сказать, что выхода нет. Мир гибнет, спасутся 10 праведников. Но не есть ли это уход из мира? Не позиция ли это *des derniers romains*^[36]? Не праведнее ли был блаженный Августин^[37], который *a embrassé la cause des barbares*^[38]?

Искренне преданный

Д.Философов.

5.

4. V. 28.

Варшава.

Многоуважаемый

Мариан Эдмундович.

С чувством глубокого волнения прочел Вашу речь^[39], преисполненную не только замечательных мыслей, но и высокого духовного величия. Почему Вы поделикатничали и не назвали имя того безумца, который писал такие кощунства в сборнике «Латинство и Россия»? Если память мне не изменяет, это писал Карсавин^[40]!

К сожалению, под рукой у меня не оказалось этого сборника, а потому я не решился, хотя бы в примечании, заклеить обезумевшего Карсавина. Я понимаю, что Вам, как католику и поляку, не хотелось бы называть его фамилии, но, нам, русским, такая деликатность не пристала. Очень буду Вам благодарен, если мне дадите более точные указания.

Что касается существа Вашей речи, то увы! чем больше я живу, тем больше я убеждаюсь, что при всех обстоятельствах была в истории «республика аристократов», члены которой могли понять друг друга, но которой толпа никогда не понимала. Все, что Вы сказали о взаимоотношениях церквей — истина святая. Но ни Карсавины, ни Обсты^[41] этой истины никогда не поймут. В частности, что касается Польши, то никогда не надо забывать, что католичество здесь господствующая и государственная религия. Что для православного (особенно на кресах^[42]) между поляком и католиком до сих пор стоит знак равенства. А потому пропаганда католицизма воспринимается как полонизация, т.е. насилие над национальным лицом. Здесь связь католической церкви с властью вредит, по моему мнению, обеим сторонам. Я часто думаю, что если бы не было Муссолини, и в Италии произошло то, что в России, т.е. католичество подверглось бы гонению, обе церкви объединились бы!

С глубоким уважением жму Вашу руку.

Д.Философов.

Р. S. Вы, конечно, понимаете, почему я поместил небольшое примечание к Вашей речи^[43].

6.

Warszawa, dn. 7e января 1931

Długa 50, Pasaż Simonsa

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович,

О выходе Вашей книги^[44] я узнал из статьи Мацкевича в «Слове»^[45]. С нетерпением ее жду и непременно о ней напишу. Что касается Чапского^[46], то он уехал в Париж и вернется лишь в июне. Я ему перешлю свой экземпляр по прочтении. Для меня Ваш подход к Наполеону III интересен, потому что я воспитан на совсем другой точке зрения.

Прочел сейчас Вашу статью в «Часе»^[47]. Много хотел бы Вам сказать на эту тему, но мне особенно трудно о ней говорить в качестве эмигранта. Могу сказать только одно: главная опасность — это большевики и вовсе не потому только, что их смердящий дух распространяется на всю Европу. Гуманизм и культура в нашем с Вами понимании на долгое время исчезли. Наличие большевиков в Москве приучило и антибольшевиков действовать их методами. Война + коммунизм убили давние гуманитарные навыки на несколько поколений. Из двух зол я выбираю меньшее и смотрю на современные методы политической борьбы исключительно с точки зрения *сui prodest*^[48]. Боюсь, что наш давний гуманизм сейчас с руки большевикам. Другими словами, думаю, что точка зрения Мацкевича правильная, не с точки зрения вечности, а с точки зрения актуальной политики. Мне лично особенно тягостна та взаимная ненависть, которая процветает сейчас среди моих польских друзей. Как эмигранту, мне особенно трудно вмешиваться в эту борьбу, а вместе с тем представители обеих сторон дарят меня своим доверием и жалуются друг на друга. Мне кажется, что молчание в данном случае — золото. Ответом на печальные события должна быть тяжкая созидательная работа по закреплению самого существования Польши. К сожалению, большинство мало сознает опасности, грозящие отовсюду Польше, и ограничивается разговорами в кавярне^[49] и наслаждается интересным зрелищем борьбы боксеров, бывших приятелей, кто кому сделает нокаут: Слонимский Кадену или Сорошевский Стругу^[50]. Я же лично более чем

когда-либо чувствую приближение крайне опасных не только для Польши, но и для всего мира событий.

Всего Вам доброго, глубокоуважаемый профессор

искренно Вас уважающий

Д. Философов.

-
1. 6 (19) января 1912 г., 21 февраля (6 марта) 1914 г., 18 октября 1925 г., 20 ноября предположительно 1926 г., 7 января 1931 г. — F 33-408; 4 мая 1928 г. — F 33-780
 2. Статья Николая Алексеевича Толстого (1867-1938) «Владимир Соловьев — католик» («Русское слово», №192, 21 августа 1910 г.) сообщала о присоединении Соловьева к католической Церкви восточного обряда в 1896 г.; на нее откликнулся Философов в той же газете («Католичество Владимира Соловьева»; №196, 26 августа).
 3. Антоний (Вадковский; 1846-1912) — крупный богослов и историк Церкви, проповедник и церковный дипломат; митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, член Синода, член Государственного совета.
 4. Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) — государственный деятель, правовед, публицист; член Государственного совета, обер-прокурор Синода.
 5. Иван Васильевич Попов (1867-1938) — редактор «Богословского вестника» (1903-1906), автор, помимо названных, книг «Идея обожения в древне-восточной Церкви» (1909; первоначально в виде статьи в журнале «Вопросы философии и психологии») и «Св. Иоанн Златоуст и его враги» (1908).
 6. Вопросы философии и психологии, 1909, кн. I (96), с. 55-92; в московском журнале под редакцией Л.М.Лопатина принимали участие Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков и другие мыслители этого круга.
 7. Магазин Игнатия Лукьяновича Тузова (1851-1916), петербургского книгоиздателя и книгопродавца, преимущественно церковной и религиозной литературы, располагался в Гостином дворе на Садовой линии.
 8. Митрофан Васильевич Лодыженский (1862-1917) в своей книге рассматривал «проявления духовного сверхзнания» в учениях и жизни Иоанна Златоуста, Григория Неокесарийского, Серафима Саровского, Франциска

Ассизского, Игнатия Лойолы, Фомы Кемпийского, святой Терезы, опираясь на сочинения В.С.Соловьева, Н.А.Бердяева, В.Н.Эрна, В.В.Розанова, Д.С.Мережковского; книга могла заинтересовать Здзеховского сопоставлением западной и восточной христианской мистики.

9. Философов путает М.В.Лодыженского с композитором и дипломатом Николаем Николаевичем Лодыженским (1843–1916), со второй половины 1880 х гг. консулом в Черновцах (Австро–Венгрия), затем в других государствах; с 1908 г. в отставке.
10. По мнению чешского политика и философа Томаша Гаррига Масарика (Th. G. Masaryk, *Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie*, Jena, 1913), сочинения названных ниже авторов знаменует переворот в русском богословии.
11. Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) — философ и богослов, автор книг «Уничтожение Господа нашего Иисуса Христа» (1901), «Основы христианства» (т.1–5, 1908–1910), «Предел коллектива» (1912).
12. Виктор Иванович Несмелов (1863–1937) — богослов, профессор Казанской Духовной академии, автор книг «Наука о человеке» (т.І «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни», 1898; т.ІІ «Метафизика жизни и христианское откровение», 1903), «Вера и знание с точки зрения гносеологии» (1913).
13. Павел Яковлевич Светлов (1861–1945) — протоиерей, богослов, профессор Киевского университета.
14. Сергей (Страгородский; 1867–1944) — ректор Петербургской Духовной академии, член Синода, архиепископ Финляндский и Выборгский, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси.
15. Тареев «добросовестно опровергал» социализм в книге «Социализм (Нравственность и хозяйство)» (1913), которая принесла ему известность критика марксизма, трактуемого не только как социально–экономическая теория, но и как религиозно–метафизическое учение, отразившее западноевропейский способ переживания религиозных ценностей, и в статьях в журналах «Христианин» и «Христианская мысль».
16. Ежедневная общественно–политическая и церковная газета, выходившая в Петербурге с 1905 г.
17. Marjan Zdziechowski. *Cziczerein w Warszawie* // *Słowo*, 1925, №220 (934), 27 сент. Газета перепечатала статью Здзеховского, опубликованную в 1922 г. в связи с Генуэзской конференцией и актуализированную поездкой наркома

иностранных дел Г.В.Чичерина через Варшаву на конференцию в Локарно.

18. В статье Здзеховский вспоминал о знакомстве с Чичериным, отмечая его увлечение Словацким и Красинским, рафинированную образованность и типичную прямолинейность русского мышления, ведущую от патриотичной оппозиции правительству к революционности.
19. Писатель Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927), эмигрировав в 1923 г. в Польшу, стал одним из руководителей и постоянных авторов «За Свободу!»; из его письма 31 октября Здзеховскому следует, что перевод статьи он получил с задержкой, но готов использовать ее при случае, который «дал бы основание вернуться к Чичерину» (ОР БВУ, F 33–301); такой случай не представился.
20. Договоры, заключенные на конференции в Локарно в октябре 1925 г. с участием представителей Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии, знаменовали консолидацию европейских стран и подобие единого антисоветского фронта.
21. Л.Д.Троцкий в 1923–1925 гг. выступал по экономическим вопросам, а в 1925 г., отстраненный от руководства армией, стал председателем концессионного комитета, начальником электротехнического управления и председателем научно-технического управления ВСНХ; инженер по профессии Л.Б.Красин, нарком внешней торговли, полпред в Великобритании и Франции, в 1924 г. выдвинулся в члены ЦК ВКП(б).
22. Г.Е.Зиновьев представлялся «активистом» как противник идеи «построения социализма в отдельно взятой стране» и «уступок кулачеству»; на него как председателя Исполкома Коминтерна ложилась ответственность за подрывную деятельность коммунистов в европейских странах; Зиновьева поддерживал сменивший Троцкого в должности председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора М.В.Фрунзе.
23. банкрот (польск.)
24. Здзеховский был ректором в 1925–1927 гг.; возможно, слова Философова — отклик на речь при открытии нового учебного года 10 октября (опубликована в виленской газете «Слово» 13 октября), в которой Здзеховский подчеркивал, что большевизм — губительная для человечества идеология, только по трупам Польши большевики могут проникнуть в Европу, национализм по вредоносности не уступает большевизму, расходясь с христианским учением

и подрывая способность Польши исполнять свою историческую миссию.

25. лагеря (польск.)
26. Отставка Станислава Тугутта, одного из лидеров крестьянской партии ПСЛ «Освобождение», с поста вице-премьера и председателя секции политического комитета совета министров по делам национальных меньшинств весной 1925 г. и назначение министром культов и просвещения Станислава Грабского, политика правых взглядов, известного негативным отношением к национальным меньшинствам.
27. Член Общества Иисуса, титулярный епископ Илионский Мишель Жозеф Бургиньон д'Эрбиньи, автор книги о Владимире Соловьеве (1911), в 1926 г. побывал в СССР с миссией по созданию католической иерархии.
28. Глава автокефальной Польской Православной Церкви митрополит Варшавский и Холмский Дионисий (Валединский; 1876–1960).
29. «К вящей славе Божией» (лат.; девиз ордена иезуитов, что в контексте письма делает крылатое выражение особенно уместным).
30. Варшавский дворец Бельведер был резиденцией начальника (главы) государства Юзефа Пилсудского и президентов.
31. В октябре 1926 г. Пилсудский ввел в правительство знаковые фигуры консерваторов — Александра Мейштовича и Кароля Незабитовского.
32. Казимеж Бартель был премьером после майского переворота 1926 г., затем вице-премьером и министром культов и просвещения в правительстве Пилсудского.
33. ППС, Polska Partia Socjalistyczna — Польская социалистическая партия.
34. бич, бедствие (фр.).
35. прямо, по прямой линии (фр.).
36. последних римлян (фр.).
37. Аврелий Августин, блж. (354—430) — епископ Гиппонский в Африке, один из отцов Церкви.
38. принял сторону варваров (фр.).
39. Речь на торжестве 25-летия епископского служения Феодосия (Феодосьева; 1864–1942).
40. Лев Платонович Карсавин (1882–1952), историк и философ, с 1928 г. профессор Литовского университета в Каунасе, в

сборнике «Россия и латинство» (1923) участия не принимал; пассажи о том, что «большевизм и латинство» суть «соратники и союзники», враги православия и России, упомянутые в речи Здзеховского и возмущившие Философова, содержала вводная статья идеолога евразийства Петра Николаевича Савицкого (1895–1968).

41. Ян Обст (1876–1954) — виленский историк и публицист с репутацией шовиниста, редактор газеты «Дзенник виленский».
42. окраины, пограничные области (польск.) — традиционное обозначение восточных территорий Речи Посполитой.
43. В редакционной приписке выражалась благодарность Здзеховскому «за любезное разрешение воспользоваться оригинальным текстом его замечательной речи», но отмечалось расхождение в оценке роли Австро–Венгрии, уничтоженной, по словам Здзеховского, «к несчастью Европы и человечества», см.: Речь проф. М.Э.Здзеховского в день юбилея архиеп. Феодосия в Вильне 27 апреля // За Свободу!, 1928, №104 (2436), 6 мая.
44. «Наполеон III. Очерки из истории его жизни и работы» (Краков, 1931).
45. Редактор виленской газеты «Слово» Станислав Мацкевич (известный под псевдонимом Цат; 1896–1966) не согласился с высокими оценками Наполеона III, вытекавшими, по его мнению, из той же политической близорукости, из-за которой Здзеховский выступил инициатором коллективного письма профессоров УСБ в поддержку выступления профессоров Ягеллонского университета, протестовавших против жестокого обращения с заключенными в Брестской крепости лидерами оппозиции, см.: Cat. Od Napoleona III do Brześcia Litewskiego // Słowo, 1930, №296 (2506), 28 дек.
46. Юзеф Чапский (1896–1993) — художник, критик, публицист, знакомый Философова еще по Петрограду.
47. Краковская газета; Здзеховский полемизировал со статьями Мацкевича «Тайны Бреста» (Cat. Tajemnice Brześcia // Słowo, 1930, №282 (2492), 7 дек.) и «От Наполеона III до Бреста Литовского», настаивая на том, что падение нравов и правовой нигилизм ослабляют окруженное опасными врагами польское государство, см.: Marjan Zdziechowski. O poczucie prawa // Czas, 1931, №4, 6 дек. «Поучительную для нас, русских, полемику», продолжившуюся в газете «Слово», Философов представил с обширными выписками из статей Мацкевича и

Здзеховского в своей газете, см.: Д.В.Философов. Интересная полемика // За Свободу!, 1931, №16 (3350), 18 января.

48. кому выгодно (лат.).

49. кофейня (польск.).

50. Имеется в виду полемика писателей Антония Слонимского, Юлиуша Кадена-Бандровского, Вацлава Серошевского, Анджея Струга по поводу обращения с лидерами оппозиции в Брестской крепости.

ЗДЗЕХОВСКИЙ — ФИЛОСОФОВУ

Похоже, сохранилось только одно письмо Мариана Здзеховского Дмитрию Философову. Оно касается речи «Из истории польско-русских отношений сразу после войны», прочитанной Здзеховским 20 июня 1936 г. на ежегодном пленарном заседании Общества друзей наук в Вильне, а затем опубликованной в «Пшеглёнде вспулчесном» («Современном обозрении», 1936, №8). Речь вошла также в изданную посмертно книгу «Призрак будущего. Историко-публицистические очерки» («Widmo przyszłości. Szkice historyczno-publicystyczne». Wilno, 1939).

К письму приложена рукопись большого отрывка из лекции. В этом отрывке говорится о публичном выступлении Д.С.Мережковского в Вильне в январе 1920 г., когда он «перед лицом переполненного зала высказался за сохранение восточных границ Польши, существовавших до разделов». Далее идет пассаж, который Здзеховский просил Философова «подвергнуть цензуре»:

«— Мог ли Мережковский, — спросил я на следующий день Философова, — и мог ли бы любой другой русский произнести такие слова искренне? — Допустим, — отвечал Философов, — что моя мать тяжело, безнадежно заболела и что, хватаясь за последнюю щепку спасения, я решил призвать замечательного, но дорогого врача, — буду ли я торговаться с ним из-за гонорара?»

Философов «подверг цензуре» этот текст, его имя было заменено ссылкой на «одного из моих русских друзей».

Письмо Здзеховского находится во владении Божены Микуловской, которая вместе со своим покойным мужем Станиславом получила в наследство небольшую часть архива Д.Философова, сохраненную Зофьей Добровольской. В ее санатории в Отвоцке Философов провел последние годы своей жизни.

Печатаю письмо, сохраняю все языковые особенности оригинала.

Петр Мицнер

[Wilno] 8/VI [1936]

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович

От J. Чапского и из «Меча» я узнал, что Ваше здоровье, слава Богу, значительно поправилось. Поэтому позволяю себе подвергнуть Вашей цензуре окончание моей статьи «Почему Пилсудский не помог Деникину», которую прежде чем напечатать, произнесу в виде речи на годичном Собрании Виленского Общ ва Przyjaciół Nauk 20 июня.

В прилагаемом отрывке я привожу Ваши слова. Разрешите ли Вы назвать Ваше имя? Если нет, то пусть будет «один из моих русских друзей».

Пилсудский жестоко ошибся, по моему не решившись своевременно помочь Деникину. Этот мой взгляд я и проведу в статье, конечно à mots couverts

. Это будет первый у нас опыт критического отношения к Пилсудскому, поэтому опасаясь, что не найду журнала который решится поместить статью.

Не трудитесь отвечать, а передайте Ваше мнение Чапскому для сообщения мне.

Крепко жму Вашу руку

искренно преданный

M. Zdziechowski

МЕНТАЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Споры о Катыни и «Катыни» с российской и польской стороны ведутся в принципиально различных дискурсах. Тот, кто исходит из воинственно-коллективистского «мы», и тот, кто опирается на гордо-индивидуальное «я», возможно, никогда не смогут услышать друг друга.

Премьерные показы фильма Анджея Вайды «Катынь» в Москве сравнивают с некогда не менее громким успехом «Покаяния» Тенгиза Абуладзе. Однако в развернувшихся с новой силой спорах о подлинности событий почти семидесятилетней давности, о том «надо или не надо» пускать фильм в широкий прокат, в очередной раз упускается главное. Фильм Вайды даёт возможность понять суть проблемы — так, как она видится целому поколению поляков, переживших трагедию II Мировой войны. Без этого понимания невозможны сегодня ни нормальный российско-польский диалог, ни общественное умиротворение в самой России.

Выступая перед московскими зрителями в Доме кино, Вайда выглядел как старый приятель, оказавшийся в давно и хорошо знакомой компании. Кто-то потом всё равно расслышал в его спокойном и дружелюбном тоне обвинительные нотки. Что ж, обвинять он вправе: в Катыни погиб его отец. Любой, кто хотя бы отчасти не лишён совести, не сможет с этим не согласиться. Однако великий режиссёр просил у своих зрителей совсем другого. Не сочувствия — на что душа русского интеллигента всегда готова с избытком. Не очередной рефлексии на извечные русские вопросы. Нет. Именно понимания! И задача эта куда сложнее для нашего русского ума, пусть даже и считающего себя просвещённым.

До падения коммунистического режима в 1989 г. катынской проблемы не существовало в самой Польше, по крайней мере в официальной пропаганде властей. Это была история, передававшаяся из уст в уста, в негромком разговоре за семейным столом, от старших родственников к младшим. Сейчас же, когда публичные споры о Катыни, казалось бы, в самом разгаре, уходит поколение людей, помнящих трагедию — те, кто её непосредственно переживал. Память неизбежно начинает стираться. Так возникла идея снять первый

художественный фильм о катынской истории — такой, как её запомнили очевидцы II Мировой войны.

Сам Вайда говорит, что «Катынь» адресована прежде всего молодому поколению поляков. Проблема понимания здесь тоже на первом месте: у тех, кому сейчас двадцать, иной язык общения, иное восприятие действительности. Для работы над сценарием пришлось пригласить популярных молодых польских авторов, которые придумывали диалоги и сцены, способные привлечь внимание поколения правнуков расстрелянных польских офицеров. Однако обращённая к молодёжи «Катынь», конечно же, по жанру не может быть молодёжным фильмом. Скорее это тот случай, когда умудрённый опытом учитель пытается рассказать о своём тяжёлом знании, «памятуя, что его сердце когда-то было молодым». Режиссер рад возможности снять именно такой фильм на склоне лет и называет «Катынь» началом подведения итогов жизни. Это исповедь, если угодно.

Выступая перед разными аудиториями в Москве, Вайда постоянно пытался избавиться от невольно возникающей роли обвинителя. Оправдать палачей собственного отца!? В этом, кстати, режиссёра активно обвиняют современные польские ура-патриоты, активно провоцирующие взаимное отчуждение «с Востоком». Вряд ли его слова, обращённые к российской аудитории, — лишь дань вежливости принимающей стороне. Тем более речь не идёт о пресловутой европейской политкорректности. Просто Анджей Вайда с 50-х годов прошлого века знает своих друзей в Москве и Питере, и с тех ещё пор научился «отделять русское общество от сталинизма». Он в сотый раз готов посочувствовать тому, как «трудно сознаваться великой державе» в содеянном преступлении. Но он не может не говорить правды. Правды, необходимой ему лично, вопреки «общественно-полезной» лжи «патриотов» со всех возможных сторон.

Тем временем журналисты в задаваемых вопросах всё время сосредотачивали внимание на возможном негативном восприятии картины российским обществом и в особенности властями. Дескать, у нас тут «Россия поднимается с колен» — не время для таких тем. Но мудрый Вайда их как будто бы не слышал. Он снова и снова говорил, что не ждёт единомыслия по поводу своего фильма в России — его ведь и на родине нет. И снова: «„Катынь“ не о политике, но о семье». Не показывается в широком российском прокате не потому, что «запретили», о чём поспешили сказать многие — как те, кто «за», так и те, кто «против». Просто фильм только-только выходит в мировой

прокат, и польское телевидение, которому принадлежат права на его показ, пока даже не подготовило соответствующие договоры.

Судя по всему, Вайда хорошо знал особенности аудитории, перед которой ему предстояло выступить. «Все были плохими, можно так сказать», — этим неожиданным для кого-то заключением он ответил на предполагаемый вопрос: «Кто виноват?». «Фильм не направлен против того пути, на который вступила сейчас Россия. Прошлое необходимо оставить истории», — а это уже о том, «что делать». Однако, судя по большинству откликов, прозвучавших после московской премьеры «Катыни», главный «мессидж» автора, как теперь принято говорить, с российской стороны услышан всё-таки не был. Наша внутренняя дискуссия, увы, оказалась достаточно предсказуемой.

И именно в традиционном споре российских «патриотов» и «демократов», с новой силой разгоревшемся и вокруг «Катыни», в значительной степени проявился тот водораздел, который по-прежнему существует между Россией и европейской христианской цивилизацией. Если угодно, тот ментальный камень преткновения, о который мы всегда будем спотыкаться, двигаясь восточнее то ли Бреста, то ли Смоленска. В отношении катынской трагедии для Москвы принципиально авторство: «причастны — не причастны», «немцы или мы», «Сталин или весь народ». И последствия: «как теперь жить», «нужно покаяться», «нет, не будем, сколько можно», «мы всё равно должны гордиться своей историей», «очередной удар по национальному самосознанию» и т.д., и т.п. Очевидно, что разговор в подобном дискурсе давно доказал свою контрпродуктивность.

Совершенно иначе ситуация представляется, если взглянуть на неё не с позиции «великой державы», поменяв местоимение «мы» на «я». С позиции человека, который знает, что смертен, а потому слаб. Который есть творение Божье, а потому личность и душа его самоценны. Этого человека просто-напросто интересует, где похоронен убитый отец, как его найти, чтобы поклониться могиле. **Таким образом, вопрос о Катыни — это вопрос о том, какую дату смерти близкого человека писать на гробовой доске.** Да, для христианина эта проблема всегда важнее любой большой политики. И это не «панский гонор», как может показаться кому-то, а взгляд на мир человека, истово верящего в Бога и следующего Его заповедям. Потому что если Бог один, то и биография, как говорит кто-то из героев фильма Вайды, у человека тоже одна.

Для поляков трагедия Катыни не только и не столько в её социальных последствиях: двенадцать тысяч расстрелянных кадровых военных и призванных на фронт инженеров, юристов, учителей, врачей составляли цвет польской интеллигенции. Сегодня, после того как президенты Горбачёв и Ельцин на официальном уровне передали Варшаве документы, подтверждающие причастность сталинского руководства к массовым убийствам в Катыни, для тысяч семей в Польше важнее всего получить документы с информацией о своих погибших родственниках. Об этом желании говорил и Вайда: вызволить из застенков НКВД не отца, так хотя бы папку с его личным делом. Время уходит беспощадно, и до конца жизни нужно отдать последний долг тому, чья ты плоть от плоти. Потом может быть уже поздно.

В фильме немало деталей, сцен и фраз, которые могут претендовать на то, чтобы стать крылатыми. Многие из них весьма актуальны для сегодняшней российской действительности. Жена профессора спрашивает, есть ли учёная степень доктора у немецкого офицера, поставленного командовать Краковским университетом. Последующая сцена ареста нацистами польской профессуры «с козлиными бородёнками и куцыми головёшками» могла бы стать сладким сном некоторых российских новоявленных первых учеников «суверенной демократии». А погибшая надежда директора школы: «Свободной Польши не будет никогда»? И тут же рассуждения, что свободу строить нужно внутри себя — «столько, сколько получится». Воистину великое искусство всегда шире любого контекста.

Мотив борьбы христианства с неоязычеством XX века (будь то сталинский коммунизм или гитлеровский нацизм) проходит через весь фильм. Безликой и бесчеловечной машине истребления противостоят самые обыкновенные люди. С Богом в душе и молитвой на устах. В этом смысле очень показательна сцена встречи Рождества в Оптиной пустыни под Козельском, разоренной и превращенной большевиками в концлагерь, куда поместили часть пленных польских офицеров. Ночное рождественское пение на мгновение словно преображает храм, превращенный в тюрьму, дает надежду на свободу — если не здесь и сейчас, то в вечности, безусловно.

Однако самый главный вайдовский монолог звучит в финале. Шокирующая сцена расстрела не выглядит апокалипсисом, не есть абсолютное торжество стремящегося остаться анонимным зла. Кровавая бойня сопровождается молитвой. Прежде чем предстать перед Богом, польские офицеры читают «Отче наш».

Каждый по строчке, и каждую строку прерывает пуля в затылок навывлет. Но вместе, подобно речитативу какого-нибудь молодёжного рэпа, они молятся. За себя, за своих жён, за детей, за матерей. За своих палачей. И несломленная рука с крестиком в засыпаемой бульдозером братской могиле не оставляет сомнения в том, кто же победит в конечном итоге.

Сергей Круглов

* * *

неподкованный сапог! не подлее ль
честной стали грохочущей на марше
сентябрьскими мостовыми
мягкие неслышные
шаги на теплых сонных
лестницах
сжалось чрево домов
(предвкушение: очкуешь падла)
ныне вот — два сапога пара
особенно правый
Пресвятая Богородице! зря ли
в облике Черной Мадонны Ты прошла по России
зря ли зрили
полуночную премьеру «Катыни» Вайды
сами виноваты — лень вовремя было
выключать рекламу
да и прайм-тайм был предусмотрительно занят
сентябрь что-то опадает
пора хруста время
сапог сапог

2 сент. 2008

Сергей Геннадьевич Круглов — священник, с 1998 г. служит в Спасском соборе Минусинска Красноярского края. Печатается в бумажных и электронных изданиях. Автор сборников стихов «Снятие змия со креста» (М., НЛО, 2003), «Зеркальце» (М., Аргориск — Книжное обозрение, 2007) и «Переписчик» (М., НЛО, 2008).

ДЕТИ НА УРАЛЕ

И
б
е
л
ы
й
о
р
е
л

в
к
о
р
о
л
е
в
с
к
о
й
к
о
р
о
н
е
,

и
б
е
л
а
я
т
у
н
д
р

a

,

и

Б

е

л

о

е

м

о

р

е

,

и

б

е

л

ы

й

п

о

з

о

с

т

б

е

з

к

р

е

с

т

а

и

л

а

м

п

а

д

ы

,

и
б
е
л
ы
с
т
р
а
н
и
ц
ы

н
е
с
к
а
з
а
н
н
о
й
п
р
а
в
д
ы

,

и
о
б
е
л
е
н
ы

д
о
с
и
х

п
о
р
п
р
е
с
т
у
п
л
е
н
ь
я
,

и
б
е
л
о
й
б
е
с
с
о
н
н
и
ц
ы

б
е
л
о
т
е
р
п
е
н
ь
е
.

Jan
Krzysztof
Kelus.
«Piosen
ka o
rzeczach
białych»

(пер. Н. Горбаневской).

1944-й год. В СССР около 60 польских детских домов. Но появились они еще в 1941 году. Теперь мы знаем, откуда в российской глубинке было такое множество польских детей-сирот, что возникла необходимость создать для них специальные детские дома. Из полутора миллионов поляков, депортированных в 1940-1941 гг. из восточных районов Польши в глубь СССР, 30% составляли дети. Депортировали целыми семьями. Множество детей погибли в дороге, не вынесли ужасных условий в местах ссылки. Смертность среди детей и молодежи была столь велика, что с 1942 г. с разрешения советского правительства началась их эвакуация из СССР. Вывозили в Индию, в Иран (с армией Андерса), затем в британские колонии в Африке — в Уганду, Танганьiku, Родезию, Кению; в Палестину, Египет, Мексику, Новую Зеландию (в Новой Зеландии были созданы такие замечательные условия, что после окончания войны все попавшие туда дети остались там навсегда).

Но эвакуирована была лишь малая часть. Основная масса оставалась в СССР. (В 2006 г. в издательстве «МИК» вышла книга Збигнева Домино «Польская Сибиряда», по-польски изданная в Варшаве в 2001 году. Это потрясающая документальная повесть-воспоминания о депортации польских семей, о страшной жизни в Сибири, о тех мучениях и потерях, которыми эта жизнь сопровождалась. И о мужестве и человечности, которые не оставляют людей даже в самые трагические периоды их жизни). Умирали родители, и дети выживали, как могли: беспризорничали, воровали, пускались в бег. Некоторые попадали в русские детские дома, где становились советскими гражданами. Других передавали в польские семьи, которые сами едва сводили концы с концами. Но в них они могли как-то сохранить польские традиции и язык. С 1943 г. по инициативе Союза польских патриотов и с согласия советских властей началось создание польских детских домов в СССР.

Один из них — в маленьком поселке Монетное в Свердловской области. Именно о нем рассказывает вышедшая в 2006 г. в

Екатеринбурге книга его директора Александра Левина «Польский дом на Урале» («Dom na Uralu», Warszawa, 1987). Педагог и ученый, начинавший свою педагогическую деятельность в 1937–1939 гг. в варшавском Доме сирот Януша Корчака, в 1940 м тоже был выселен на Урал как «западник». Сначала работал лесорубом на Чусовой, в 1943 г. устроился в хороший русский детский дом воспитателем. Став в августе 1944 г. директором польского детского дома в Монетном, Левин ездил по всей Свердловской области, отыскивая осиротевших польских детей. Одновременно занимался обустройством дома, в который дети должны были приехать, — дома запущенного, совершенно непригодного для жилья, где полностью отсутствовали элементарные бытовые удобства, мебель, одежда и прочее. Кроме того, перед ним стояла сложнейшая проблема подбора персонала, способного не просто обучать и воспитывать этих детей, но делать это на их родном языке, прививать (скорее — напоминать, восстанавливать утраченное) польские традиции. Всё это — за один-два месяца. И он с этим справился.

Не стоит пересказывать книгу. Еще работая с Корчаком, Левин привык вести подробные записи о жизни своих воспитанников, о возникавших проблемах и их разрешении. В детском доме в Монетном директор совместно с детьми вел хронику событий, издавал «Еженедельную газету», собирал официальные документы и делал личные заметки. Не оставил он этой работы и после репатриации детского дома в Польшу в 1946 году. Жизнь в Монетном, сорок лет жизни его обитателей в Польше, воспоминания монетинцев — вот что послужило основой для написания этой документальной повести. В русском издании были внесены значительные дополнения; в русском варианте появились новые части — «Такое им выпало детство» (воспоминания, не вошедшие в польское издание книги в ПНР и опубликованные в польской периодике уже в 1989 м) и краткий, но очень емкий и содержательный исторический очерк «Память, скованная кандалами», написанный Чеславой Петрушко, переводчиком и публицистом. Потому что вещи, известные и понятные полякам, не всегда известны и понятны российскому читателю.

Надо сказать, что, пока читаешь эту книгу, впечатления и промежуточные выводы меняются. Читаешь записи Левина, суховатые, скорее похожие на методичку или годовой педагогический отчет, и создается впечатление жизни детского коллектива со всеми ограничениями, дисциплинарными строгостями и «коммунными»

привычками наших детских домов или пионерских лагерей (кстати, Левин был последователем не только Корчака, но и Макаренко). В некотором смысле это даже отталкивает, жалеешь этих детей... А потом читаешь детские воспоминания и видишь: то, что мы принимали за насилие над личностью ребенка, сами дети воспринимали совсем иначе. Они попали в этот детский дом из такого ада, из такой потерянности и неустроенности, что для них эта размеренность, регулярность жизни олицетворяла покой и надежность, возврат в мир ребенка, где есть взрослые, готовые защитить, решить трудные проблемы; где есть хоть какая-то уверенность в том, что будет завтра, через неделю, через год. Все — и взрослые, и дети — знали, что они вот-вот вернутся в Польшу (обязательно вернутся). А для этого надо учиться, надо приобретать простые житейские и трудовые навыки, надо любить друг друга и держаться друг за друга. При том, что детский дом был окружен прекрасными людьми, жителями Монетного и окрестностей. Возникла искренняя дружба, привязанности, взаимопомощь. Многие десятилетия в Польше существует неофициальное братство Монетинцев, проходят их съезды. А в Монетном, в музее местной школы, есть специальный раздел экспозиции, где рассказывается о польском детском доме.

Не все дети, попавшие в детский дом, были полными сиротами. У некоторых был кто-то из родителей, но они совершенно не могли содержать детей и предпочитали отдать их на время в детский дом (часто и для того, чтобы упростить впоследствии их репатриацию); у многих матери умерли, а отцы ушли в польскую армию, и с ними была потеряна связь. У некоторых родители были арестованы и находились в лагерях. Последним труднее всего пришлось, когда в 1945–1946 гг. дело дошло до возвращения на родину.

В очерке «Память, скованная кандалами» описаны изуверские условия, которые советская власть поставила репатриантам. Дети-сироты старше 14 лет обязаны были дать письменное согласие на изменение гражданства (!) и добровольный отъезд в Польшу. Если родители были живы и уже репатриировались, требовалось их письменное согласие. Список репатрируемых детей заверялся местными властями. Дети, которым не исполнилось 14 лет и чьи родители находились в местах заключения, в лагерях, не имели права выехать вместе с польским детским домом, а должны были остаться в советском детском доме до выяснения судьбы родителей. Кроме того, дети должны были подтвердить свою национальность (особенно это касалось украинцев и белорусов, которых не хотели признать поляками). Из 300 тысяч депортированных детей в Польшу

вернулась малая часть — несколько десятков тысяч. Остались беспризорники, сироты, попавшие в советские детские дома и там ассимилировавшиеся; сироты, которые не смогли документально подтвердить свою национальность; дети, чьи родители были в заключении; дети, которые были усыновлены, что сопровождалось выдачей новых свидетельств о рождении; дети, родившиеся в лагерях и отнятые у матерей; дети и молодежь, которые попали в колонии для несовершеннолетних; дети, которые остались с родителями, не получившими разрешения на репатриацию. А почему граждане Польши должны были давать письменное согласие на возвращение своего исконного гражданства? Почему должны были подтверждать свое подданство или получать согласие родителей на воссоединение? Как вообще эти дети оказались в чужой стране, которая уничтожила их семьи, сделала их сиротами, а многих навсегда лишила родины? Эти и многие другие подобные вопросы мучительны для читателя, особенно российского. Но они возникают при чтении этой книги. И они очень важны (жаль, что они не возникали у тех, кто депортировал тысячи людей из их родных мест, а потом всячески затруднял им возвращение).

К сожалению, сам Александр Левин немного не дожил до выхода в свет этой книги. Он скончался в Варшаве 24 августа 2002 г. на 87-м году жизни. Издание осуществилось благодаря финансовой поддержке фонда «Помощь полякам на востоке», при содействии Конгресса поляков в России и польского общества «Полярос» (Екатеринбург).

О.Б.

ШАГАЯ БЕЗ УСТАЛИ ВПЕРЕД, Я ПОЗНАЛ КОРОТКИЕ МГНОВЕНИЯ ПРЕКРАСНОГО

Ровно пятнадцать лет назад, летом 1993 г., двое молодых художников — Катажина Козыра и Павел Альтхаммер — защитили дипломные работы на факультете скульптуры варшавской Академии художеств. Альтхаммер (1967 г.р.) представил тогда диптих: натуралистический автопортрет, слепленный из травы, волокон конопли, кишок животных, воска и собственных волос («Автопортрет»), а также видеофильм, в котором он показал, как покидает здание Академии художеств, едет на автобусе на окраину города, раздевается и исчезает в зеленой чаще леса («Без названия»).

Эта инсталляция, в некотором смысле классическая, не могла рассчитывать — да и не дождалась этого — на столь же широкий прием, какого был удостоен диплом Козыры — славная (или пресловутая) «Пирамида животных». Яростные дебаты, прокатившиеся по СМИ, не только разделили интеллигентские круги на два полярных лагеря (неприятие или одобрение работы Козыры означало принадлежность к определенному идейному лагерю), но и, прежде всего, надолго изменили существовавшее в обществе представление об искусстве и о художнике. Очередной подобный шок вызвала лишь «Страсть» (2001) Дороты Незнальской. Можно считать, что эти две работы определили временные рамки периода, когда царило так называемое критическое искусство.

Однако творчество Альтхаммера, спокойное, с преобладанием простых, не вызывающих жестов, оказалось полной противоположностью возникшему художественному скандалу и изначально не вписывалось в динамику польского искусства того времени. Оставаясь в тени критического искусства, Альтхаммер стал почти герметичным автором: в 90-е годы он выставлялся преимущественно в галереях, не входящих в число главных художественных центров (в Бялой-Подляске, Тешине, Бытоме, Быдгоще, Белостоке). Завоевывает он и все более широкое признание за рубежом Польши. Переломным стал 1997 год: он ознаменовался большой выставкой в Кунстхалле в Базеле, а также участием в юбилейной, 10-й

выставке, которая проводится раз в пять лет в Касселе (Германия). В дальнейшем Альтхамер упрочил свой статус художника мирового уровня, выставляя свои экспозиции в таких музеях и галереях, как Чикагский музей современного искусства, венский «Сецессион», цюрихский музей изобразительного и прикладного искусства «Мигрос», утрехтский БАК, нью-йоркская «Неправильная галерея». Блестящая полоса удач увенчалась присуждением художнику премии им. Винсента Ван Гога (100 тыс. евро). Сопровождавшая это событие выставка была перенесена в 2005 г. в варшавскую галерею «Захента» (вернисаж ее состоялся в маастрихтском художественном музее «Боннефантен»).

Однако даже показа в «Захенте» было недостаточно, чтобы наверстать упущенное. Досадно не только то, что польская публика не увидела новых инсталляций польского художника (хотя и это тоже важно), но и, прежде всего, то, что вне ее внимания оказался их фон — оригинальная философия, которая придает искусству Альтхамера совершенно особое качество. Вследствие этого в общественном сознании Альтхамер по-прежнему функционирует как эксцентрик с неумейной жадой приносить пользу обществу.

В отличие от особо ангажированных художников его творчество вызывало интерес довольно эпизодически: главным образом, когда он конструировал акции, без труда поддававшиеся пересказу с помощью популярной риторики соучастия или общественной ангажированности (как это было, скажем, с нашумевшим «Брудно-2000»). СМИ подхватывали идеи его перформансов, которые можно было представить как экстравагантные, но кто знает, имели ли они вообще отношение к искусству: как, скажем, когда Альтхамер поселился в домике на дереве в центре города («Домик на дереве», 2001) или когда он превратил один из залов галереи «Захента» в оазис, где жарким летом любой человек мог отдохнуть с ребенком («Лето в городе», 1998). А между тем основа творчества Альтхамера — размышление над духовностью в самом широком смысле слова: он делает попытку сначала испытать духовность, а затем поделиться этим со зрителем. Духовностью в ее прямом смысле — не ее критикой или иронической деконструкцией, согласующейся с некоей интеллектуальной модой. У Альтхамера, как бы банально это ни звучало, истоки искусства лежат в глубинных переживаниях, художник и произведение тут связаны неразрывно. И, пожалуй, знаменательно, что СМИ, склонные поспешно навешивать ярлыки, безболезненно переварили

эксцессы, зато сломали зубы на творчестве тонком, с невероятным количеством нюансов.

Результат не заставил себя ждать. Петр Сажинский в статье «Искусство из Брудно и из космоса» («Политика», 2006, №36/2570), констатировал, что в Польше Альтхамер, несмотря на огромную популярность на Западе, все еще остается художником непознанным: «В рейтингах художников на родине он занимает далеко не первые места. В списке „молодых талантов” („Арт&Бизнес”, 2004), составленном критиками и кураторами искусства, он оказался на седьмом месте, в частности после Мартина Мацеевского, Юлиты Вуйчик (женщины, которая чистит картошку в „Захенте”), Паулины Оловской. А в списке „самых креативных” („Жечпосполита”, 2003) ему досталось лишь 14-е место».

Откуда взялась такая забота о художественном рейтинге Павла Альтхамера? А как обычно: импульсом опять-таки послужил успех соотечественника за рубежом. Ибо Альтхамеру, первому поляку за тридцать лет, предложили персональную выставку в парижском Центре Помпиду (13 сентября — 27 октября 2006).

Я убежден, что был духом

Чтобы вполне понять значение нынешней деятельности Павла Альтхамера, нам следует вернуться к временам учебы художника на факультете скульптуры варшавской Академии художеств, то есть к периоду 1988–1993 гг.

Инсталляции, предвосхищавшие зрелое творчество Альтхамера, создавались в мастерской, которой руководил проф. Гжегож Ковальский. Основу педагогического метода Ковальского составляла авторская программа, которая нашла отражение в лозунге «Пространство общее и пространство личное». Напомним ее основные принципы:

«1. В „Пространстве общем и личном” находимся мы все, студенты и педагоги, имея равные права участников. Каждый обладает своим определенным личным пространством и доступом к тому пространству, которое является полем совместной деятельности (...) 2. Мы исходим из того, что слов нам не нужно, а будем мы — выражаясь в самом общем смысле, — использовать сигналы, знаки, жесты, набор которых будет зависеть от ситуации. (...) 3. Цель задания (...) — активное участие в процессе общения без использования вербального языка. 4. Сам ход процесса непредсказуем, он зависит от изобретательности участников (...). Договоримся лишь об одном: участники отказываются от деструктивных действий».

Перефразируя можно сказать, что Альтхамер использовал понятие «личное пространство» чересчур дословно, ибо выстроил структуру художественного самосознания, основываясь на духовной эксплуатации собственной персоны. В его ранних инсталляциях тело представляется в виде вынужденного и весьма несовершенного средства для перемещения в пространстве вечного, бессмертного духа. Художник дает нам понять, что существо под названием «Павел Альтхамер» — это чужой, со своей предопределенностью, духовной и физической, пришелец, который по неведомым причинам забрел в день сегодняшний. В беседе с Артуром Жмиевским он говорил: «Знание о том, что в теле живет душа, функционирует испокон веков. Оно [тело] выполняет роль одежды, адреса. Мой телесный адрес — это Павел Альтхамер».

Вдохновленный путешествием в Африку (он побывал там еще во время учебы, в 1991 г.) Альтхамер старался достраивать несовместимость тела и духа с помощью приемов с грани медитации и ритуалов африканских племен. Однако ошибочно было бы думать, что это наивный апофеоз «дикого» мистицизма в стиле «New Age». Наоборот, приобретенный на африканском континенте опыт стал чем-то вполне реальным лишь после того, как был перенесен на польскую почву. Не менее священными, чем бескрайние степные просторы, Альтхамер быстро признал огромные варшавские кварталы блочных домов. В упомянутой выше беседе он заявлял: «Только после того как я там, в Африке, уже побывал, оказалось, что и здесь можно, никуда не уезжая, ощущать и переживать то, по чему я так тоскую. Выезжая в Африку, я предчувствовал, что это за пространство. Особенно потому, что так много людей едет туда, сбегая от цивилизации, в поисках экзотики. Под экзотикой я понимаю именно интенсивность, специфическое воздействие географического пространства, континента. Но там я понял, что это место находится здесь, где я живу, в [варшавском районе] Брудно».

Во время тренингов, предложенных Ковальским, Альтхамер инсценировал различные ситуации, в которых он изолировал себя от внешних, абсорбирующих чувства стимулов. Выполняя задание «Да здравствует свобода!» («Vive la liberté!», 1990), он поставил в мастерской индейский вигвам — в данном случае сооружение почти сакральное, что-то вроде монастыря и храма одновременно, то есть место как духовной сосредоточенности, так и физической изоляции; это было также некое двусмысленное представление понятия «личное пространство». Во время акции «Вода, время, пространство»

(1991) он на несколько часов закрылся в пластиковом мешке, медленно заполняемом холодной водой. Погруженный в аморфный кокон, он как бы повторял пренатальную фазу человеческого развития. Вода удерживала тело в инертном состоянии и постепенно притупляла чувствительность всех рецепторов одного за другим. Альтхамер потерял чувствительность, однако мобилизовал те участки мозга, которые, как правило, пассивны. Подобный эксперимент он провел также на пленэре в Длужеке, где посреди заснеженного поля сидел без движения в плотно застегнутом, заглушавшем внешние стимулы комбинезоне (1991). «Искусство рождается из ностальгии по тому времени, когда люди были существами без физического горизонта, а присутствие других существ обозначалось притоком тепла или холода, тишиной и шумом», — так сказал художник несколько лет спустя.

Еще одной акцией, которую стоит отметить, был перформанс «Кардинал» (1991), в процессе которого художник сидел обнаженным в жестяной ванне, заполненной папье-маше и горячей водой, покуривая при этом самокрутку с марихуаной. Фон создавала тихо звучащая сакральная музыка, в том числе та, что не входит в нашу культурную среду. В «Кардинале» — подчеркнем, что это была студенческая работа, — сплелись самые важные для творчества Альтхамера сюжеты: отчуждение от остального общества (в данном случае в микромасштабе: отчуждение от мастерской), существование вне, эксперименты с собственной психикой, в том числе с помощью одурманивающих средств, стремление к первобытному, глубокому переживанию действительности. Олицетворением этих сюжетов может служить образ современного шамана, проводника в мир чудесный, большинством людей не замечаемый. Как мы сейчас увидим, духовный опыт со временем перерос почти в религиозный экстаз. «Транс — вот самый эффектный способ пережить контакт, почувствовать полную гармонию с этим миром», — говорил Альтхамер в 1993 году.

Хрупкость человеческого тела, его «свойство изнашиваться» подчеркивается также веризмом фигуративных скульптур Альтхамера. Это фигуры, выполненные из природных материалов: конопли, соломы, травы, воска, а также сухожилий, кишок и шкуры животных. Эти скульптуры «изнашиваются», как на протяжении жизни «изнашивается» человек. Это лишь хрупкие скорлупки — *инструменты души*. Из своей скорлупки Альтхамер символически вышел, закончив учебу в Академии. Тогда-то, оставив экзаменационной комиссии свой «Автопортрет» и фильм с сюжетом о том, как

он покидает стены Академии (на защите присутствовала только жена художника), Альтхамер вырвался из тисков культуры прямо на лоно природы. Однако бегство Альтхамера из здания Академии можно понимать и как выход из «личного пространства» в «пространство общее», как бегство из институционального храма искусства в земную действительность, замыкающуюся небесным сводом. Как символическое сбрасывание кожи, освобождение чувств и жест открытости миру.

В прозаических действиях заключена великая сила

Искусство Альтхамера — это непрерывная эйфорическая апология бытия, громкое воспевание обыденности, гимн творению. Художник убежден, что натура — это не только природа, это весь доступный нам универсум существ, предметов, отношений, ситуаций и опыта. Поэтому равно прекрасны покрытый цветами луг и бетонная «брудненская нирвана». «Лишь бы жизнь моя до конца была прозаической, — заявляет художник. — Великолепно! Какая чудесная обыденность! Это необыкновенно!»

Первой инсталляцией, которая должна была заставить «зрителя увидеть нечто заново», стал проект, подготовленный для биеннале «Сансбик» в Арнеме (1993). Альтхамер установил в городском парке несколько скамеек, которых прежде там не было. «Сидя тогда в парке, я видел его таким, какой он сейчас... он казался мне великолепным», — признался он Артуру Жмиевскому. Спустя три года в Бялой-Подляске художник выставил обычные предметы, приклеенные скотчем к скамейке: крышки от бутылок, зажигалку, банановую кожуру, бумажные обертки, бутылки, шнурок, палку (Галерея BWA, «Парк искусства», 1996). Мусор? Отходы, недостойные называться артефактом? Нет, экстатически прекрасные объекты. «Ибо само то, что они существуют, делает их прекрасными. Если бы одобрение заключалось в открытии предметов заново: что они есть и что есть я, который их видит, — то красота понималась бы уже сама по себе». В подобной поэтике была выдержана выставка в варшавской «Галерее AP», открытой в уже несуществующем кинотеатре «Радуга» («Брудно», 1997). Альтхамер выставил там объекты, которые очаровали его во время прогулок по жилому кварталу: бетонную чашу для цветов, эрратический валун, раскрашенный под мухомор, а также застывшую смолу. Интерьер галереи напоминал лестничную клетку: тут были и доска объявлений, и цветочные горшки, и, разумеется, стенные панели. Прошло больше десяти лет, и, будучи уже

признанным художником, Альтхамер, принимая влиятельных американских коллекционеров, вместо традиционного визита в мастерскую и осмотра работ предложил им прогулку по району Брудно в поисках «коротких мгновений прекрасного». Они были в восторге.

В другой своей инсталляции он раскрыл классический «белый куб» здания галереи «Фоксаль» на прилегающий к ней дикий парк. Установив у окна специальную лесенку, он предоставил зрителям возможность выйти из «священного» ареала искусства не столько в природу, сколько в «обыденность» («Без названия», 1996). И, наоборот, галерею превратил в то место, где на мгновение воцарилась естественность. Этот необычайно простой и вместе с тем выразительный прием приобрел сегодня статус символического произведения: открытие галереи «Фоксаль», «проветривание» досточтимого «белого кубика» совпало с поколенческим переосмыслением значения польских художественных учреждений. Это хороший пример того, как сиюминутная интерпретация не столько искажает, сколько приземляет оригинальные значения в творчестве Альтхамера.

Альтхамер увековечил фигуру наблюдателя в скульптуре под тем же названием (1995), но главным образом в акции «Астронавт», которая состоялась в том же году (а позже он повторил ее на «Документе-Х»). Одетый в белый комбинезон он шел по Быдгощу — от вокзала до Окружного музея им. Леона Вычулковского — и снимал на пленку окружавшую его действительность, преисполненный энтузиазма современного Колумба. То, что он снимал, проектировалось на монитор, который находился у него за спиной. Белый костюм астронавта соответствует символической белизне интерьеров галерей — прием этот был использован и в брудненской акции; в рамках выставки в галерее «Захента» Альтхамер отремонтировал и покрасил находившуюся рядом детскую площадку, тем самым он как бы «освятил» очередной ареал как необычайно интересный и достойный всяческого внимания («Детская площадка», 2003). В следующей акции, организованной им самим в Зеленой-Гуре, он приглашал совершить вместе с ним путешествие в белом автобусе, который символизировал галерею на колесах, из окон которой можно любоваться прекраснейшим произведением.

Другая идея Альтхамера — это «прозрачные» фильмы. Идея заключалась в том, чтобы направить наше внимание в сторону «необычной обыденности». Первый акт этого проекта прошел в рамках фестиваля-биеннале «Манифеста-3» в Любляне (2000).

«Motion Picture» — это разыгрываемая актерами повседневность: там были уличный музыкант, турист с картой, влюбленная парочка, старичок, кормящий голубей, нищий... Тот, кто не знал, что это поставленная сценка, проходил мимо, ничего не заметив. Сценка разыгрывалась ежедневно, пока продолжался фестиваль. В следующих сериях этого необычного киноцикла уже принимали участие известные актеры, которые играли все-таки себя — прохожих (Мирослав Бака, Варшава, 2005) или знаменитостей (Питер Фонда, Питтсбург, 2004). Действие недавнего «Фильма» (2007) происходило в Лондоне и сопровождалось размахом, достойным блокбастера: реклама в метро и на улицах, трейлеры в кинотеатрах, а прежде всего звезда в главной роли — Джад Лоу. Действие происходило на рыночной площади Боро-маркет, однако звездой тут был не актер, а спектакль, который предложила сама действительность. Джад Лоу покупал рыбу и шел своей дорогой, а торговцы и прохожие, перемешавшись с актерами, делали то, что всегда. Британский актер-звезда так же, как М.Бака и П.Фонда, сыграл роль приманки для публики, которая благодаря участию в необычном событии, может быть, воскликнет когда-нибудь вслед за Альтхамером: «Великолепно! Какая чудесная обыденность!».

Чем больше я ощущаю себя ребенком, тем ближе к нему становлюсь

«Так называемые волны, а также другие феномены разума» (2003–2004, вместе с Артуром Жмиевским) — это цикл из восьми фильмов с тавтологическими названиями: «Пейотль», «ЛСД», «Магия грибов», «Гашиш», «Гипноз», «Гипноз-2», «Сыворотка правды», а также «Вероника». Наркотики тут выступают не как наказуемые «одурманивающие средства», но как первичные естественные средства воздействия и активизации как правило не используемых сфер человеческого сознания. С той же целью художник подвергает себя гипнозу и позволяет ввести себе раствор, повсеместно известный как «сыворотка правды». В «Так называемых волнах» встречаются две фигуры, определяющие творчество Альтхамера: шамана и наблюдателя. Однако появляется тут и третья фигура, незаслуженно, как мне представляется, не упоминаемая, — ребенка. В ней, по-моему, фактически сплетаются все самые важные сюжеты творчества Павла Альтхамера.

При неведении (настоящем, а не вынужденном, например в результате медитации) и чистоте разума ребенок претендует на звание идеального художника: «Речь идет о восстановлении восприимчивости, часто присущей детям, которых восхищает

всё вокруг. Они не критичны: весь мир великолепен, они сами великолепны, всё, что бы они ни сделали, великолепно. У них нет проблем с творчеством, ибо всё, что они ни нарисуют, великолепно. Как сохранить в сознании эту великолепную восторженность? Или как к ней прийти?» Альтхамер также утверждает, что медитация или транс — это по сути попытка вернуться к младенческому состоянию не столько собственной личности, сколько всех предыдущих воплощений: «Приняв псилоцибин, я пережил некие мгновенные состояния воспоминаний о том времени, когда сам еще бегал почти нагишом, завернувшись в какую-то шкуру. Всё это где-то во мне зафиксировано, находится в моем черном ящике — со всей историей, со всей эволюцией».

В инсталляции «Король Матиуш I» (2001) Альтхамер заменил всех сотрудников музея детьми. В 2002 г. он организовал бал, который вызвал невероятную творческую экспрессию: дети сами проектировали костюмы и декорации. Бал проходил в стенах Уяздовского замка, то есть в помещении, где ныне находится Центр современного искусства. Роли короля и королевы достались директору центра и его жене.

В другой раз семилетняя дочка Альтхамера заменила отца и на одной из выставок представила собственный проект: рисунки и скульптуры из моделина («Без названия», 2003). Точно такое же решение художник предложил и в Таллине, где настенную живопись выполнил его сын Бруно.

В ряде других инсталляций Павел Альтхамер отдавал в распоряжение детей площадку, использовал их помощь, работал для них, помещал их в центр событий или просто направлял на них свое внимание. Хотя он прославился и как конструктор кукол, а в 1993 г. вместе с сыном построил с помощью кирпичей и раствора миниатюрную модель Уяздовского замка, тем не менее лишь примерно с 2001 г. в его творчестве постоянно присутствуют дети. Парадоксальным образом, фигура ребенка определяет зрелого человека и художника, а «впадающий в детство» Альтхамер — это скорее увенчание творческой позиции, чем ее зачин. Незрелость становится и ответом на вопрос относительно божественности мира, и столь же сильным, как наркотики, стимулом дальнейшего его исследования. Ведь ребенок — это маленький шаман, а шаман — это «личность, с помощью которой можно связаться с инобытием».

«Вероника» — это совершенно иной, чем остальные, фильм из цикла «Так называемые волны, а также другие феномены разума». Он иллюстрирует весеннюю прогулку дочери и отца, а

по сути — их молитву без слов, восторг перед чудом бытия.
«Бога я нашел в своей дочери Веронике», — говорит Альтхамер.

Все высказывания Павла Альтхамера (а также подзаголовки) почерпнуты из бесед с Артуром Жмиевским, опубликованных в книге «Дрожащие горизонты» (издал Бытомский культурный центр в сотрудничестве с корпорацией «Ха!арт», Краков — Бытом, 2006).

Все репродукции печатаются с любезного разрешения Фонда галереи «Фоксаль».

В качестве заголовка к данному тексту я взял название одного из фильмов Ионаса Мекаса («As I Was Mo-ving Ahead Occasionally I Saw Brief Glimpses of Beauty», 2000).

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Книгоиздательским событием сентября несомненно стал выход в свет нового исторического труда Нормана Дэвиса «Европа воюет. 1939–1945. Не такая простая победа» («Знак»). «Премьера» книги была организована довольно эффектно. Она была приурочена к 1 сентября, 69 й годовщине начала II Мировой войны. На пресс-конференцию в Музей Варшавского восстания автор приехал на старом «Фиате-508» 1936 года выпуска (этот автомобиль во время войны использовался сначала польской армией, затем — Вермахтом, а потом — Красной Армией). Автора сопровождали адъютанты в подлинном польском обмундировании образца 1939 года, в конференц-зале был установлен бомбардировщик «Либерейтор Б 24». Несколько театральное оформление не меняло того факта, что Дэвис вновь обратился к важной теме. Он разделяется с мифами, выросшими вокруг II Мировой войны. И в очередной раз разжигает споры и эмоции.

В своей книге Дэвис оспаривает многие устоявшиеся мнения. Он прямо пишет, что союзники — а Запад с трудом принимает это к сведению — без СССР не смогли бы выиграть войну. В книге содержится, как утверждает автор, «провокационная статистика», из которой следует, что Советский Союз нанес гитлеровской Германии 80% общего ущерба, США — 15%, Великобритания — около 5%.

«Если бы Красная Армия потерпела поражение, — сказал Дэвис в интервью газете «Жечпосполита», — вся мощь немецких вооруженных сил обрушилась бы на Великобританию, и итог этого противостояния был бы очевиден. Американцам же не хватило бы времени нарастить свою мощь. В 1939 г. американская действующая армия по численности была меньше польской».

В интервью «Дзеннику» историк утверждает, что войну выиграла Красная Армия, однако, разумеется, не ради демократии, свободы и справедливости, а для упрочения советской тоталитарной системы. Дэвис также отрицает, что можно ставить знак равенства — как это делают в России — между II Мировой и Великой Отечественной войной. Эта аксиома представляется ему совершенно ложной: «Прежде чем эта Великая Отечественная война началась, Советский Союз был крупнейшим союзником Гитлера. Впрочем, американцы

тоже поставили в Вашингтоне памятник, надпись на котором гласит: „Вторая мировая война. 1941-1945”» (т.е. годы участия США в мировой войне).

Какой вывод из этого следует? По существу вся история самого важного события XX века подверглась манипуляциям и мифологизации.

«Но, возможно, когда-нибудь, — утешает читателей Норман Дэвис, — какой-нибудь китаец, далекий от этих мифов и в то же время добросовестный аналитик, напишет настоящую историю этой войны...»

• В канун 64-й годовщины начала Варшавского восстания Варшавский городской совет присвоил очередные звания почетных граждан города. Одним из удостоенных этого звания стал Эрвин Аксер, участник Варшавского восстания и знаменитый театральный режиссер. Человек театра, он прекрасно владеет и пером. Мы знаем его как автора «Писем со сцены», «Дел театральных», а также чарующих воспоминаний «По памяти» (кое-что из них мы публиковали в нашем журнале).

Присуждены также премии города Варшавы. Среди лауреатов — Ольгерд Будревич, автор репортажей о путешествиях по всему миру («Я был везде») и многочисленных книг о столице, в том числе «Варшавского Бедекера». Премии удостоена также Стефания Гродзенская, автор многих текстов о Варшаве. Писательница, известная своим чувством юмора, не смогла прибыть на церемонию, проходившую в Королевском замке, но прислала такое письмо: «Я — элемент пришлый. Живу здесь уже 87 лет, люблю всякое место, где что-то стояло, а теперь стоит совсем другое. Я люблю две столицы: ту, которой больше нет, и ту, что есть сегодня».

• Польские спортсмены слабо выступили в Пекине, зато у любителей поэзии по случаю Олимпиады появилась занятная новинка. Госиздат (ПИВ) выпустил сборник Тадеуша Ружевица «Две стороны медали», где главное место занимает тема спорта. В сборник вошли стихотворения, публиковавшиеся с начала 1950-х до 2002 года. В нем можно увидеть фотографии из семейного архива, в частности снимки семейной стрельбы из лука. На одной фотографии (1932) среди молодых футболистов команды из города Радомско есть и совсем юный Тадеуш. Предисловие к сборнику написал Ян Ружевич, младший сын поэта. Он вспоминает, как отец «постоянно поощрял его к занятиям каким-нибудь спортом, хотя сам держался на безопасном расстоянии». Теперь зрение поэта «заволокла

пелена», но «осталась любовь к спорту, тщательно скрываемая — как всякая юношеская любовь».

- А вроцлавское «Бюро литерацке» выпустило в середине сентября новый сборник Ружеви́ча «Купи кота в мешке (work in progress)». В нём опубликовано 21 стихотворение, ни одно из которых раньше не печаталось. Наряду со стихами здесь есть и проза «вперед девка вперед», а также состоящее из шести частей эссе-пастиш в стихах и прозе «Новая драматургия (творческие интерпретации)». Сборник иллюстрирован 20 цветными рисунками поэта и рукописными автографами, среди которых — цикл «Романы в лифте».

- В двенадцатый раз будет присуждаться литературная премия «Нике». В финальной семерке лучших книг 2007 г. три романа: «Полюса» Ольги Токарчук, «Надгробие из терразита» Кшиштофа Варги и «Ассистент смерти» Бронислава Свидерского, — а также две книги репортажного характера: «Окружность головы» Влодзимежа Новака и «Черный сад» Малгожаты Шейнерт. Жанр эссе представлен биографическим «Лицом Тувима» Петра Матывецкого, поэзия — сборником «Мимолётом» Уршули Кóзел. Имя лауреата станет известно 5 октября.

- Анджею Стасюку, автору книги «По дороге в Бабадаг» («Нике»-2005), присуждена Международная литературная премия «Виленика», учрежденная в 1986 г. Союзом словенских писателей и присуждаемая писателям из Центральной Европы за выдающиеся достижения в жанре художественной литературы и эссеистики. Среди лауреатов премии предыдущих лет были Томас Венцлова, Збигнев Херберт, Милан Кундера, Адам Загаевский.

- Самым громким событием сентября в польском кинематографе стал скандал из-за фильма, которого... еще нет, и неизвестно, появится ли он вообще. Речь идет о блокбастере «Тайна Вестерплатте», который собиралась снять варшавская студия «Плеограф» к 70 й годовщине начала II Мировой войны. Споры вызвал уже сам сценарий. Его автор, режиссер фильма Павел Хохлев, реконструируя события знаменитых семи дней обороны гданьского полуострова от немцев в начале сентября 1939 г., по слухам, собирается представить защитников Вестерплатте в оскорбительном виде, не соответствующем исторической истине. Часть прессы уже успела возмутиться — названия статей говорят сами за себя: «Пьяное Вестерплатте не пройдет», «Киношники растаптывают легенду», «Трусы с Вестерплатте — новый фильм о сентябре». Как сообщала «Жечпосполита», «в одной из сцен покажут пьяного

защитника, мочащегося на портрет маршала Рыдза-Смиглого. В других — солдаты воруют продовольствие со складов и бегают голышом под немецким обстрелом». Впрочем, обвинений в фальсификаторстве и безнравственности куда больше.

Всё началось с того, что создатели фильма обратились в канцелярию премьер-министра с предложением взять этот фильм под покровительство. Чиновники передали сценарий группе историков, и тогда взорвалась бомба. Мнение историков было разгромным. «Сценарий не имеет ничего общего с исторической истиной. Это литературный вымысел, вдобавок наносящий удар достоинству и чести польского солдата», — констатировал начальник управления делами премьера Славомир Новак. Он предупредил, что обещанная прежде Польским институтом киноискусства дотация (3,5 млн. зл.) будет отменена.

В свою очередь реакция властей вызвала возмущение деятелей культуры. «Трудно поверить, — говорится в их открытом письме, — что политики, подчеркивающие свою приверженность „Солидарности“, считают своим делом явочным порядком вводить предварительную цензуру, используя при этом государственные учреждения. Даже если бы сообщения прессы о сценарии оказались хоть отчасти правдивыми, то и тогда оправдать действия чиновников было бы чрезвычайно трудно, так как они создают угрозу демократии и представляют собой опасный прецедент в цивилизованном мире».

Протест подписали, в частности, Филипп Байон, Яцек Бромский, Феликс Фальк, Роберт Глинский, Януш Гловацкий, Агнешка Холланд, Славомир Идзяк, Кшиштоф Краузе и Ежи Штур.

Известный режиссёр Казимеж Куц это письмо не подписал. «Если бы 50 лет назад чиновник такого ранга, как Славомир Новак, повел себя подобным образом, то не появился бы „Канал“ Анджея Вайды, — сказал он «Газете wyborczej». — С другой стороны, режиссёр и продюсер „Тайны Вестерплатте“ сделали ошибку, направив премьер-министру письмо с просьбой о покровительстве и сценарий фильма. Это доказательство неразумности и непонимания политической ситуации. В Польше не прекращается яростная борьба между „Правом и справедливостью“ и „Гражданской платформой“, в том числе из-за памятников. У одних — Музей Варшавского восстания, другим хочется иметь Музей Вестерплатте. Авторы сами положили голову под нож политических интриг. Поддержать их я не мог».

Каков будет финал всего этого дела, неизвестно.

- На экраны польских кинотеатров вышел нашумевший российский фильм «1612». Он привлёк к себе вполне понятный интерес, так как, во-первых, рассказывает об изгнании поляков из Кремля, а во-вторых, роль злодея играет один из самых популярных наших актеров Михал Жебровский. Однако никакой основательной дискуссии картина Владимира Хотиненко, пожалуй, не вызовет. Критики в большинстве сочли фильм несерьёзным: это приключенческая лента с орнаментикой по образцу западного кино-фэнтези.

Здислав Петрасик высказался на страницах «Политики» так: «Мы можем своими глазами убедиться, что хотя политический посыл здесь очевиден (после периода т.н. смуты в России всегда наступало время законных царей), но смотрится этот фильм прежде всего как впечатляющий спектакль. И если неназванным героем фильма должен был стать Путин, то это Путин в плаще и со шпагой. Блокбастер, созданный по заказу Кремля, обошёлся в 12 млн. долларов, и деньги эти потрачены добросовестно. Битвы, погони и поединки — всё тут на уровне хорошего приключенческого кино».

Марек Садовский, кинокритик «Жечпосполитой», несколько более суров в своей оценке: «Политическая нагрузка не могла не сказаться негативно на окончательном результате. „1612” — это осуществленный с постановочным размахом, визуально эффектный, но неглубокий, нагло поучительный фильм о вражде к чужим и необходимости сильного властителя».

Искусствовед Моника Малковская пишет в той же газете: «Картина скроена в соответствии с непритязательными интеллектуальными запросами и притупленным восприятием. Фабула несложная, поддающаяся изложению в нескольких фразах. Диалоги сведены к обрывкам предложений и нечленораздельным звукам, типа тех, что издаёт жертва под пытками. Фоном служит помпезная музыка с духовыми инструментами в главной партии. Винегрет сцен, из которых с трудом выуживаешь смысл. Кадры стиснутые, сплошные крупные планы. Ужас хорошо продается, поэтому режиссёр Хотиненко кетчупа не жалеет. Никаких литот, метафор, символов. Брызжут фонтаны крови изо всех отверстий, в воздухе летают человеческие торсы и другие части тела».

Томаш Станчик, пишущий в «Жечпосполитой» главным образом на исторические темы, написал: «Нечего скрывать: во времена той даты, что значится в названии фильма, „1612”, мы были захватчиками, которые вмешались во внутренние дела

России. Так мы и изображены в фильме. В связи с этим трудно назвать этот фильм антипольским (а что, „Потоп” Хоффмана — антишведский?). Однако совершенно неприлично делать из польского гетмана (даже если это, как тут, фигура вымышленная, не имеющая прототипа) убийцу сына Бориса Годунова, в то время как он был убит своими же соотечественниками».

Станчик считает, что «1612» — это, по сути, кардиологическая сказка, сочиненная, чтобы веселее бились русские сердца. Диагноз, пожалуй, меткий. На этом и остановимся.

• В связи с уходом на пенсию проф. Марека Квятковского, ведавшего хозяйством варшавских Лазенок с 1960 года, в январе у парка появится новый хозяин. Им станет Яцек Чечот-Гаврак, выпускник факультета истории искусства Варшавского университета, 20 лет проживший в Англии, где он сотрудничал с «English Heritage» («Английское наследие»), учреждением, охраняющим исторические объекты и достопримечательности высшего класса. Будущий директор Лазенок не в восторге от нынешнего состояния любимого дворца нашего последнего короля Станислава Августа Понятовского.

— В Лазенки надо вдохнуть жизнь, им следует вернуть тот ранг, которого они заслуживают. Сначала навести порядок, затем разработать программу, соответствующую рангу этого исторического памятника, — заявил он. — Лазенки — это наш Версаль. Здесь всё должно быть на королевском уровне. Концерты у памятника Шопену — непременно, но на высоком уровне. Выставки — да, но не случайные, для галочки. Должен быть салон с книгами и киоск с репродукциями архитектуры Лазенок и здешних произведений искусства.

Остаётся только поаплодировать подобным намерениям и ждать результатов. Лазенки заслуживают королевского отношения.

• В польской столице уже в пятый раз прошел Фестиваль еврейской культуры «Варшава Зингера». Первый фестиваль был организован в 100 ю годовщину со дня рождения Исаака Башевиса Зингера, замечательного еврейского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе за 1978 год. Писательская карьера Зингера началась до войны в Варшаве, и, несмотря на то, что в дальнейшем он находился далеко (эмигрировал в Америку), Варшава осталась близкой писателю до конца его жизни. Как отмечал американский писатель и литературовед Кевин Хорват, «Зингер никогда не переставал писать на идише — так, будто никогда не уезжал из Варшавы».

Организаторы фестиваля во главе с Голдой Тенцер пытаются хотя бы на несколько дней воскресить атмосферу варшавского района Налевки. Торжественное открытие фестиваля происходило в синагоге им. Ножиков, где выступили три кантора в сопровождении хора иерусалимской Большой синагоги. На фестивале звучали хасидские песни, а также джаз — играл знаменитый Михал Урбаняк. Театральным событием фестиваля стал спектакль «Полушутя, полусерьезно, или Пряничное действо», подготовленный к 85 летию Шимона Шурмея, с 1969 г. возглавляющего в Варшаве Еврейский театр.

Толпы варшавян привлекала ярмарка на Пружной улице. В субботу и воскресенье (13 и 14 сентября) улицы заполнились лотками и столиками кафе. Можно было попробовать забытые деликатесы еврейской кухни.

• До середины сентября в радомском Музее современного искусства проходила любопытная выставка «Польское искусство после 1945 года. Между идеей современного искусства — и реальностью и памятью». В двух старинных домах Старого города экспонировались работы художников, занимавшихся чистым искусством, и тех, кого увлекали политические и общественные темы. Как написано в одной из рецензий, первые в поисках художественной свободы чаще всего уходили в абстрактную живопись (например, Генрик Стажевский), а другие не боялись ангажированного искусства, с его критическим отношением к окружающей действительности. Представители группы «Впрост» («Напрямик») Збылют Гживач, Лешек Собоцкий, Яцек Вальтошь, Мацей Беняш избрали своей программой борьбу с пээнэровской «пропагандой успеха» и националистической мифологией. Эдвард Двурник в цикле «Путешествия автостопом» запечатлел противостояние между радомскими демонстрантами и милицейскими частями, подавлявшими рабочие демонстрации в июне 1976 года.

Собрание радомского музея пополняется на протяжении почти 30 лет. Сейчас оно насчитывает 4,5 тыс. произведений современного искусства. Более половины картин получены в дар от художников.

• 27 августа во Вроцлаве на 90 м году жизни скончался профессор Мечислав Климович, выдающийся литературовед, многолетний научный сотрудник Института литературных исследований ПАН и профессор Вроцлавского университета, действительный член ПАН. Он занимался литературой и театром эпохи польского Просвещения. Его главные труды: «Предтечи эпохи Просвещения» (1953), обобщающая работа

«Эпоха Просвещения» (1972) и написанное совместно с Романом Калетой «Зарождение театра эпохи Станислава Августа» (1965).

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Станислав Сташиц, покровитель Польской Академии наук (в варшавском Дворце Сташица находятся академические институты) любил говаривать, что надо изучать языки своих соседей и познавать их культуру. Это вспоминается мне особенно сейчас, когда я обращаю взгляд на восток и осознаю, насколько невелико наше знание литовской, украинской и белорусской литературы. Правда, в последнее время положение как будто улучшается, но не вполне, потому что в большинстве случаев литература эта приходит к нам с Запада. Это, кстати, касается и большинства книг русских писателей: у нас переводят только тех авторов, которые нашли широкое признание в Германии, Франции или США, то есть тех, кого нашим издателям нет особой нужды рекламировать. Они просто помещают на обложке оценки из западных журналов. Не так много у нас и работ по истории словесности наших соседей, как восточных, так и западных, и я ломаю голову над вопросом, чем же занимаются выпускники наших многолюдных филфаков.

Положение отчасти улучшилось в отношении украинской, а в последнее время и белорусской литературы: вышло несколько внушительных антологий современной поэзии этих стран, переводят прозу. Это тем более важно, что мы находимся в области пограничья, историю которого, запутанную и сложную, временами не лишенную трагического опыта, легче понять, обращаясь к стихам или романам, а также погружаясь в прошлое. Как раз к прошлому обращается на страницах варшавского журнала «Театр» (2008, №7-8) Анна Коженевская-Бигун в статье «Лесь Курбас, или Театр расстрелянного Возрождения». Следует напомнить, что «Расстрелянное Возрождение» — заглавие изданной почти 50 лет назад Ежи Гедройцем антологии украинской поэзии 1930 х годов (сост. Юрий Лавриненко). Гедройц, кстати, планировал выпустить аналогичные антологии белорусской и литовской поэзии.

Чтение этой статьи даст польскому — а может быть, и не только польскому — читателю поучительный опыт. Автор пишет:

„Краткий период независимости Украины после 1917 г. стал для развития украинской культуры и искусства важнейшим за всю историю страны временем: «малороссийское» было заменено «украинским», начало формироваться проевропейское сознание украинцев. Следующие десять с лишним лет принесли небывалые плоды в литературе и искусстве. Украинцы как будто стремились нагнать многовековое отставание. Эти недолгие годы в истории украинской культуры носят название «расстрелянного Возрождения». Его завершили массовые сталинские репрессии украинской интеллигенции и Голодомор 1932–1933 гг., окончательно сломавший Украине хребет. Лесь Курбас был одним из тысячи с лишним самых видных украинцев, расстрелянных осенью 1937 г. на Соловках в 20 ю годовщину октябрьской революции. ^[1]

Он родился в 1887 г. в Самборе под Львовом в актерской семье. Изучал во Львове и Вене славянскую и германскую филологию. Получил музыкальное образование. Говорил на десяти языках. (...) В числе его увлечений была антропософия Штайнера, особенно ее театральный аспект: единство зрителя и героя, размывание границы между сценой и зрительным залом. В театре и вообще в искусстве он усматривал потенциал, позволяющий воспитать новое общество. Следовало перестроить это искусство и этот театр, так как то, что творилось тогда на украинской театральной сцене, было жалким наследием царской антиукраинской политики. (...)

Шел 1918 год. В Киев вошли большевики. Над городом навис страх. (...) Театр должен был на некоторое время прервать свою деятельность. Курбас обратился к зрителям за финансовой помощью, благодаря которой смог открыть новый сезон. Тогда он поставил один из самых главных своих спектаклей — «Царя Эдипа». Премьера стала кульминацией режиссерских поисков в Молодом театре. «Фивы — это Киев, — объяснял он актерам. — Фивяне — это мы, жившие в счастливом неведении, пока не потряслось все вокруг». Текст начинал произносить один актер, затем присоединялись другие, и наконец весь Хор ритмично рассказывал о страхе царя Эдипа. Слова сопровождались жестами. В начале спектакля Хор стоял спокойно, в конце он был крайне динамичен. В противоположность Эдипу — сначала энергичному, затем скупому на жесты. Слепленный Эдип был для Курбаса подобием незрячих украинских лирников — слабых плотью, сильных и зрящих духом. Слепоте царя режиссер придавал самый высокий нравственный смысл. «Царю Эдипу» предстояло стать началом украинского монументального театра”.

Дальше судьба Курбаса развивалась еще более драматически:

„Времена были тревожными. Киев брали по очереди большевики, деникинцы, немцы. (...) Следующий спектакль, поставленный по мотивам произведений Тараса Шевченко, был направлен против большевистского фанатизма и описывал проблему утраты национального самосознания. Тогда Курбас еще относился к новой власти сдержанно. В 1919 г. он сделал выбор: стал на сторону большевиков, хотя украинские театроведы признают это сегодня неохотно. Разумеется, он наивно верил, что большевики помогут в развитии украинской культуры, тем не менее его дальнейшая работа постепенно становилась «национальной по форме, социалистической по содержанию». В 1919 г. решением чиновников Молодой театр был слит с Первым театром УССР им. Тараса Шевченко, на сцене которого в 1920 г. прошла премьера «Гайдамаков» Шевченко (...) Курбас поставил «Гайдамаков» с огромным размахом. Спектакль был признан шедевром”.

В 1926 г. режиссер перешел работать в Харьков:

„Театр обвинили в элитарности, а Курбаса — в буржуазном национализме. Наступил 1929 год, на Украине начались массовые аресты. Курбас, несмотря ни на что, пытался работать. Он открыл лабораторию слова, руководил актерской студией. Однако он всё лучше понимал, что создать советское искусство в украинском издании попросту невозможно. Он заплатил за это тяжелой болезнью и депрессией. Мечтал поставить «Патетическую сонату», но не смог этого сделать. (...) Курбаса заставили ставить «Диктатуру» Ивана Микитенко. Это была типичная агитка, призывавшая крестьян вступать в колхозы. Все украинские театры получили приказ ставить эту пьесу. Курбас, правда, поставил ее последним, хотя, с другой стороны, особой вражды к этому тексту не испытывал. В сохранившихся письмах можно найти прямо-таки восторженные отзывы режиссера о «Диктатуре». Он вычеркнул лишних действующих лиц, несколько поправил композицию драмы и создал вокально-декламационный спектакль. (...)»

В октябре 1933 г. Курбаса сняли с поста художественного руководителя [театра «Березиль»]. Друзья советовали ему бежать с Украины. Он уехал в Москву, но там его арестовали и приговорили к пяти годам. Срок он должен был отбывать в Казахстане. Однако его отправили на север, на Беломорканал. В лагере Курбас с большим успехом руководил театром, главной задачей которого было развлекать начальство и охрану. Донос бывшего заведующего театром стал решающим в судьбе Курбаса. Его перевели в лагпункт особого режима Вань-губа.

Там он тоже работал в театре, в частности, готовил премьеру спектакля «Сон на Вань-губе» — оперетты о жизни эков, но даже в таком месте ему удалось поставить «Маленькие трагедии» Пушкина. Соловки были тогда важным центром духовного, артистического и интеллектуального развития. Курбас встретил там многих своих знакомых, которые, увы, разделили его судьбу. А потом украинская культура погрузилась во тьму вплоть до 60-х годов — до времени нового расцвета, столь же жестоко подавленного и названного «удушенным Возрождением». Как сказал Иосиф Бродский, в античной трагедии погибает герой, в трагедии XX века — весь хор...”

Вопросы культурного самосознания постоянно остаются одной из важных проблем большинства стран нашей части Европы. Верным представляется замечание в «Зарубежном обозрении» журнала «Творчество» (2008, №7), авторы которого, Анна Багряна и Войцех Пестка, рассказывают о молодой украинской литературе:

„Несколько дней назад, когда мы бродили по улицам Ивано-Франковска и разговаривали о положении в украинской литературе и ее самых молодых представителях, поколении «двухтысячников», Тарас Прохасько, провозгласив апологию природе и биологии как единственной системе норм, в которой можно рассматривать личностную активность человека, обратил наше внимание на две вещи. Это первое поколение, сознание которого не строится вокруг определения «украинский писатель», — они попросту писатели, а определение «украинский» получили без борьбы, в подарок от жизни. Они не обязательно реализуют себя на бумаге, располагая более мощными инструментами — на уровне времени, в которое им пришлось жить. Интернет дает им независимость от издательств, позволяет идти к читателям, минуя посредников, с использованием мультимедийных средств, дополненных активными элементами, взятыми из других «реальностей», с помощью которых они конструируют свои художественные творения”.

Это замечание о принадлежности к украинским писателям кажется не просто интересным: оно свидетельствует о том, что в сфере литературы — а это вовсе не так очевидно, если сравнить, например, с положением в Белоруссии, — укоренение в национальном языке и национальных традициях стало свершившимся фактом. Кстати, международные успехи таких авторов, как Юрий Андрухович, Оксана Забужко или тот же Тарас Прохасько, явно показывают, что и во внешнем мире «украинскость» стала — что не было так заметно еще четверть

века назад — самоочевидностью. Не каждой культуре так везет. Тут интересной темой в дискуссии может стать судьба лемков, которой посвящен спектакль по пьесе Роберта Урбанского «Лемко», поставленный в легницком Театре им. Хелены Моджеевской Яцеком Гломбом. Ему посвящена рецензия Иренеуша Гушпита во вроцлавском журнале «Одра» (2008, №7–8). Автор озаглавил рецензию «Лемковские „Дзяды” Яцека Гломба», используя название драмы Адама Мицкевича, где речь идет о кладбищенских обрядах на литовско-польско-белорусском пограничье:

„Спектакль «Лемко» идет в разрушенном здании бывшего театра варьете, которое Яцек Гломб обнаружил в запущенном легницком районе Закачевье. У собравшихся перед спектаклем зрителей есть возможность созерцать окружающий их турпистический пейзаж: переполненные мусорные ящики, обшарпанные стены, рахитические деревца, поблескивающие грязью лужи и хлопающее на ветру белье. Вход в здание стерегут прочные — решительно не театральные, скорее фабрично-складские — металлические ворота. (...) В ожидании начала будущий зритель знает, что спектакль Гломба рассказывает о лемках — украинской этнической группе, веками населявшей Низкие Бескиды, а после войны в наказание переселенной в северные и западные воеводства Польши. Таким образом, он знает, что это будет рассказ о людях и том их мире, который безжалостно уходит в забвение и реликты которого, по мнению многих, должны сохраняться исключительно в скансене эмоций. Он может также ожидать, что Гломб к поклонникам таких скансенов не принадлежит, так же как не принадлежит к поклонникам истребления материальной культуры.

Свет постепенно гаснет, в темноте тихо звучит музыка. Вспыхивает свет. На балконе, на скамейке, прямо под Оком Провидения, намалеванном белой краской на коричневой стене, — то есть, по правде говоря, на небесах — сидят лемки: священник, мужчины, женщины, молодежь. Они как фреска, как сон, как память... Как память главного героя — Ореста, который позвал к себе в избу родных: жену, детей, зятя, — на своеобразное общение с духами, на такие обычные, сельские, лемковско-украинско-польско-русско-немецкие дзяды. Связь реальных действующих лиц с духами (в программке названных «теньями») позволила режиссеру выйти за стереотипные рамки рассказа об истории и обидах, а то и о необходимой расплате. Гломба не интересовала проверка, кто тогда был прав, кто виноват, не интересовало его и эпическое полотно о безжалостности исторических жерновов, перемалывающих в

пыль жизнь личностей, семей, племен и народов. Он не собирался облекаться в прокурорскую или судейскую мантию, чтобы обжаловать давным-давно вынесенные приговоры”.

Драма лемков, их принудительное выселение с родной земли — одно из тех польских коммунистических преступлений, которое хоть и известно, но остается т.н. «утаенным нарративом». Спектакль рассказывает об истории изгнания:

„В финальной сцене в лемковскую семью, где-то недалеко от Легницы, заходят соседи-поляки. Вдруг в избу вбегает внук, крича, что приближаются приезжие из Германии, которые давным-давно жили в их доме. У собравшихся вытягиваются лица, костенеют движения. Решительным, тяжким и собственническим движением они приседают на край сундука. Их холодные взгляды ясно говорят: с дзядами кончено, важнее всего то, что есть, так, как есть, теперь! (...)»

...из формализованной телесной выразительности, логически исходящей из содержания и эмоций текста и подчиненной пластическому ригоризму костюмов, извлечено такое качество, при котором произносить слова вообще не нужно. Примером могут быть сцены, в которых украинец, немец, русский и поляк излагают лемкам доводы, которые должны склонить их к недвусмысленному выбору своей государственной принадлежности”.

Что же, на этот раз я пригласил вас в пространство театра, а театр — эхо того, что продолжает твориться в нашем мире. Мы играем то роль героев, то роль свидетелей. Рассказываем свои и чужие истории, погруженные в бурный поток всеобщей политической истории. И постоянно узнаём из газет, а некоторые, увы, по собственному опыту, что это такое — «доводы, которые должны склонить к недвусмысленному выбору». И когда задумаешься над этим поглубже, то эти доводы принять невозможно, ибо обычные люди, обладающие одной неповторимой жизнью, знают, что «недвусмысленного выбора» не существует, что за ним всегда идет какое-то «но». Однако дело обстоит и не так, как хотел бы симпатичный и одаренный Тарас Прохасько, сводящий нашу жизнь к природно-биологической сфере. Такой удачи уже нет. И никогда не будет.

Исправим некоторые неточности автора статьи. Трудно считать, что «краткий период независимости Украины» продолжался «десять с лишним лет» и закончился лишь Голодомором и репрессиями. В самом лучшем (хотя и сомнительном) случае независимость Украины — уже под

маркой УССР — продержалась до 1922 г., до образования СССР. Может быть, А.Кожановская-Бигун имела в виду некую «культурную независимость»? Но и она была довольно сомнительной, что, кстати, видно по цитатам из ее статьи.

Вторая неточность, о «тысяче с лишним самых видных украинцев, расстрелянных осенью 1937 г. на Соловках», — фактическая ошибка. Осенью 1937 г., в течение нескольких дней, действительно было расстреляно больше тысячи заключенных Соловков, но... Как пишет портал украинского «Мемориала», с «27 жовтня по 4 листопада 1937 у Сандормох було привезено й розстріляно 1111 ув'язнених Соловецького табору; серед них — багато видатних діячів науки, культури, релігійного й громадського життя Татарії, Удмуртії, Республіки німців Поволжя, України, Білорусії, Грузії, Азербайджану й інших регіонів СРСР». Расстрельный список по «делу №103010 Оперативной части Соловецкой тюрьмы ГУТБ НКВД СССР» включает 134 имени «украинских буржуазных националистов». Сандормох, место расстрела первого и самого крупного соловецкого этапа в эпоху «большого террора», находится не на самих Соловках, а близ Медвежьегорска, на юге Карелии. — Ред.

КТО НЕ ХОЧЕТ ДИАЛОГА?

Если скромный журнал, выходящий относительно небольшим тиражом, становится предметом обсуждения на заседании Совета Федерации крупной державы, его редакция должна быть довольна. Однако же это не так, и по нескольким причинам. Во-первых, это была не дискуссия, а монолог главного редактора «Нашего современника» Станислава Куняева, изложенный на страницах журнала «Российская Федерация сегодня» Вячеславом Щепоткиным. О голосах, прозвучавших в этой дискуссии, последний не упоминал, так что их, видимо, не было. Во-вторых, о недоброжелательности г-на Куняева по отношению к «Новой Польше» нам известно уже много лет, мы привыкли к ней. В-третьих, мы готовы к дискуссии, к полемике, потому что как раз к обмену мыслями и даже к резкой перепалке мы подготовлены — временами просто нет другого пути к истине и согласию. Г-н Куняев, однако, не хочет дискуссии, потому что, не доверяя силе своих аргументов, призывает на помощь государственные учреждения, требуя от них лишить «Новую Польшу» разрешения на ее распространение как иностранного издания на территории Российской Федерации. В-четвертых, как я уже упоминал, мы хотим дискутировать, но как-то не видим других противников, кроме редактора «Нашего современника».

«Новая Польша» на протяжении девяти лет привлекла достаточно многочисленный круг польских сотрудников. К данному моменту у нас напечатали свои статьи, литературные произведения и письма свыше ста россиян. При этом важно, что такая болезненная тема, как расстрел польских офицеров в 1940 г. (условно говоря, катынское дело) появляется на наших страницах исключительно благодаря усилиям русских авторов.

Испытания эпохи тоталитаризма затронули не только поляков (и об этом мы тоже писали), но и представителей всех народов, которые оказались в пределах досягаемости сталинского террора. Это нас объединяет. Точно так же, как совместная или одновременная борьба с гитлеровским нашествием. И точно так же, как работа над выяснением прошлого. Естественным союзником являются здесь люди из «Мемориала», которым «Новая Польша» охотно предоставляет слово. Я хотел бы здесь процитировать мнение Александра Исаевича Солженицына на тему такого совместного польско-российского продвижения к правде. Это фрагмент письма, которое он прислал в Варшаву в

1992 г., когда узнал, что кто-то берется действовать в данном вопросе: «Я рад был узнать о том, что устанавливаются дружеские польско-русские связи. Неисчислимы страдания, уже пережитые нашими народами под коммунизмом, — и те горькие последственные страдания, в которые мы ввергнуты с его уходом, — наконец уже освещают светом союзничества и дружбы — всех нас, уцелевших». Идея этого послания актуальна и близка нам.

Русских, поляков, украинцев — представителей всех народов, которых затронули репрессии, — связывает человеческая потребность «поименно назвать» всех павших, как писала Анна Ахматова в «Реквиеме». Поэтому столь важны почести, воздаваемые умершим, уважение к местам захоронений. Мы многократно занимались этим в «Новой Польше», когда писали, например, о совместных военных кладбищах I Мировой войны или о православном кладбище в Варшаве. Могилы — это, как говорят в Польше, «якоря памяти», нашей общей памяти.

Алексей Памятных пишет о варшавском Памятнике благодарности, а я хотел бы еще напомнить о кладбище солдат Красной армии в центре Варшавы, которое было осквернено, пожалуй, единственный раз после 1989 г., и тогда Лех Валенса лично отправился чистить облитые краской надгробия, чтобы уже никому больше подобные эксцессы не пришли в голову. Это возымело действие. Впрочем, относительно данного Памятника благодарности мнения самих россиян представляются разделившимися. Бывший диссидент и сотрудник Александра Солженицына Виктор Лозинский в свое время выдвигал требование разместить на пьедестале памятника доску с надписью: «Варшава, прости».

История занимает много места в «Новой Польше» не только потому, что она связывает наши народы, но еще и потому, что она их разделяет, а мы хотим как-то преодолеть подобное разделение. Этого не решить ни какой-то одной публикацией, ни их циклом, ни одной дискуссией. Такие темы — на годы, но с чего-то надо начинать. Однако прежде чем начинать, надлежит договориться по поводу одного: нет священных народов. Поэтому нас не любят и польские шовинисты, которые считают, что «Новая Польша» внушает отвращение к нашей стране, нашим традициям, — мы открыто пишем о столь болезненных для нас делах, как проявления антисемитизма, как погром в Едвабне. По-видимому, существует определенный тип человека, которому мы никогда не угодим. Ну, тут уж ничего не поделаешь.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Глубокоуважаемая редакция!

В издаваемом российским парламентом журнале «Российская Федерация сегодня» недавно (2008, №9) была опубликована статья его обозревателя Вячеслава Щепоткина под названием «Польский рупор и российская немота» о якобы русофобии и ненависти к России как редакционной политике журнала «Новая Польша». Статью можно прочесть в Интернете:

http://www.russia-today.ru/2008/no_09/09_media_01.htm

В доказательство своего главного тезиса автор приводит многочисленные цитаты, вырванные из контекста, выдавая их за доминирующие в журнале и отражающие мнение редакции. Вероятно, редакция более детально отреагирует на упомянутую статью, мне же хотелось бы просто для примера отметить несколько случаев совершенно явного передергивания и искажений.

1. Уже в начале своей статьи автор приводит цитату из высказывания писателя и поэта (и, кстати, переводчика русской поэзии) Ярослава Рымкевича о русском народе, причинившем «соседям и всему человечеству столько зла» и поэтому вообще не имеющем «права существовать».

В действительности, это лишь «цитата из цитаты», а более полная цитата такова:

«Иногда мне кажется, что народ, причинивший своим соседям и всему человечеству столько зла, угнетавший и истреблявший литовцев, татар, поляков, чеченцев — да, собственно, все соседние народы — вообще не имеет права существовать. И что факта его существования не оправдывают, а его ужасных вин не могут искупить даже те великие и прекрасные творения, которые он дал миру: творения Пушкина, Тютчева, Рахманинова, Мандельштама, Прокофьева, Шостаковича (...) А иногда я думаю о русских с огромной любовью и огромной болью, вспоминая, что это народ многострадальный, втянутый в шестерни истории и нечеловечески истерзанный ими. Если это так (...) то надо с изумлением и даже восхищением взирать на то, что несмотря на все перенесенные им страдания он сумел породить Тютчева и Мандельштама (...) Я знаю точно, что история отношений России и Польши еще не закончена, что в ней еще произойдет немало плохого и страшного. Это совершенно очевидно, ибо в истории

вообще, как правило, происходят плохие и страшные вещи, а вещи радостные и приятные случаются редко». («Жечпосполита», 31 дек. — 2 янв.)

Более того, цитата приведена в журнале под рубрикой «Хроника (некоторых) текущих событий», где даются фрагменты разных публикаций из польской прессы — публикаций самой разной направленности. Как я понимаю, содержание этих фрагментов вовсе не обязано совпадать с точкой зрения журнала. Поэтому гнев Вячеслава Щепоткина в отношении журнала («давно в мире не звучали подобные людоедские заявления») — мягко говоря, не по адресу.

2. Не менее явный пример из серии «не по адресу» — высказывания профессора Вечоркевича (почему-то названного автором профессором Вегоркевичем) о том, что во II Мировой войне Польше не грех было бы воевать «на стороне рейха». Легко убедиться в том, что Вячеслав Щепоткин взял приводимую в своей статье цитату не из журнала «Новая Польша», а с российского портала «ИноСМИ.Ру», разместившего перевод беседы этого одиозного профессора с журналистом газеты «Жечпосполита», — ибо цитата буква в букву и запятая в запятую совпадает с представленным на «ИноСМИ.Ру» переводом:

<http://www.inosmi.ru/translation/222599.html>

В журнале «Новая Польша» я такой беседы с профессором не нашел. Если не заметил, это означает, что кто-то друг у друга стянул перевод — либо «НП» у «ИноСМИ», либо «ИноСМИ» у «НП». Но мне все-таки не верится, что журнал (в отличие от «ИноСМИ.Ру») стал бы публиковать столь одиозные высказывания, даже если бы хотел представить крайние точки зрения на историю II Мировой войны. Так что гнев лучше опять направить на другого врага — на польскую газету «Жечпосполита» или на российский сайт «ИноСМИ.Ру», а еще лучше — непосредственно на профессора Вечоркевича, популярности ему в Польше явно не хватает, по-моему.

3. Говоря о теме Катыни, «вокруг которой в журнале даже не крик, а истерика» (цитата из статьи Вячеслава Щепоткина), автор приводит какой-то несвязный набор слов, демонстрируя тем самым, что тема ему совершенно незнакома. Журнал якобы выдвигает «требование назвать поименно каждую жертву репрессии». Что хотел сказать автор? Фамилии расстрелянных поляков уже давно выбиты на металлических плитах на польских воинских кладбищах в Катыни, Медном и Харькове. И «меркантильных соображений» у родственников погибших

нет, об этом много раз заявляла Федерация катынских семей, в том числе совсем недавно — ее председатель Анджей Скомпский. Полякам просто нужна полная правда об этом преступлении НКВД, санкционированном высшим советским руководством тех лет (1940). А назвать поименно всех **виновников** преступления — так такое желание высказывают не только поляки, но и московский «Мемориал», который добивается возобновления российского расследования, чтобы его в итоге нормально закончить, обнародовать все материалы (судить-то все равно уже некого, столько лет прошло) и признать расстрелянных поляков жертвами сталинских политических репрессий. Где тут и чья истерика? Может быть, Вячеславу Щепоткину больше по душе подсакивания истеричного публициста Юрия Мухина и его последователей, кричащих о том, что поляков расстрелял вовсе не белый и пушистый Сталин в 1940 году, а гитлеровцы в 1941 м — так, как это «установила» комиссия Бурденко? А потом на протяжении десятилетий совершенное НКВД катынское преступление было главной тайной Советского Союза. Что до использованного при расстреле оружия, так еще с 1943 года (с немецких же раскопок в Катыни) известно, что оно было немецким: может быть, просто более подходило по своим техническим характеристикам и по надежности. И ни один исследователь не рассматривает всерьез гипотезы, что немецкое оружие использовалось, «чтобы потом замести следы в Катыни» (кстати, в основном сталинском документе по Катыни — Сообщении комиссии Бурденко 1944 года — нет ни слова о немецких гильзах и немецком оружии, за такой мощный «аргумент» выдумщики из ведомства Берии почему-то не ухватились).

4. В начале статьи автором или редакцией приведена фотография современного Кракова, а в подписи отмечено его освобождение от фашистов войсками маршала Конева. И добавлено, что в «благодарность поляки недавно уничтожили памятник Коневу». Это неправда. Памятник Коневу был демонтирован более 10 лет назад и по просьбе властей Кировской области передан России — теперь он установлен в городе Кирове. Несколько минут хватило, чтобы найти подтверждение этой информации в местном источнике — еженедельнике «Вятский наблюдатель» (номер 41, октябрь 2007):

<http://www.nabludatel.ru/numbers/2007/41/4.htm>

Я не сторонник переноса и тем более крушения памятников ни в Польше, ни в России. Недавно в Польше в связи с историей

про таллинского «бронзового солдата» радикалы в очередной раз призывали перенести куда-то подальше варшавские памятники советским воинам и воинам Войска Польского, но эта «инициатива» не была поддержана ни местными властями, ни большинством граждан. Все памятники в Варшаве стоят на своих местах, и, например, 9 мая вы увидите около них цветы и свечи, можете принести их и сами, никто в вас плевать и смеяться над вами не будет.

Не очень понятно, зачем Вячеславу Щепоткину понадобилось передергивать факты — и делать это столь примитивно. И «клеймить» уникальный журнал «Новая Польша», который, по-моему, реально работает на взаимопонимание поляков и русских. Свой задор автору лучше было бы направить на создание аналогичного русского журнала, распространяемого в Польше, — несколько тысяч экземпляров расхodziлись бы «как горячие булочки», учитывая возрастающий интерес поляков к русскому языку и русской культуре (и «НП» об этом тоже постоянно пишет).

Алексей Памятных,

астроном, доктор физ.-мат. наук,

Варшава и Подмоскoвье.

В редакцию журнала «Новая Польша»

Уважаемые дамы и господа!

Не могу отделаться от болезненного чувства стыда, которое испытал, прочитав в журнале «Наш современник» (№7/2008) перепечатку из журнала «Российская Федерация сегодня» статьи г на Вячеслава Щепоткина, которая, как можно понять, не только опирается на выступление г на Станислава Куняева на заседании Комиссии Совета Федерации РФ по информационной политике, но и «развивает тезисы» этого выступления. Отчего главный редактор «Нашего современника» не напечатал в своём журнале свое выступление от своего имени, а поместил его в чужом изложении «и развитии», гадать не хочу. Но в последнем абзаце статьи г на Щепоткина содержится обращение к российской Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия с требованием рассмотреть вопрос о распространении вашего журнала в России. По-видимому, это и есть «главное развитие» мысли г на Куняева, поскольку в редакционном предисловии «Нашего современника» к статье г на Щепоткина читаем:

«почему откровенно русофобское издание имеет фактический статус „наибольшего благоприятия” и поступает в российские библиотеки от Смоленска до Владивостока?»

Аргументы? Да никаких, кроме едва ли не площадных ругательств. У меня даже закралось подозрение, а держал ли г н Щепоткин в руках ваш журнал? Может, просто второпях пролистал один-два его номера? Но я не могу даже на минуту допустить, чтобы г н Куняев, солидаризирующийся во всём с г ном Щепоткиным, внимательно не проштудировал «Новую Польшу» перед тем, как выступить на столь важном совещании. А между тем в статье г на Щепоткина ваш журнал именуется «польским рупором провокаций», каковой якобы занимается разжиганием межнациональной розни, «поливом» России, её народов, её властей и политики. Г н Щепоткин делает вид, что для него правда только тогда правда, когда она подтверждает пропагандистскую ложь. Вот он и обвиняет «Новую Польшу» во всех смертных грехах: в том, что она последовательно и честно воюет с беспардонной ложью о Катыни, называя истинных виновников этого кровавого преступления сталинского режима; в расправах поляков над красноармейцами в каких-то мифических «лагерях смерти» в 20-х годах, забывая, разумеется, сказать, что Советская Россия начинает свою историю с агрессии против только-только обретшей независимость Польши. Г н Щепоткин гневно укоряет ваш журнал и за то, что «Новой Польше» будто бы, как он цинично пишет, доставляет «особое удовольствие» (!) ставить на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз. Причём тут «удовольствие»? Странно, но неужели писатель Куняев, поместивший на страницах своего журнала подобного рода оскорбительный вздор, не читал книг писателей Гроссмана, Пастернака, Солженицына, которые много десятилетий назад, ещё при советской власти, находили немало общего между режимами гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза?

Скучно и совестно повторять прописные истины людям, которые сознательно, упорно делают вид, что ничего не хотят знать. И, судя по всему, бесполезно советовать г ну Куняеву (да и г ну Щепоткину тоже) хотя бы только заглянуть в изданную два года назад в Москве книгу главного редактора «Новой Польши» Ежи Помяновского «*K востоку от zapada*». А между тем пан Ежи не раз, в том числе и на страницах «Новой Польши», решительно отмежёвывался от беспочвенных и бесстыдных обвинений в культивировании русофобии, в желании навязать российским читателям «антироссийские» настроения, учить их демократии и проч. «Глупость, — заметил он по этому

поводу, — *пользуется правом голоса и голосами избирателей»* и в России, и в Польше, но *«горе государству, которое во внешней политике руководствуется настроениями толпы...»*

«Новая Польша» стремится говорить правду своим русским читателям — и о поляках, и о русских, и о нашей общей истории. Без этого не разрушить реальные стереотипы, которые в течение столетий отравляли и всё ещё отравляют отношения между нашими народами и странами. Дело нужнейшее, но почти неподъёмное. Оно требует, помимо всего прочего, непременно *интеллигентности*: совестливости, бесстрашия и убеждённости в том, что нет задачи важнее, чем формирование у людей привычки к уважению «иного», «чужого», «не нашего», если, разумеется, оно не настроено против человека, его прав и свобод. Именно это ещё несколько лет назад и поставил в заслугу «Новой Польше» один из её российских читателей, назвавший в письме в редакцию ваш журнал изданием, «которое делается интеллигентами для интеллигентов». Но это, судя по всему, и в России, и в Польше нравится не всем.

Впрочем, и само слово «интеллигенция», родившееся в позапрошлом столетии в России, от частого употребления изрядно поистрепалось и не всеми и не везде понимается одинаково. На это обстоятельство в России обратили внимание ещё сто (!) лет назад: в «Полном словаре иностранных слов» известного московского книгоиздателя Сытина отмечалось, что слово «интеллигенция» «опошлилось», так что именем интеллигентного человека часто называют и невежду, «лишь бы он был то, что называют „образован“, и т.д.» Тогда ещё не было слова «образованец», которым значительно позже окрестил А.И.Солженицын такой вот тип советских (и не только!) «интеллигентов»...

И ещё несколько строк из Ежи Помяновского: и в польском, и в российском обществе, считает он, *«продолжается напряжённость, здесь ведутся споры, особенно по поводу истории. Здесь жируют шовинисты и подстрекатели с обеих сторон; одни запугивают Польшу российским нашествием, другие делают из Польши дежурного врага России. На этой почве вырастает ядовитое зелье — разлад. Не между правительствами — это дело переменчивое и в описываемых условиях катастрофой не грозит. Речь идёт о разладе между поляками и русскими»*. К сожалению, это сейчас действительно так, и прав Ежи Помяновский: одна из главных причин нынешней холодности в отношениях между Польшей и Россией — во взаимном, двустороннем, всеобщем невежестве общественности наших стран, которое

даже куда хуже и опаснее сознательной дезинформации. Ибо невежество всегда воинственно, оно всегда страшится правды, горькой ли, сладкой ли, оно по самой сути своей неинтеллигентно, а потому всегда служит почвой, на которой вырастают провокации, доносы, распри, конфликты, войны. «Новая Польша» уже десятый год мужественно противостоит взаимному невежеству поляков и русских, которое, к сожалению, не исчезло в мгновение ока после падения режимов, державшихся на лжи и подавлении несогласия с собой всякого, даже тихого, даже частного инакомыслия. Надеюсь и верю, что у вашего журнала не отобьют охоту продолжать делать это полезное народам России и Польши дело выпады в российской или польской прессе вроде статьи г на Щепоткина, перепечатанной г ном Куняевым.

С уважением

Андрей Ермонский

Глубокоуважаемый г-н редактор,

я — историк русской литературы, и по характеру работы и кругу профессиональных занятий мне приходится знакомиться с множеством периодических изданий общественно-культурной тематики — и текущих, и старых (которые просматриваешь сразу целыми годовыми комплектами), а в числе последних — и советских, и русских эмигрантских, и (в меньшей степени) иностранных XX века. Читая Ваш журнал, я невольно вставляю свои впечатления в такой широкий исторический и культурный контекст. Поэтому, я надеюсь, мое мнение будет для Вас небезынтересным.

Меня не перестает восхищать исключительно высокий уровень ведения журнала, умение на небольшом журнальном пространстве давать такую захватывающую панораму интеллектуальной и культурной жизни Польши и в ее сегодняшнем состоянии, и в перспективе многовековой истории всего спектра российско-польских и восточноевропейских отношений, полной тектонических сдвигов. Дело не просто в широте спектра обсуждаемых Вами вопросов, но, что гораздо важнее, в подходе к ним, в стилистике рассмотрения, в беспощадной аналитичности, пронизывающей Ваши публикации. Международный характер Вашего журнала состоит не в том, что это «польский журнал на русском языке, для русских читателей», — а в органически присущем ему взгляде и на Польшу, и на Россию изнутри европейской цивилизации с ее системой ценностей. Он

отражается на отборе авторов и тем в каждом номере: Вы находите удивительно интересных и столь естественно выглядящих на Ваших страницах авторов и собеседников не только в самой Польше, но и в России, Литве, в Тель-Авиве, в Париже... Благодаря Вам еще раз убеждаешься в общеевропейском, всечеловеческом характере и польской, и русской культуры.

Всегда поражает меня высокая эффективность, с которой используется вся небольшая площадь, которая отведена на каждый номер. Прекрасный пример тому — постоянный раздел «Хроника (некоторых) текущих событий», где в сжатой, лаконичной форме читателю дан обширный спектр мнений по различным вопросам, подчас вступающих в конфликт друг с другом. По этим нескольким страницам, как и по обзорам «Культурная хроника» и «Выписки из культурной периодики», получаешь живое представление о темах, волнующих польскую печать и общество, и о дискуссиях, вызванных ими.

Главная, на мой взгляд, черта «Новой Польши» — замечательное понимание читателя и уважение к нему и его мнению. На него в журнале нет никакого, пусть тщательно замаскированного, идеологического «давления». Принципиальный плюрализм позиции журнала ориентирован на разговор с умным, самостоятельно мыслящим, остроумным, ироничным собеседником, умеющим скептически относиться и к себе самому, и к тому, что ему говорят и внушают, и способным сопротивляться всяким попыткам превращения его в слепую игрушку политических манипуляций. От Ваших материалов не ждешь душевного комфорта и безмятежного покоя, они не убаюкивают, а, наоборот, тревожат и мучают сознание, память и совесть.

В Ваших публикациях нет ни малейшей попытки кому-нибудь угодить или какого-либо стремления «не промахнуться». Такая безоглядная смелость неизбежна при глубокой внутренней честности. Я вижу в «Новой Польше» продолжение парижской «Культуры» Гедройца — человека, перед которым (как и перед людьми его круга в парижском изгнании) я, исследователь русской культуры и истории, преклоняюсь. Вы умудряетесь находить повсюду — в Польше и в Магадане, в Москве и в Тель-Авиве — безумно интересных, подлинно интеллигентных, нравственно чистых, порядочных людей. О душераздирающих моментах и историях в их жизни в статьях Вашего журнала говорится сжато и сдержанно, без фарисейски утешающих намеков, что, мол, всё это — далекое прошлое, канувшее в Лету. Одним лейтмотивом в журнале проходит

мысль о необходимости отстаивания человеческого достоинства, обличение бесчеловечных жестокостей. Вы — как и все те поляки, мнение которых, как я понимаю, выражает Ваш журнал, — всегда на стороне не «Польши» — а человечности. Вы против Польши, когда видите проявления жестокости, ксенофобии и спеси в ней, и — без всяких дипломатической робостей — против России, когда видите те же черты и в ней. Ваш журнал не «за» диссидентов, грузин, украинцев, евреев, чеченцев или других действительных или мнимых «врагов России». Он — за человечность, за нравственную порядочность, за примат порядочности и совести над политическими и идеологическими принципами. Это чувствуется в каждой фразе в каждой статье. Поэтому на страницах журнала нет ни крупицы пропаганды, которая всегда — одурачивание и принижение человека, циничное презрение к нему.

В «Новой Польше» очевидна врожденная, органическая любовь к России, уважение — без подобострастия, боль за нее и вера в ее творческие силы, в то, что освобождение от «имперских» комплексов раскрепостит ее духовную сущность, раскрытую в великой русской культуре прошлого. Ограниченные, тупые, самодовольные люди могут счесть искренность и честность, последовательную критику сталинистской империи — «русофобией». Нет ничего дальше от истины. «Новая Польша» обнаруживает бóльшую любовь к России и большее понимание русского национального характера, чем многие части постсоветского бюрократического «истеблишмента». Тем и замечателен журнал, что он не только рассказывает о «новой Польше», но и самой России раскрывает ее подлинную, более человечную, а потому и бесконечно более прекрасную сущность, чем тот ее облик, который проступает со страниц ее собственных ежедневных газет и еженедельников на глянцевого бумаге. В исторической перспективе, когда в судьи мы берем не соображения сиюминутного «геополитического» характера, а гипотетическое, но всегда неподкупное будущее, несомненна громадная роль Вашего журнала.

Внимательно просматривая по возможности все новые номера «Новой Польши» и нередко обращаясь к старым подшивкам, я каждый раз прихожу к выводу, что среди современных печатных изданий, выходящих в мире на русском языке, сопоставимых по размеру и ориентированных на интеллигенцию, «Новая Польша» — журнал, безусловно, *самый лучший*. Польза от него и Польше, и всем нам, людям русской культуры, где бы они ни жили, и — смею надеяться, России — огромная.

Лазарь Флейшман,
профессор русской литературы
Стэнфордский университет, Калифорния

В редакцию журнала «Новая Польша»

Как переводчик и издатель польской литературы с 50-летним стажем считаю своим долгом заявить, что решительно не разделяю взглядов автора статьи «Польский рупор и российская немота» («Наш современник», №7, 2008). Мне стыдно за озлобленно несправедливое, недопустимо грубое по форме обвинение журнала в русофобии.

На мой взгляд, журнал «Новая Польша» своими серьезными материалами (подчас спорными) расширяет наше представление о польской культуре, об исторически сложных русско-польских отношениях, освобождая эти отношения от тенденциозности взаимных обвинений.

С глубоким уважением

Наталия Подольская

24.VIII. 2008

*

Читателей «Новой Польши» не нужно убеждать, что наш журнал — отнюдь не рупор официальной Варшавы, не средство пропаганды одних лишь ее успехов и уж тем более не орган польских русофобов. Хорошо известно им и то, что подобные клеветнические измышления распространяет (прибегая к явным манипуляциям) главный редактор «Нашего современника» Станислав Куняев. Автор курьезной карикатуры на польскую историю («Шляхта и мы») особенно рьяно участвует в разжигании ненависти к Польше. Его деятельность носит все признаки патологической мономании, в чем мы смогли убедиться в ходе нескольких дискуссий. Отреагировать на очередной рецидив его фобии нас заставляет новое обстоятельство. Дело даже не в том, что его атака направлена исключительно на наш журнал: будучи единственным периодическим изданием, информирующим российскую интеллигенцию о польском опыте, реформах и дискуссиях, «Новая Польша» непременно должна была стать бельмом на глазу у неспособного к честной дискуссии противника реформ и почитателя сталинского опыта — хоть этот опыт и привел к гибели несравненно большего числа русских, чем все войны России с Польшей вместе взятые. Суть в том, что к кампании

клеветнического пустословия теперь прибавился практический элемент: направленное в Россвязьохранкультуру требование запретить распространение «Новой Польши» на территории Российской Федерации.

Требование это завершает статью Вячеслава Щепоткина, излагающего ложные обвинения и препарированные цитаты, которые Куняев приписал «Новой Польше» на заседании комиссии Совета Федерации по информационной политике.

Ну что ж, давайте назовем вещи своими именами: если любимая цель «Нашего современника» — натравливать русских на поляков, то цель г на Щепоткина — толкнуть государственные органы России на шаг, который стал бы доказательством их солидарности с куняевскими взглядами и методами.

Разумеется, этот шантаж оказался безуспешным. Он и не мог достичь успеха, так как даже противники политики России не могут не признать, что у власти там люди неглупые — это в очередной раз подтвердил и сентябрьский визит в Варшаву российского министра иностранных дел. Запрет на распространение «Новой Польши» стал бы не только актом воскрешения цензуры, которой нет места в правовом государстве. Официальное благословение позиции шовинистов, антисемитов и полонофобов вроде Куняева и Ко стало бы исполнением мечты настоящих русофобов, которые видят только такую статью России и хотят пугать ею мир.

Приведенные выше письма и отзывы свидетельствуют о том, что «особенная статья» России, о которой писал Тютчев, все-таки заключается в чем-то ином. Именно она обеспечивает этой стране благодарность и уважение.

Редактор